Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Сулименко Анна Дмитриевна

Запрет на согласованные действия в конкурентном праве

Специальность: 5.1.3 Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель
кандидат юридических наук, доцент
Пузыревский Сергей Анатольевич

Москва – 2025

Оглавление

Введение..... 3

Глава 1. Понятие антиконкурентных согласованных действий и законодательная конструкция запрета на их осуществление..... **18**

§1. Эволюция понятия антиконкурентных согласованных действий в отечественном праве 18

§2. Законодательная конструкция запрета на согласованные действия, ограничивающие конкуренцию..... 46

§3. Общая характеристика товарных рынков, подверженных антиконкурентным согласованным действиям, и поведения хозяйствующих субъектов на них 63

Глава 2. Соотношение института запрета антиконкурентных согласованных действий со смежными институтами конкурентного права **80**

§1. Соотношение ограничивающих конкуренцию согласованных действий и соглашений 80

§2. Соотношение антиконкурентных согласованных действий и злоупотребления коллективным доминирующим положением 105

Глава 3. Предупреждение и пресечение согласованных действий, ограничивающих конкуренцию на товарных рынках **132**

§1. Правовые механизмы предупреждения антиконкурентных согласованных действий 132

§2. Особенности установления согласованных действий, ограничивающих конкуренцию 152

§3. Юридическая ответственность за осуществление хозяйствующими субъектами антиконкурентных согласованных действий 159

Заключение 182

Список использованных источников..... 186

Введение

Актуальность темы исследования. В части 2 статьи 34 Конституции Российской Федерации[1] провозглашен фундаментальный для российского права принцип недопустимости экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию.

В развитие конституционных положений отечественное антимонопольное законодательство формулирует нормы, нацеленные на предупреждение и пресечение определенных форм монополистической деятельности. Справедливым, однако, будет отметить, что не все из указанных норм демонстрируют свою эффективность на практике.

Так, запрет на согласованные действия хозяйствующих субъектов, содержащийся в статье 11^1 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»[2] (далее – ФЗ «О защите конкуренции»), применяется антимонопольными органами и судами крайне редко. В период с 2015 по 2024 г. количество дел, возбужденных по признакам нарушения рассматриваемого запрета, ежегодно не превышало шести[3], что не составляет и одного процента от общей массы дел, рассматриваемых центральным аппаратом и территориальными органами Федеральной антимонопольной службы (ФАС России) за год. Беря в расчет исключительно указанную статистику, можно предположить, что модель взаимодействия хозяйствующих субъектов к общей выгоде, запрещенная статьей 11^1 ФЗ «О защите конкуренции», не востребована участниками товарных рынков.

Однако в действительности на товарных рынках Российской Федерации постоянно наблюдаются отдельные проявления монополистической деятельности,

---

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. № 237.

[2] Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Российская газета. 2006. № 126.

[3] По данным Докладов о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2019 г. и 2024 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАС России. URL: https://fas.gov.ru/documents/type_of_documents/doklady_o_sostoyanii_konkurencii (дата обращения: 12.11.2025).

которые могут свидетельствовать в том числе и об осуществлении хозяйствующими субъектами антиконкурентных согласованных действий. Так, в ФАС России регулярно поступают жалобы граждан на повышение цен. Особенно чутко конечные потребители реагируют на подорожание социально значимых товаров, таких как хлеб, крупы, мука, куриные яйца, сливочное и подсолнечное масло[4] и т.п.

Сотрудники антимонопольных органов проделывают большую работу по мониторингу и анализу цен и в случае необходимости применяют меры антимонопольного реагирования. В соответствии с постановлением Правительства от 26 апреля 2023 г. № 662, хозяйствующие субъекты из более чем пятидесяти субъектов Российской Федерации заключили с региональными органами государственной власти т.н. соглашения о сдерживании цен[5]. Более того, с конца 2024 г. заключать такие соглашения можно также в отношении товаров, которые не входят в перечень социально значимых продовольственных товаров первой необходимости[6].

Перечисленные меры свидетельствуют о том, что российские потребители постоянно сталкиваются с увеличением стоимости товаров, вследствие чего происходит снижение уровня их благосостояния. Органы публичной власти различных уровней, в свою очередь, прилагают усилия к тому, чтобы предотвращать и пресекать недобросовестное ценообразование со стороны хозяйствующих субъектов.

При этом одной из наиболее предрасположенных к монопольному ценообразованию рыночных структур является олигополия, при которой на товарном рынке функционирует небольшое число достаточно крупных

---

[4] Перечень отдельных видов социально значимых продовольственных товаров первой необходимости утвержден постановлением Правительства РФ от 15 июля 2010 г. № 530.

[5] Постановление Правительства от 26 апреля 2023 г. № 662 «О случаях допустимости соглашений, заключаемых органами государственной власти субъектов Российской Федерации с хозяйствующими субъектами в целях стабилизации цен на товары» // http://pravo.gov.ru

[6] Указанные изменений были внесены постановлением Правительства РФ от 23 ноября 2024 г. № 1612.

хозяйствующих субъектов[7]. Не случайно Национальный план («дорожная карта») развития конкуренции в Российской Федерации на 2021–2025 годы указывал на олигополистические товарные рынки как на один из факторов, сдерживающих развитие конкуренции[8]. Утвержденный недавно Национальный план («дорожная карта») развития конкуренции в Российской Федерации на 2026–2030 годы также содержит положения относительно отдельных характеристик олигополистических товарных рынков, которые оказывают неблагоприятное влияние на отечественную экономику[9].

В арсенал российского антимонопольного законодательства входят сразу несколько категорий, посредством применения которых можно пресечь нарушения именно на олигополистических рынках. Среди них: доминирующее положение нескольких хозяйствующих субъектов / групп лиц (коллективное доминирующее положение) и злоупотребление им; горизонтальные антиконкурентные соглашения; антиконкурентные согласованные действия.

Поскольку российское антимонопольное законодательство предусматривает сразу несколько механизмов для пресечения нарушений на олигополистических товарных рынках, то закономерно возникает необходимость определить, как соотносятся между собой обозначенные выше категории. На сегодняшний день ни доктрина, ни правоприменительная практика не дают четкого ответа на указанный вопрос. Между тем, неразрешенность рассматриваемой проблемы влечет за собой значительные трудности в процессе квалификации поведения хозяйствующих субъектов, что противоречит принципу определенности правового регулирования. В то же время данный принцип является одним из ключевых в праве: он обеспечивает режим равноправия граждан и организаций, а

---

[7] Архипов А.И., Багудина Е.Г., Балашов С.А. и др. Экономический словарь / отв. ред. А.И. Архипов. – 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2017. С. 417.

[8] Национальный план («дорожная карта») развития конкуренции в Российской Федерации на 2021 – 2025 годы, утв. Распоряжением Правительства РФ от 02 сентября 2021 г. № 2424-р // http://pravo.gov.ru

[9] Национальный план («дорожная карта») развития конкуренции в Российской Федерации на 2026 – 2030 годы, утв. Распоряжением Правительства РФ от 08 октября 2025 г. № 2816-р // http://pravo.gov.ru

также является условием конституционности нормативно-правовых актов любой отраслевой направленности[10].

Помимо прочего, неразрешенность вопроса о соотношении указанных форм монополистической деятельности может обусловливать ограниченное применение норм об антиконкурентных согласованных действиях, ведь на данный момент граница между данной категорией и смежными правовыми конструкциями не определена.

Другая проблема, возникающая в связи с применением запрета, установленного статьей 11^1 ФЗ «О защите конкуренции», заключается в том, что единообразное и синхронное повышение цены несколькими хозяйствующими субъектами может быть вызвано объективными обстоятельствами, влияющими на всех участников соответствующего товарного рынка. В числе таких обстоятельств статья 8 ФЗ «О защите конкуренции» называет изменение регулируемых тарифов, цен на сырье, спроса на товар и т.п. В процессе правоприменения внешняя схожесть легального и нелегального поведения способна привести к необоснованному привлечению невиновных лиц к юридической ответственности, что значительно нарушает права участников гражданского оборота.

Таким образом, актуальность темы диссертационного исследования проявляется и на теоретическом, и на практическом уровне. С теоретической точки зрения, наука конкурентного права заинтересована в определении места, роли и соотношения правовых институтов, регулирующих различные формы монополистической деятельности. С практической стороны, изучение вопросов, которые ставит перед собой соискатель в рамках настоящей работы, актуально в аспекте совершенствования правоприменительной практики антимонопольных органов и судов. Грамотное применение положений антимонопольного законодательства, в свою очередь, напрямую связано с благосостоянием граждан и с уровнем обеспеченности населения России различными товарами и услугами.

---

[10] Бондарь Н.С. Правовая определенность – универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 10. С. 4.

Степень разработанности темы исследования. Анализ доктринальных источников показывает, что вплоть до сегодняшнего дня в отечественной литературе не уделялось значительного внимания проблемам, входящим в предмет настоящего исследования.

Единственная диссертация, в которой рассматривался механизм правового регулирования антиконкурентных согласованных действий, была подготовлена А.С. Сулакшиной[11]. При этом стоит отметить, что круг вопросов, которых касался автор в указанной работе, отличен от предмета настоящего исследования. К тому же А.С. Сулакшина изучала нормативный материал, который на сегодняшний день уже не актуален.

Остальные публикации, проанализированные соискателем, не носят комплексного характера и затрагивают отдельные аспекты регулирования согласованных действий, ограничивающих конкуренцию. Данный факт, тем не менее, не умаляет ценности этих публикаций для настоящего диссертационного исследования, поскольку они принадлежат перу целого ряда авторитетных авторов, среди которых: В.А. Белов, Е.Ю. Борзило, А.Н. Варламова, М.А. Егорова, В.Г. Истомин, А.Ю. Кинев, С.А. Паращук, Д.А. Петров, В.Ф. Попондопуло, С.А. Пузыревский, А.Я. Рыженков, О.А. Символоков, Т.В. Сойфер, А.Г. Сушкевич, Е.С. Хохлов.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в связи с осуществлением хозяйствующими субъектами антиконкурентных согласованных действий, а также смежных форм монополистической деятельности.

Предметом исследования являются как действовавшие ранее, так и актуальные на сегодняшний день нормы российского и зарубежного законодательства, административная и судебная практика применения указанных норм, основные научные концепции, посвященные вопросам правового

---

[11] Сулакшина А.С. Соглашения и согласованные действия хозяйствующих субъектов, ограничивающие конкуренцию на товарных рынках в Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2007. – 189 с.

регулирования антиконкурентных согласованных действий и смежных форм монополистической деятельности.

Цель исследования заключается в формировании научного представления о месте и роли института запрета на антиконкурентные согласованные действия в системе конкурентного права России, а также в решении правовых вопросов, возникающих в процессе предупреждения и пресечения соответствующей формы монополистической деятельности.

На пути достижения поставленной цели диссертант решает ряд **задач**:

- выявление закономерностей развития понятия «согласованные действия» в российском праве с момента появления данной категории в отечественном законодательстве;
- выделение особенностей правовой конструкции запрета на осуществление антиконкурентных согласованных действий;
- оценка отдельных практик хозяйствующих субъектов на товарных рынках, подверженных согласованным действиям;
- определение соотношения правовых норм, регулирующих ограничивающие конкуренцию согласованные действия и соглашения;
- установление соотношения правовых норм, регулирующих антиконкурентные согласованные действия и злоупотребление коллективным доминирующим положением;
- выявление особенностей механизмов, направленных на предупреждение согласованных действий, ограничивающих конкуренцию;
- выделение особенностей установления антиконкурентных согласованных действий;
- определение проблемных аспектов привлечения хозяйствующих субъектов – участников согласованных действий к публично-правовой и частно-правовой юридической ответственности.

Методология и методы диссертационного исследования. Методология исследования основана на материалистической диалектике и включает как

общенаучные (логический, системный, структурно-функциональный), как и частно-научные (формально-юридический, исторический, сравнительно-правовой, филологический) методы.

Такие логические приемы, как индукция, дедукция, синтез и анализ, позволили соискателю изложить результаты исследования аргументированно и последовательно. Благодаря использованию системного и структурно-функционального методов институт антиконкурентных согласованных действий был рассмотрен как целостная система, обладающая внутренней структурой, а нормы, входящие в данный институт, были проанализированы в их взаимосвязи.

Применение исторического метода помогло определить генезис категории «согласованные действия» в конкурентном праве России. При изучении нормативных правовых актов был повсеместно использован формально-юридический метод, что позволило более глубоко осмыслить нормативный материал. Поскольку категория согласованных действий была заимствована из наднационального права Европейского Союза, в рамках данного исследования также была необходима сравнительно-правовая методология. Она позволила диссертанту определить, идентичен ли по своему содержанию российский институт согласованных действий европейскому институту согласованной практики (concerted practice). Также при анализе термина «согласованные действия» соискатель использовал филологический метод.

Теоретическую основу исследования составляют многочисленные работы российских и зарубежных специалистов в области конкурентного права, в числе которых: Д.М. Ашфа, И.В. Башлаков-Николаев, Е.Ю. Борзило, А.Н. Варламова, Д.А. Гаврилов, М.А. Егорова, В.Г. Истомин, В.В. Кванина, А.Ю. Кинев, Н.И. Клейн, С.В. Максимов, А.В. Молчанов, К.Б. Овакимян, С.А. Паращук, Д.А. Петров, К.А. Писенко, В.Ф. Попондопуло, С.А. Пузыревский, А.Я. Рыженков, П.В. Самолысов, Д.И. Серегин, О.А. Символоков, А.С. Сулакшина, А.Г. Сушкевич, А.П. Тенишев, А.В. Тесленко, К.Ю. Тотьев, Е.С. Хохлов, И.А. Цинделиани, Д. Бейли (D. Bailey), М. Филиппелли (M. Filippelli), А. Джонс (A. Jones), В. Кора (V. Korah), Н. Роуз (N. Rose), Т. Сомс

(T. Soames), Р.М. Стойер (R. M. Steuer), Е. Маркизио (E. Marchisio), Р. Уиш (R. Whish).

Диссертант также обращался к трудам представителей науки гражданского и корпоративного права: М.М. Агарков, С.С. Алексеев, И.В. Бекленищева, Е.Е. Богданова, М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, Б.М. Гонгало, А.А. Демин, А.В. Егоров, О.С. Иоффе, О.А. Красавчиков, В.А. Ойгензихт, И.А. Покровский, К.И. Скловский, Е.А. Суханов, И.А. Ульянов, Р.О. Халфина, Г.Ф. Шершеневич, И.С. Шиткина.

В процессе проведения исследования были использованы отдельные работы по другим отраслевым наукам, а также по теории государства и права: Н.С. Бондарь, А.Т. Боннер, Г.А. Гаджиев, О.С. Гузеева, Д.Б. Лаптев, Д.А. Липинский, Ю.И. Мигачев, Л.Л. Попов, Т.Н. Радько, И.В. Решетникова, С.Ю. Суменков, М.К. Треушников, В.Ф. Цепелев.

Поскольку сфера антимонопольного регулирования тесно связана с экономической наукой, то основу диссертационного исследования составили также работы ученых-экономистов: С.Б. Авдашева, Е.Ю. Бойцова, А.А. Верещагин, А.В. Заздравных, К.А. Ионкина, Е.Н. Калмычкова, И.В. Князева, А.В. Макаров, Н.С. Павлова, Н.М. Розанова, С.Н. Чирихин, А.Е. Шаститко, Д. Н. Хайман, Ф.М. Шерер (F.M. Scherer), Д. Росс (D. Ross).

Нормативную базу исследования составляют Конституция Российской Федерации, нормативные правовые акты различных уровней, включая федеральные законы, акты Правительства Российской Федерации и Федеральной антимонопольной службы, а также иностранные акты в сфере антимонопольного регулирования.

Эмпирическая основа исследования представлена материалами российской и зарубежной судебной практики, в т.ч. актуальными правовыми позициями Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, а также материалами правоприменительной практики антимонопольных органов.

Научная новизна исследования заключается в выработке целостного доктринального подхода относительно места и роли института запрета на согласованные действия в конкурентном праве России. В диссертации раскрывается сущность данной формы монополистической деятельности, выявляется соотношение понятия согласованных действий со смежными категориями антимонопольного законодательства, рассматриваются подходы к предупреждению и пресечению рассматриваемого неправомерного поведения.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Антиконкурентные согласованные действия представляют собой противоправное поведение двух и более хозяйствующих субъектов, которое:

- выражается в том, что хозяйствующие субъекты без достижения договоренности сознательно ставят свое поведение в зависимость от действий друг друга;
- не вызвано объективными обстоятельствами, влияющими в равной степени на всех хозяйствующих субъектов данного товарного рынка;
- становится возможным благодаря доступности хозяйствующим субъектам информации об условиях реализации товара на товарном рынке – информационной прозрачности;
- приводит к негативным для конкуренции последствиям.

Согласованные действия имеют место в том случае, если один хозяйствующий субъект – инициатор согласованных действий довел до сведения конкурентов информацию о своем будущем поведении заранее, т.е. до осуществления такого поведения, либо фактически приступил к реализации определенных действий, а остальные участники товарного рынка последовали за ним ввиду доступности им соответствующей информации.

2. Доступность информации об условиях реализации товара на товарном рынке может стать следствием не только распространения соответствующей информации в отношении неопределенного круга лиц (публичное заявление), но и доведения ее до сведения ограниченного числа хозяйствующих субъектов – предполагаемых участников согласованных действий. В этом смысле указание на

публичный характер заявления инициатора согласованных действий представляется необоснованным.

Информация о планируемом поведении на товарном рынке также может быть доведена до сведения других хозяйствующих субъектов тайно, в частном порядке. Однако поскольку в таком случае не представляется возможным достоверно установить, имело ли место достижение договоренности между хозяйствующими субъектами, то их последующее поведение, как следствие тайной коммуникации, подлежит рассмотрению на предмет наличия антиконкурентного соглашения.

3. Под заявлением участника согласованных действий следует понимать: публичное распространение соответствующей информации в любой форме (включая СМИ, социальные сети, различные сайты и платформы в сети «Интернет»); сообщение на собраниях ассоциаций (союзов), бизнес-выставках, отраслевых конференциях и иных мероприятиях с участием конкурирующих хозяйствующих субъектов.

Заявление при этом может быть сделано не только заранее, но и в момент начала совершения соответствующих действий первым из участников согласованных действий. В частности, распространение информации об увеличении цены товара может быть произведено одновременно с началом продаж товара по этой цене.

4. Параметрами, за счет корректировки которых хозяйствующие субъекты могут молчаливым образом скоординировать свое поведение, являются цена товара, объем производства/продажи товара, а также территория его реализации.

На этом основании согласованными действиями должно признаваться только такое поведение хозяйствующих субъектов, которое приводит к одному из указанных последствий:

- установление или поддержание цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат) и (или) наценок (пункт 1 части 1 статьи 11^1 ФЗ «О защите конкуренции»);

- раздел товарного рынка по объему продажи или покупки товаров либо по территориальному принципу (пункт 3 части 1 статьи 11^1 ФЗ «О защите конкуренции»);
- сокращение или прекращение производства товаров (пункт 4 части 1 статьи 11^1 ФЗ «О защите конкуренции»).

5. Непреднамеренный параллелизм действий представляет собой синхронное и единообразное поведение нескольких конкурирующих хозяйствующих субъектов, которое не обусловлено какой бы то ни было координацией между ними. Такое поведение не нарушает запрет на согласованные действия и является правомерным, поскольку его детальный анализ обнаруживает наличие факторов, служащих обоснованием для синхронности и единообразия действий хозяйствующих субъектов. В качестве такого обоснования, например, могут выступать: воздействие на участников товарного рынка общих для всех факторов экономического характера; следование сложившейся в отрасли традиции ценообразования; наличие индивидуальных факторов, оказывающих влияние на поведение каждого из хозяйствующих субъектов в отдельности.

6. Разграничение соглашений и согласованных действий, ограничивающих конкуренцию, может быть произведено по следующим критериям:

- *содержание соответствующего поведения.* Антиконкурентное соглашение предполагает согласованность воль его сторон и наличие плана взаимного поведения хозяйствующих субъектов. При осуществлении согласованных действий согласования воль не происходит, хозяйствующие субъекты действуют исходя из общего понимания рыночной ситуации, не имеют четкого представления о будущих действиях друг друга и заранее не могут с точность очертить круг участников такого неправомерного поведения.
- *форма соответствующего поведения.* Элемент согласования воль, который присущ антиконкурентным соглашениям, предполагает определенную форму выражения воли хозяйствующих субъектов в виде предложения и

принятия условий соглашения. Согласованные действия, напротив, носят исключительно фактический характер.

- *различия в доказывании соответствующего поведения.* При доказывании соглашений основное внимание правоприменительного органа должно быть направлено на сбор доказательств, подтверждающих достижение хозяйствующими субъектами договоренности. Доказывание согласованных действий должно строиться на анализе обоснованности и обусловленности поведения хозяйствующих субъектов с учетом характеристик товарного рынка, которые благоприятствуют осуществлению такого неправомерного поведения.

7. Выявлена правовая неопределенность в вопросе квалификации антиконкурентного поведения хозяйствующих субъектов между правовой нормой, предусматривающей запрет согласованных действий (статья 11^1 ФЗ «О защите конкуренции»), и нормами, устанавливающими запрет злоупотребления доминирующим положением несколькими хозяйствующими субъектами, не входящими в одну группу лиц (часть 3 статьи 5 и статья 10 ФЗ «О защите конкуренции»).

Для устранения правовой неопределенности, связанной с возможностью альтернативной квалификации, предложено для пресечения коллективных действий участников олигополистических товарных рынков, приводящих к необоснованному повышению цен или сокращению, прекращению производства товара, использовать запрет на согласованные действия. Это позволит избежать практики, при которой доминирующее положение признается за каждым из нескольких хозяйствующих субъектов в отдельности, вследствие чего поведение лишь одного из участников товарного рынка может быть квалифицировано как нарушение.

Если необоснованно повышает цену или сокращает/прекращает производство товара только один из нескольких хозяйствующих субъектов, в отношении которых выполняются критерии коллективного доминирующего положения, то такое поведение может быть квалифицировано как

индивидуальное нарушение, если наличествуют необходимые признаки злоупотребления индивидуальным доминирующим положением.

8. Несмотря на то, что картельные соглашения и согласованные действия способны приводить к последствиям, которые схожи по характеру и степени вредности для состояния конкуренции на товарном рынке, два рассматриваемых правонарушения обладают различной степенью общественной опасности. Меньшая степень общественной опасности согласованных действий обусловлена тем, что при осуществлении данного правонарушения отношение должностных лиц хозяйствующих субъектов к своему поведению и его результатам характеризуется косвенным умыслом. Более того, в отличие от картельных соглашений, заключение которых приводит или может привести к формированию устойчивых связей между хозяйствующими субъектами, согласованным действиям не свойственен настолько высокий уровень сплоченности участников.

На основании полученных результатов **сформулированы предложения о внесении изменений в действующее законодательство**:

1. предусмотреть, что заявление одного из участников согласованных действий необязательно должно носить публичный характер и может быть сделано как заранее, так и одновременно с началом осуществления соответствующих действий. В этой связи часть 2 статьи 8 ФЗ «О защите конкуренции» необходимо изложить следующим образом: «2) действия известны каждому из участвующих в них хозяйствующих субъектов в связи с заявлением одного из них о совершении таких действий»;

2. исключить возможность признания согласованными действий хозяйствующих субъектов, которые приводят к иным последствиям, нежели к следующим: установление или поддержание цен (тарифов); раздел товарного рынка по объему продажи или покупки товаров либо по территориальному принципу; сокращение или прекращение производства товаров. В этой связи необходимо:

- в статье 11^1 ФЗ «О защите конкуренции» исключить пункты 2, 5 части 1, а также часть 3;
- из пункта 3 части 1 статьи 11^1 ФЗ «О защите конкуренции» исключить следующую фразу: «ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков)».

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы для дальнейшего развития научных подходов к вопросу о месте и роли правовых норм, регулирующих различные формы монополистической деятельности. **Практическая значимость диссертационного исследования** состоит в получении результатов, которые могут быть восприняты в процессе правоприменения и нормотворчества, а также в преподавательской деятельности и разработке учебных и методических материалов по конкурентному праву.

Достоверность и апробация результатов диссертационного исследования. Достоверность полученных результатов подтверждается тем, что при их формулировании диссертант опирался на многочисленные доктринальные источники и уделял внимание всем точкам зрения, высказанным в литературе по спорным вопросам правового регулирования согласованных действий. Результаты исследования также основаны на системном рассмотрении большого числа материалов правоприменительной практики антимонопольных органов и судов. В процессе анализа указанных источников соискатель применял разнообразные методы познания, выбор которых обусловлен объектом, предметом, целью и задачами исследования.

Диссертация выполнена на кафедре конкурентного права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», на заседании которой были обсуждены и одобрены полученные результаты.

Основные положения и выводы диссертационного исследования получили отражение в статьях соискателя, опубликованных в журналах, рекомендованных

Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, и иных научных изданиях.

Диссертант использует результаты исследования при проведении практических занятий со студентами по дисциплине «Конкурентное право».

Основные положения и выводы диссертации также были представлены на различных международных и всероссийских конференциях, среди которых: V Международная научно-практическая конференция «Право и современная экономика: опыт и будущее» (Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 07 апреля 2022 г.); XXI Международная конференция молодых ученых «Традиции и новации в системе современного российского права» (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, 15 апреля 2022 г.); Международная научная конференция «Молодежная юридическая наука Alma Mater – 2022» (Белорусский государственный университет, 10 ноября 2022 г.); Научно-практическая конференция «Государство и право в исследовательских практиках молодых ученых» (Уральский государственный юридический университет имени В.Ф Яковлева, 11 ноября 2022 г.); II Международная научно-практическая аспирантская конференция памяти В.Ф. Яковлева «Межотраслевой подход в науке: Экономика. Право. Суд» (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 02 декабря 2022 г.); XI Международная научно-практическая конференция «Проблемы и перспективы развития современного законодательства» (Российская таможенная академия, 23 декабря 2022 г.); VII Всероссийская научно-практическая конференция «Лаптевские чтения» (Институт государства и права Российской академии наук, 25 апреля 2025 г.), X Международная научная конференция «Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» (Донецкий государственный университет, 07 ноября 2025 г.).

Структура работы коррелирует с целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих восемь параграфов, заключения и списка использованных источников.

Глава 1. Понятие антиконкурентных согласованных действий и законодательная конструкция запрета на их осуществление

§1. Эволюция понятия антиконкурентных согласованных действий в отечественном праве

До сих пор в отечественной юридической литературе не предпринималось попыток комплексного осмысления истории регулирования антиконкурентных согласованных действий[12]. Однако в эволюции рассматриваемого правового института можно выделить сразу несколько этапов, которые качественно отличаются друг от друга. При этом, как будет показано далее, значительное влияние на формирование того понятия согласованных действий, которое закреплено в законе на сегодняшний день, оказала правоприменительная практика.

1. Начальный этап в развитии понятия согласованных действий, ограничивающих конкуренцию, связан с принятием первого отечественного законодательного акта в антимонопольной сфере – Закона РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» (далее – Закон о конкуренции 1991 г.)[13]. Данный документ стал инструментом обеспечения конкурентной политики нашего государства, в нем были впервые сформулированы основные правила поведения хозяйствующих субъектов на товарных рынках[14]. Тем не менее, в силу недостаточности научных

---

[12] Диссертанту удалось обнаружить одну публикацию, в которой обозначены два этапа регулирования согласованных действий – до и после 2002 г. Именно тогда, по мнению В.Л. Осиповой, анализируемая категория начала рассматриваться как самостоятельная по отношению к соглашениям, ограничивающим конкуренцию. См. Осипова В.Л. Антиконкурентные согласованные действия: понятие и квалификация // Конкурентное право. 2018. № 3. С. 17–20.

[13] Закон РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 16. Ст. 499.

[14] Клейн Н.И. Антимонопольное законодательство и законодательство о естественных монополиях: проблемы применения и дальнейшего совершенствования [Электронный ресурс] // Право и экономика. 1998. № 1. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2025).

исследований и предшествующего опыта правового регулирования в рассматриваемой области некоторые из законодательных новелл оказались достаточно размыты[15].

В частности, статья 6 Закона о конкуренции 1991 г. устанавливала запрет на *соглашения (согласованные действия)* хозяйствующих субъектов, употребляя две указанные категории в скобках по отношению друг к другу. Фактически из законодательной формулировки явственно не следовало, рассматривал ли законодатель обозначенные понятия как синонимичные либо разделял их, используя при этом не самые удачные, с точки зрения юридической техники, приемы. Более того, легальные дефиниции категорий «соглашение» и «согласованные действия» нормативно закреплены не были. Указанные факторы, по признанию И.А. Южанова[16], препятствовали эффективному применению положений статьи 6 Закона о конкуренции 1991 г[17].

О сложностях применения запрета на антиконкурентные соглашения и согласованные действия свидетельствуют также немногочисленные судебные акты того периода. Одним из наиболее ярких из них является решение по делу о повышении производителями штрипса[18] цен на свою продукцию, в тексте которого Арбитражный суд г. Москвы указал, что два рассматриваемых понятия «не тождественны, но равнозначны и представляют собой различные формы согласования»[19]. Антимонопольный орган в рамках разбирательства также

---

[15] В литературе указывают, что «состояние научных исследований» и «глубина познания нормодателем регулируемых общественных отношений» оказывают значительное влияние на содержание и качество нормативно-правовых актов. См. Смирнов Л.В. Типичные дефекты дефиниций в законодательстве Российской Федерации // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы : материалы Международного «круглого стола». Нижний Новгород : Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. С. 329.

[16] И.А. Южанов – министр по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства с 1999 г. по 2004 г.

[17] Южанов И.А. Практика применения антимонопольного законодательства [Электронный ресурс] // Российская юстиция. 2000. №5. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2025).

[18] Штрипс – тонкая металлическая полоса, изготовленная из низколегированной или низкоуглеродистой стали.

[19] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 27 мая 2004 г. по делу № А40-11699/04-2-77.

испытал затруднения в определении согласованных действий и был вынужден обратиться к толковому словарю русского языка.

Впоследствии В.А. Белов, являвшийся представителем ОАО «Северсталь» в данном споре, выразил мнение относительно лингвистического содержания понятия «согласованные действия». Основываясь на словарной статье С.И. Ожегова, который выделял два значения слова «согласовать» (в смысле активного[20] и пассивного[21] согласования), автор пришел к следующему выводу: понятие «согласованный» в рамках Закона о конкуренции 1991 г. было образовано именно от глагола «согласовать» в его активном значении. Соответственно, согласованные действия представляют собой не что иное, как действия, совершаемые во исполнение заключенного антиконкурентного соглашения. Следовательно, целесообразность выделения их в качестве самостоятельной правовой категории отсутствует[22].

В то же время ряд авторов высказывали противоположную точку зрения, в соответствии с которой соглашения и согласованные действия, ограничивающие конкуренцию, составляли два отличных друг от друга понятия.

Так, А.С. Сулакшина отмечала, что употребление в скобках несинонимичных друг другу категорий являлось достаточно распространенной практикой того времени. При этом соглашения и согласованные действия, по мнению исследователя, дифференцировались на основании содержания объективной стороны данных правонарушений и, как следствие, необходимости сбора различной доказательной базы[23].

Т.Г. Даурова также указывала на необходимость выработки подхода к разграничению антиконкурентных соглашений и согласованных действий и

---

[20] В данном значении «согласовать» – обсудив, выработать единое мнение о чем-н., получить согласие на что-н. См. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка… С. 1093.

[21] В данном значении «согласовать» – привести в надлежащее соотношение, соответствие с кем-чем-н. (напр., согласовать расписание поездов с движением речного транспорта). Там же. С. 1093.

[22] Белов В.А. Дело о согласованных действиях, которые не согласовывали (догматический и политико-правовой аспекты) // Законодательство. 2005. № 7. С. 34–35.

[23] Сулакшина А.С. Правовые критерии определения согласованных действий и соглашений, ограничивающих конкуренцию // Власть. 2007. № 8. С. 74–75.

предлагала квалифицировать поведение в качестве антиконкурентного соглашения только в том случае, если между его участниками имелась письменная договоренность. Соответственно, о согласованных действиях можно было вести речь при отсутствии письменных доказательств договоренности[24].

Тем не менее, суды не всегда разделяли обозначенную точку зрения и иногда требовали от антимонопольных органов документального подтверждения скоординированности поведения хозяйствующих субъектов при доказывании согласованных действий. Примером разбирательства, в рамках которого был избран именно такой подход, является уже упомянутое дело в отношении производителей штрипса. Суд указал: «Ответчиком не представлены договоры, соглашения, из которых бы с достоверностью следовало осуществление согласованных действий…»[25].

В других судебных актах, напротив, выражена противоположная позиция о возможности доказывания согласованности поведения посредством проведения полноценного экономического анализа сложившейся на рынке ситуации[26].

Таким образом, законодательная недосказанность в отношении соглашений и согласованных действий, ограничивающих конкуренцию, не способствовала формированию единообразного подхода к разграничению данных понятий ни в судебной практике, ни в доктрине.

В 2002 г. Закон о конкуренции 1991 г. был подвергнут достаточно значительному реформированию, которое, тем не менее, не привнесло ничего нового в понимание того, как соотносятся между собой антиконкурентные соглашения и согласованные действия[27].

---

[24] Даурова Т.Г. Эволюция российского антимонопольного законодательства [Электронный ресурс] // Законодательство и экономика. 2004. № 1. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2025).

[25] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 27 мая 2004 г. по делу № А40-11699/04-2-77.

[26] См., например, Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 20 января 2003 г. по делу № А09-6610/02-15; Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 29 октября 2003 г. по делу № А13-2760/03-14.

[27] Законодатель перестал использовать понятия «соглашения» и «согласованные действия» в скобках по отношению друг к другу, но при этом запрет на их заключение/осуществление остался в одной статье. Легальные дефиниции рассматриваемых категорий также введены не были. См. Закон о конкуренции 1991 г. в редакции Федерального закона от 09 октября 2002 г.

В правоприменительной практике можно было встретить определение согласованных действий как «скоординированных и направленных действий хозяйствующих субъектов, сознательно ставящих свое поведение в зависимость от поведения других участников рынка, результатом которых также является (может явиться) ограничение или устранение конкуренции на соответствующем товарном рынке»[28]. Однако данная дефиниция все же была недостаточна для формирования представления о содержании согласованных действий и их соотношении с антиконкурентными соглашениями.

Вместе с тем стоит положительно оценить, что в ряде судебных решений устанавливался факт наличия либо отсутствия экономического обоснования поведения хозяйствующих субъектов[29]. Фактически это означает, что в правоприменении зарождалось понимание того, что согласованные действия не тождественны т.н. непреднамеренному параллелизму – синхронному и единообразному поведению участников товарного рынка, которое является правомерным.

2. Принятие ФЗ «О защите конкуренции», явившееся одной из важнейших вех в развитии отечественного антимонопольного регулирования, открыло второй этап в эволюции понятия согласованных действий. Признаки рассматриваемой формы монополистической деятельности получили нормативное закрепление.

В отношении нововведений высказывалось достаточное количество критических замечаний: А.Н. Варламова, например, отмечала юридическое несовершенство формулировок правотворческих новелл[30], а А.С. Сулакшина

№ 122-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» // Парламентская газета. 2002. № 194.

[28] См., например, Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 25 ноября 2003 г. № Ф09-3376/2003-ГК по делу № А71-230/2003.

[29] См., например, Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 09 июня 2005 г. № Ф08-2145/2005; Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 29 июня 2005 г. № А74-5042/04-Ф02-2906/05-С1.

[30] Варламова А.Н. Правовое обеспечение развития конкуренции : учебное пособие. М. : Статут, 2010. С. 169.

указывала на то, что новый закон в чем-то повторял ошибки своего предшественника[31]. Тем не менее, стремление законодателя раскрыть содержание используемых в нормативном правовом акте категорий стоит оценить положительно. И для того чтобы сформировать полное представление о понятии согласованных действий, необходимо рассмотреть введенные т.н. «первым антимонопольным пакетом» положения.

В первую очередь, следует отметить, что при формулировании признаков рассматриваемого неправомерного поведения разработчики закона ориентировались на наднациональное европейское право[32]. В частности, в пояснительной записке к законопроекту приводится определение т.н. согласованной практики (concerted practice), данное Судом Европейского Союза (далее – Суд ЕС) в решении по делу Imperial Chemical Industries – «координация между предприятиями, не достигшая стадии соглашения в явном виде, которая осознанно замещает практическое взаимодействие между ними с риском для конкуренции»[33].

Особый акцент был сделан также на том, что соглашения и согласованные действия, ограничивающие конкуренцию, представляют собой различные формы монополистической деятельности, поскольку последние не предполагают достижения какой-либо договоренности.

Однако в силу излишне оценочного и описательного характера дефиниции, выработанной Судом ЕС, в статье 8 ФЗ «О защите конкуренции» были сформулированы более четкие признаки согласованных действий. Под ними стали пониматься действия хозяйствующих субъектов в отсутствие соглашения, которые отвечали в совокупности следующим признакам.

---

[31] Сулакшина А.С. Правовые критерии определения согласованных действий и соглашений, ограничивающих конкуренцию… С. 75.

[32] См. пояснительную записку к законопроекту № 186242-4 [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/186242-4 (дата обращения: 15.11.2025).

[33] Case 48/69, Imperial Chemical Industries Ltd v Commission of the European Communities // ECR. 1972. 619. Para 64.

- Результат согласованных действий отвечает интересам каждого из их участников (пункт 1 части 1 статьи 8 ФЗ «О защите конкуренции»).

В целом данный критерий не вызывал полемику в литературе, хотя в отношении него высказывались единичные замечания. Так, по мнению Т.В. Сойфер, интерес любого лица, как и результат действий, ему удовлетворяющий, всегда индивидуализирован. Указание же в законе на некий единый результат поведения конкурентов говорит о том, что и интерес их также един. Единый интерес, в свою очередь, может быть выработан исключительно сообща, т.е. посредством достижения договоренности – заключения антиконкурентного соглашения[34]. Фактически приведенная точка зрения сводится к отождествлению согласованных действий и соглашений, ограничивающих конкуренцию.

Тем не менее, экономисты утверждают, что у хозяйствующих субъектов, помимо прямой договоренности, есть и другая возможность достижения взаимовыгодного результата. Так, С.Б. Авдашева, А.Е. Шаститко и Е.Н. Калмычкова указывают: «… современная экономическая теория показывает, что для координации цен и других условий сделок между компаниями им не нужно вступать в соглашения даже тайно – достаточно взаимного понимания тех выигрышей, которые получат участники рынка, отказавшись от конкуренции между собой»[35].

В дальнейшем мы остановимся более подробно на тех признаках товарного рынка, которые способствуют подобной форме взаимодействия хозяйствующих субъектов к общей выгоде. Сейчас лишь отметим, что смысл включения анализируемого признака согласованных действий в текст закона, как представляется, заключается в том, чтобы сделать акцент на коллективном характере данного правонарушения. Рассматриваемая модель поведения выгодна

---

[34] Сойфер Т.В. Запрет на согласованные действия как основание ограничения свободы договора // Журнал российского права. 2017. № 1. С. 34.

[35] Авдашева С.Б., Шаститко А.Е., Калмычкова Е.Н. Экономические основы антимонопольной политики: российская практика в контексте мирового опыта // Экономический журнал ВШЭ. 2007. № 2. С. 235.

каждому из ее участников постольку, поскольку в ее реализации участвуют также его конкуренты. В противном случае результат предпринятых действий не будет отвечать интересам хозяйствующих субъектов: например, при повышении цены лишь одним участником товарного рынка его контрагенты могут приобрести взаимозаменяемый товар у другого продавца. Таким образом, поведение каждого хозяйствующего субъекта в системе согласованных действий не изолировано от поведения иных участников.

- Согласованные действия заранее известны каждому из их участников (пункт 1 части 1 статьи 8 ФЗ «О защите конкуренции»)[36].

Относительно данного признака согласованных действий в литературе высказывались противоречивые мнения. Так, Е.Ю. Борзило утверждала, что введение указанного критерия было призвано облегчить процесс доказывания, поскольку для его установления необходимо просто «подтвердить открытость информации о будущем изменении политики компании»[37]. Е.М. Шайхутдинов, напротив, указывал на возможные сложности в применении конструкции согласованных действий в силу необходимости доказывания умысла их участников[38].

Стоит признать, что обе из приведенных выше позиций имеют свои основания. Они отражают дилемму: с одной стороны, хозяйствующие субъекты могут прибегнуть к обмену информацией целенаправленно для осуществления неправомерного поведения; с другой стороны, взаимная осведомленность участников согласованных действий о планируемом поведении друг друга может стать следствием того, что товарный рынок информационно прозрачен.[39].

---

[36] В тексте части 1 статьи 8 ФЗ «О защите конкуренции» данный критерий согласованных действий был объединен с предыдущим в одном пункте, но мы разделили их для удобства рассмотрения.

[37] Борзило Е.Ю. Новое в российском антимонопольном законодательстве [Электронный ресурс] // Вестник гражданского права. 2006. № 2. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2025).

[38] Шайхутдинов Е.М. Комментарий Закона «О защите конкуренции» // Закон. 2007. № 1. С. 142.

[39] Под информационной прозрачностью понимается такая характеристика товарного рынка, при которой основная информация об условиях реализации товара доступна неопределенному кругу лиц. См. пункт 12.8 Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке, утв. Приказом ФАС России от 28 апреля 2010 г. № 220 «Об утверждении порядка

В этой связи возник еще один вопрос: каким образом может происходить информационный обмен между участниками согласованных действий – в одностороннем/двухстороннем порядке либо в любой форме?

А.Г. Сушкевич, например, утверждал, что информационный обмен может являться следствием либо распространения сведений для неопределенного круга лиц, либо одностороннего информирования. Ответная же передача информации, по мнению автора, уже могла бы свидетельствовать о заключении хозяйствующими субъектами антиконкурентного соглашения[40].

В правоприменительной практике единодушия по данному вопросу не было: одни суды в качестве доказательства осведомленности хозяйствующих субъектов о действиях друг друга принимали факт открытого опубликования сведений об установлении цены[41]; другие – исключительно факт двустороннего личного обмена информацией[42].

В то же время сужение сферы применения запрета на согласованные действия путем ограничения возможных способов информационного обмена между участниками товарного рынка было необоснованным. В первую очередь, сама статья 8 ФЗ «О защите конкуренции» такого ограничения не предусматривала. К тому же, исходя из обычной логики, можно заключить, что любая ситуация получения и распространения хозяйствующими субъектами сведений об их будущих взаимных действиях нежелательна с той точки зрения, что каждый из них может использовать такую информацию, чтобы «приспособить» собственное поведение к рыночной стратегии конкурентов. Отчасти данный тезис нашел свое отражение и в пояснительной записке к

анализа состояния конкуренции на товарном рынке» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 34; Сушкевич А.Г. Правовая квалификация доминирующего положения в новом антимонопольном законодательстве // Закон. 2008. № 2. С. 26.

[40] Сушкевич А.Г. Антиконкурентные соглашения: запреты, исключения из запретов и их пределы в новом Федеральном законе «О защите конкуренции» // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 6. С. 36–37.

[41] См., например, Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 22 декабря 2008 г. по делу № А21-7367/2007.

[42] См., например, Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 9 января 2008 г. по делу № А-74-1523/2007.

«первому антимонопольному пакету»: разработчики закона упомянули, что, в соответствии с европейским подходом к согласованной практике, любой контакт (как прямой, так и косвенный) способен устранить неопределенность в отношении будущих действий конкурентов[43].

При этом оставалось неясным, может ли факт информационной прозрачности товарного рынка рассматриваться в качестве такого косвенного «контакта». В случае положительного ответа на данный вопрос возникал риск привлечения хозяйствующих субъектов к ответственности просто за параллельное поведение – единообразные действия, которые правомерны и являются рациональной реакцией участников товарного рынка на обстоятельства, влияющие в равной степени на них всех. На наш взгляд, исключить данный риск был призван следующий признак согласованных действий, ограничивающих конкуренцию.

- Действия каждого из участников согласованных действий вызваны поведением иных хозяйствующих субъектов и не являются следствием обстоятельств, в равной мере влияющих на всех участников соответствующего товарного рынка (пункт 2 части 1 статьи 8 ФЗ «О защите конкуренции»).

Интересно, что в свое время, рассматривая данный критерий согласованных действий, отдельные авторы увидели в нем отсылку к иной форме неправомерного поведения – незаконной координации экономической деятельности. Так, в формулировке закона согласованные действия каждого из хозяйствующих субъектов «должны быть вызваны действиями *иных* лиц (курсив мой – А.С.)»[44]. Построение фразы, с точки зрения лингвистики, могло означать, что под такими иными лицами следовало понимать не самих участников согласованных действий, а координаторов, которые не осуществляют деятельность на соответствующем товарном рынке. Тем не менее, впоследствии

---

[43] См. пояснительную записку к законопроекту № 186242-4 [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/186242-4 (дата обращения: 15.11.2025).

[44] Хохлов Е.С. Разъяснения ВАС РФ нового антимонопольного законодательства [Электронный ресурс] // Корпоративный юрист. 2008. № 12. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2025).

правоприменительная практика показала, что под иными лицами законодатель имел в виду иных лиц, *участвующих в согласованных действиях*, но небрежно отнесся к формулированию данного положения.

На самом же деле рассматриваемый критерий согласованных действий направлен на анализ взаимообусловленности и обоснованности поведения хозяйствующих субъектов. В частности, достойным экономическим обоснованием синхронного и единообразного поведения конкурентов являются обстоятельства, которые в равной мере воздействуют на всех участников данного товарного рыка. Неисчерпывающий перечень таких обстоятельств содержится в пункте 3 части 1 статьи 8 ФЗ «О защите конкуренции» и включает в себя: изменение цен на сырье, существенное долгосрочное изменение спроса на товар, изменение цен на мировых товарных рынках и т.д. Установление указанных обстоятельств фактически означает, что антимонопольное правонарушение не имело место. В силу этого анализируемый признак согласованных действий рассматривается нами как ключевой для отграничения незаконного поведения хозяйствующих субъектов от правомерного параллелизма.

При этом отдельный участник товарного рынка может иметь также индивидуальное обоснование собственного поведения. В таком случае данное лицо подлежит исключению из числа правонарушителей, факт совершения правонарушения остальными хозяйствующими субъектами при этом не затрагивается.

Подводя итог рассмотрению второго этапа развития понятия «согласованные действия», необходимо отметить следующее. С одной стороны, следует положительно оценить появление в отечественном антимонопольном законодательстве дефиниции анализируемой правовой категории. С другой стороны, запрет на осуществление согласованных действий и соглашений остался единым и содержался в статье 11 ФЗ «О защите конкуренции». В литературе отмечают, что данный факт обусловил вольное использование судами категории

«согласованные действия»[45], которая на практике все же продолжала ассоциироваться с соглашениями, ограничивающими конкуренцию.

3. Третий этап эволюции понятия согласованных действий, в отличие от двух предыдущих, связан не с реформированием законодательной базы, а с изменением подхода к доказыванию рассматриваемого неправомерного поведения в процессе правоприменительной деятельности. Основой тому послужило издание Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июня 2008 г. № 30 (далее – Постановление Пленума ВАС РФ № 30)[46]. Изложенные в нем правовые позиции оказали значительное влияние на развитие понятия согласованных действий.

Пункт 2 Постановления Пленума ВАС РФ №30 включал в себя два абзаца. Первый из них указывал, что «согласованность действий может быть установлена *и* при отсутствии документального подтверждения наличия договоренности об их совершении (курсив мой – А.С.)».

Приведенная правовая позиция, очевидно, была нацелена на то, чтобы искоренить практику арбитражных судов, при которой решения антимонопольных органов, устанавливавшие факт нарушения запрета на согласованные действия, отменялись по причине отсутствия документального подтверждения такого неправомерного поведения. Однако использованная формулировка предполагала возможность доказывания согласованных действий как посредством представления документов (что практически невозможно в силу отсутствия договоренности между участниками), так и посредством представления иных доказательств.

Следующий абзац пункта 2 Постановления Пленума ВАС РФ №30 гласил:

---

[45] Истомин В.Г. Правовая характеристика антиконкурентных согласованных действий по современному российскому антимонопольному законодательству // Проблемы гармонизации экономических отношений и права в цифровой экономике: монография / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. – М. : Юстицинформ, 2020. С. 211.

[46] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июня 2008 г. № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства» // Вестник ВАС РФ. 2008. № 8.

«Вывод о наличии одного из условий, подлежащих установлению для признания действий согласованными, а именно: о совершении таких действий было заранее известно каждому из хозяйствующих субъектов, – может быть сделан исходя из фактических обстоятельств их совершения. Например, о согласованности действий, в числе прочих обстоятельств, может свидетельствовать тот факт, что они совершены различными участниками рынка относительно единообразно и синхронно при отсутствии на то объективных причин».

Представляется, что основное внимание необходимо обратить на следующие аспекты обозначенной правовой позиции. Во-первых, принципиально важно, что в приведенной цитате ВАС РФ ведет речь о доказывании исключительно одного из обязательных критериев согласованных действий, а именно – признака осведомленности хозяйствующих субъектов о действиях друг друга. Во-вторых, синхронность и единообразность действий хозяйствующих субъектов приводятся в пример лишь как одно из возможных, но не единственное доказательство такой осведомленности.

Тем не менее, как показывает практика, сформировавшаяся после принятия Постановления Пленума ВАС РФ № 30, изложенные в рассматриваемом документе положения арбитражные суды истолковали иначе. В частности, по мнению ряда авторов, разъяснения высшей судебной инстанции были восприняты как указание на отсутствие необходимости устанавливать в делах о согласованных действиях какие-либо дополнительные фактические обстоятельства, помимо осуществления хозяйствующими субъектами синхронного и единообразного поведения[47].

---

[47] Лысенкова Е.Н. Вопросы квалификации и доказывания соглашений (действий) хозяйствующих субъектов в соответствии с частями 1 и 2 статьи 11 Федерального закона «О защите конкуренции» (на основании материалов судебной практики ФАС СЗО) [Электронный ресурс] // Арбитражные споры. 2012. № 2. С. 77–95. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2025); Хохлов Е.С. Некоторые вопросы совершенствования понятия согласованных действий в российском конкурентном праве // Актуальные вопросы современного конкурентного права: сборник научных трудов. Выпуск 1. М. : Юстицинформ, 2017. С. 79.

Стоит отметить, что предмет доказывания по рассматриваемой категории дел действительно претерпел значительные изменения и в обновленном варианте выглядел следующим образом[48]:

- факт наличия конкурентных отношений между участниками согласованных действий;
- синхронность и единообразие поведения хозяйствующих субъектов (данный элемент предмета доказывания, в сущности, подменил собой критерий осведомленности участников согласованных действий о поведении друг друга);
- отсутствие экономического обоснования соответствующего поведения;
- наступление негативных последствий для товарного рынка вследствие совершения согласованных действий.

Анализ обозначенного предмета доказывания показывает, что фактически он предполагал исследование двух элементов, относящихся непосредственно к поведению хозяйствующих субъектов, – параллелизма действий и его обоснованности. При этом первый из указанных элементов характеризует поведение участников согласованных действий исключительно внешне. Второй же – напротив, принципиально важен для содержательного анализа действий хозяйствующих субъектов и необходим для отграничения незаконного поведения от правомерного. Однако правоприменительная практика того периода показывает, что обусловленность действий конкурентов какими-либо факторами исследовалась в недостаточной степени[49].

---

[48] Данный предмет доказывания был обозначен во многих судебных актах. См., например, Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 августа 2009 г. по делу № А21-1714/2009 (оставлено в силе Постановлением Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 14 декабря 2009 г. по делу № А21-1714/2009); Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 10 июля 2009 г. № Ф03-3116/2009 по делу № А73-10542/2008; Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 27 февраля 2010 г. по делу № А72-7039/2009; Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 11 ноября 2009 г. по делу № А06-5286/2008.

[49] Так, даже в случае указания в текстах судебных актов на отсутствие обоснования поведения хозяйствующих субъектов, данный критерий согласованных действий анализировался, на наш взгляд, в недостаточной степени. См., например, Постановление Федерального арбитражного

Данная специфика способствовала тому, что в российском праве наметилась тенденция к отождествлению согласованных действий, ограничивающих конкуренцию, с параллелизмом. О справедливости данного вывода свидетельствуют также отдельные публикации сотрудников ВАС РФ и ФАС России, из которых усматривается ориентированность правоприменительной практики именно на такой подход[50].

В этой связи можно согласиться с рядом авторов, которые указывают, что ВАС РФ значительно упростил доказывание по рассматриваемой категории дел[51], вследствие чего в рамках судебных разбирательств укрепились позиции антимонопольных органов[52].

Вклад в развитие понятия согласованных действий также внесла другая правовая позиция Президиума ВАС РФ, выраженная в деле торговых сетей, которые включили в договоры с поставщиками продовольствия однотипные невыгодные условия. В рамках данного разбирательства суд пришел к выводу, что согласованные действия хозяйствующих субъектов должны быть однотипными, но при этом синхронность их начала не имеет значения[53].

суда Дальневосточного округа от 10 июля 2009 г. № Ф03-3116/2009 по делу № А73-10542/2008; Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 14 декабря 2009 г. по делу № А21-1714/2009; Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 30 апреля 2010 г. по делу № А13-4029/2009.

[50] См., например, Корнеев В.А. Комментарий к Постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июня 2008 г. № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства» // Вестник ВАС РФ. 2008. № 10. С. 62–69; Усенко Е.В. О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства. Комментарий к Постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.06.2008 № 30 // Закон. 2008. № 8. С. 121–129.

[51] Грищенкова А.В. Комментарий к Постановлению Пленума ВАС РФ от 30.06.2008 № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства» [Электронный документ] // Налоговый вестник: комментарии к нормативным документам для бухгалтеров. 2008. № 10. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2025).

[52] Пестриков В. Развитие судебной практики по антимонопольным делам [Электронный документ] // Корпоративный юрист. 2008. № 11. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2025).

[53] Постановление Президиума ВАС РФ от 21 апреля 2009 г. № 15956/08 по делу № А65-3185/2008-СА1-23.

На наш взгляд, указанный подход как таковой имел право на существование, но в российском правовом поле являлся достаточно рискованным: поскольку сложившаяся судебная практика отождествляла согласованные действия с параллелизмом, обозначенная правовая позиция давала возможность квалифицировать в качестве нарушения поведение, которое даже не отвечало признаку синхронности.

Тем не менее, нельзя утверждать, что высшая судебная инстанция оставила без внимания проблему отграничения незаконного поведения от правомерного. Впоследствии пункт 2 Постановления Пленума ВАС РФ № 30 дополнили еще одним абзацем, который был посвящен необходимости анализа судами экономической обоснованности поведения конкурентов. В частности, он гласил: «Подтверждать отсутствие со стороны конкретного хозяйствующего субъекта нарушения в виде согласованных действий могут в том числе доказательства наличия объективных причин собственного поведения этого хозяйствующего субъекта на товарном рынке и (или) отсутствия обусловленности его действий действиями иных лиц»[54].

Очевидно, что таким образом ВАС РФ предпринял попытку устранить образовавшиеся в правоприменении перегибы. Однако, как отмечают в литературе, приложенных усилий для этого оказалось недостаточно[55]. Соответственно, к проблеме разграничения антиконкурентных согласованных действий и параллелизма решили подойти с правотворческих позиций.

4. В 2012 году вступили в силу масштабные изменения в ФЗ «О защите конкуренции», которые, в числе прочего, коснулись и правового института согласованных действий[56].

«Третий антимонопольный пакет» предусматривал:

---

[54] См. текст Постановления Пленума ВАС РФ № 30 в редакции от 14 октября 2010 г.

[55] Пузыревский С.А. Третий антимонопольный пакет: общая характеристика планируемых изменений антимонопольного законодательства [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. 2011 (дата обращения: 15.11.2025).

[56] Федеральный закон от 06 декабря 2011 г. № 401-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // http://www.pravo.gov.ru

- выделение в статье 11^1 ФЗ «О защите конкуренции» запрета на согласованные действия, отдельного от запрета на антиконкурентные соглашения (статья 11 ФЗ «О защите конкуренции»);
- уточнение критерия осведомленности хозяйствующих субъектов о действиях друг друга (впредь такая осведомленность может быть следствием исключительно *публичного заявления* одного из участников согласованных действий [пункт 2 части 1 статьи 8 ФЗ «О защите конкуренции»]).

Анализ обозначенных положений свидетельствует о том, что разработчики закона взяли курс на разграничение двух смежных институтов конкурентного права – ограничивающих конкуренцию соглашений и согласованных действий. Выделение самостоятельного запрета на осуществление согласованных действий в данном отношении вполне обоснованно.

Однако уточнение признака осведомленности хозяйствующих субъектов об их взаимном поведении не представляется настолько же удачным. Данный критерий антиконкурентных согласованных действий, как уже было показано ранее, действительно подвергся своеобразной интерпретации в процессе правоприменительной деятельности и, в сущности, устанавливался на основе единообразного и синхронного поведения конкурентов. Видимо, именно с целью прекратить указанную тенденцию регулятор решил предусмотреть необходимость публичного заявления одного из участников товарного рынка для квалификации действий в качестве согласованных[57].

На первый взгляд, антиконкурентные согласованные действия впредь действительно не должны отождествляться с непреднамеренным параллелизмом, ведь теперь не он, а публичное заявление является «индикатором» информированности хозяйствующих субъектов о действиях друг друга. Тем не

[57] Вывод о том, что введение признака публичного заявления было направлено именно на отграничение незаконных согласованных действий от непреднамеренного параллелизма следует не только из анализа положений закона, но также из позиции ФАС России и ее должностных лиц. См., например, Письмо ФАС России от 27 декабря 2011 г. № ИА/48801 «О применении «третьего антимонопольного пакета» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 15.02.2025); Пузыревский С.А. Антиконкурентные соглашения и согласованные действия: основные тенденции // Конкуренция и право. 2011. № 3. С. 14.

менее, как мы отметили ранее, ключевым для отграничения согласованных действий конкурентов от их правомерного поведения является критерий экономической обоснованности. В этой связи особое внимание необходимо уделять именно проведению детального экономического анализа обусловленности и обоснованности поведения хозяйствующих субъектов.

Помимо прочего, в отношении внесенных изменений возник ряд вопросов. Отдельные авторы высказывали опасения в связи с тем, что отсутствовало легальное определение понятия «публичное заявление»[58].

Правоприменительная практика стала рассматривать в качестве публичного заявления размещение соответствующей информации на сайтах в сети «Интернет»[59]. Позже последовали соответствующие разъяснения антимонопольного органа, подготовленные по результатам громкого разбирательства в отношении линейных контейнерных перевозчиков[60]. При этом, несмотря на специфику рынка морских перевозок грузов, позиция регулятора представляется актуальной для всех сфер предпринимательской деятельности.

В частности, в соответствии с Разъяснением Президиума ФАС России № 9, «публикация» означает распространение сведений не только посредством опубликования их на сайтах, но и в форме новостных рассылок и информационных бюллетеней для клиентов, путем размещения в СМИ и другими способами предоставления информации в открытый доступ. Не является публикацией непубличная форма сообщения информации: направление личных сообщений, размещение сведений в личных электронных кабинетах, проведение телефонных переговоров, встреч[61] и т.п.

---

[58] Дианов В., Егорушкин А., Хохлов Е. Комментарий к «третьему антимонопольному пакету». М. : Статут, 2012. С. 68.

[59] См., например, Решение ФАС России от 11 мая 2016 г. по делу № 1-11/188-11 (в данном разбирательстве впервые была применена новая статья 11^1 ФЗ «О защите конкуренции», дело было возбуждено по факту повышения оптовых цен на iPhone).

[60] Решение ФАС России от 15 декабря 2015 г. по делу № 1-11-313/00-22-13.

[61] Разъяснение Президиума ФАС России от 14 июня 2017 г. № 9 «О порядке публикации международными морскими контейнерными перевозчиками стоимости перевозки» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАС России. URL: https://fas.gov.ru/documents/611492 (дата обращения: 15.11.2025).

Также на момент внесения в статью 8 ФЗ «О защите конкуренции» обсуждаемых изменений отдельные авторы предполагали, что недобросовестные участники товарных рынков могут воспользоваться признаком публичного заявления с целью обойти закон. Такая ситуация, например, могла бы возникнуть, если публичное заявление сделает не сам хозяйствующий субъект, а по его просьбе третье лицо[62], либо если конкуренты целенаправленно не будут допускать утечек в публичную среду чувствительной для рынка информации[63].

Заметим, что, с точки зрения формулировки части 2 статьи 8 ФЗ «О защите конкуренции», действия участников товарного рынка, которые отвечают признакам согласованности, но не сопровождаются публичным заявлением одного из их участников, действительно не могут быть квалифицированы в качестве согласованных действий. Более того, М.А. Егорова[64] и Е.С. Хохлов[65] предположили, что в таком случае рассматриваемое поведение в принципе не должно подпадать под какие-либо запреты антимонопольного законодательства.

Такой вывод соответствует букве закона, ведь рассматриваемые действия, с одной стороны, не могут быть квалифицированы по статье 8 ФЗ «О защите конкуренции» в силу отсутствия совокупности всех определенных законом признаков, а с другой стороны, не могут быть признаны и соглашениями, так как не сопровождаются достижением договоренности их участниками.

Однако в правоприменительной практике подобные действия стали квалифицировать как устные соглашения, ограничивающие конкуренцию. Подспорьем тому стали давние трудности в разграничении антиконкурентных согласованных действий и соглашений:

---

[62] Еременко В.И. Реформирование российского антимонопольного законодательства // Законодательство и экономика. 2012. № 4. С. 6.

[63] Заграевский С. Антимонопольный пакет: версия 3.0 // Конкуренция и право. 2012. № 2. С. 42.

[64] Егорова М.А. Современные подходы к правовому регулированию согласованных действий хозяйствующих субъектов товарных рынков // Конкурентное право. 2012. № 3. С. 11.

[65] Хохлов Е.С. Некоторые вопросы совершенствования понятия согласованных действий в российском конкурентном праве… С. 90.

- в одних случаях при доказывании картелей суды устанавливали все нормативные признаки согласованных действий[66];
- в других – квалифицировали в качестве соглашений действия, которые отвечали всем признакам согласованности, но не были связаны с публичным заявлением одного из участников[67].

Показательной является отмена решения антимонопольного органа, которым хозяйствующие субъекты были признаны виновными в сговоре на торгах (пункт 2 части 1 статьи 11 ФЗ «О защите конкуренции»), на том основании, что поведение конкурентов не отвечало признакам согласованных действий[68]. В итоге ошибки удалось избежать: данное дело было направлено окружным судом на новое рассмотрение[69]. Тем не менее, факт остается фактом – категории «согласованные действия» и «соглашение» для многих остаются практически синонимичными.

Значительный интерес в данном отношении представляет позиция, сформулированная Верховным Судом РФ. В частности, абзац 3 пункта 29 Постановления Пленума ВС РФ от 04 марта 2021 г. № 2 (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 2) гласит: «Если обмен информацией между хозяйствующими субъектами не носит публичного (открытого) характера, но привел к ограничению конкуренции (например, вызвал синхронное изменение цен на товары), действия хозяйствующих субъектов при наличии оснований могут быть квалифицированы по статье 11 Закона как соглашение, ограничивающее конкуренцию, в том числе

---

[66] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14 августа 2017 г. № Ф06-12918/2016 по делу № А65-20903/2015; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 02 декабря 2014 г. № Ф06-17806/2013 по делу № А65-6321/2014.

[67] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 22 января 2021 г. № Ф06-69396/2020 по делу № А57-2265/2020; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 03 сентября 2014 г. по делу № А19-12889/2013.

[68] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 05 мая 2016 г. № 09АП-9610/2016 по делу № А40-203574/15.

[69] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31 августа 2016 г. № Ф05-11600/2016 по делу № А40-203574/2015.

если имело место уничтожение документов (например, деловой переписки, протоколов встреч) участниками соглашения»[70].

Из анализа приведенной правовой позиции, становится ясно, что правоприменитель продолжает сталкиваться на практике с поведением хозяйствующих субъектов, которое ранее охватывалось действием статьи 8 ФЗ «О защите конкуренции», но оказалось за пределами определения согласованных действий вследствие введения признака публичного заявления. Поскольку такое поведение продолжает оказывать негативное воздействие на состояние конкуренции на товарных рынках, антимонопольные органы и суды все же продолжают рассматривать его как неправомерное и искать возможные варианты его альтернативной квалификации в качестве устного соглашения[71].

Таким образом, введение признака публичного заявления способствовало формированию еще бóльшей неопределенности относительно разграничения двух смежных категорий конкурентного права – соглашений и согласованных действий, ограничивающих конкуренцию.

В этой связи, на наш взгляд, интересно обратиться к европейскому опыту правового регулирования: возможно, именно оттуда мы могли бы почерпнуть отдельные подходы к разрешению тех проблем, которые актуальны для российской правовой системы.

Статья 101 Договора о функционировании Европейского Союза (далее – ДФЕС) запрещает любые соглашения между предприятиями, решения объединений предприятий и виды согласованной практики (concerted practice), которые способны затронуть торговлю между государствами-членами и имеют своей целью или результатом недопущение, ограничение либо устранение конкуренции на внутреннем рынке[72].

---

[70] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04 марта 2021 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5.

[71] Сулименко А.Д. Отдельные аспекты разграничения согласованных действий и соглашений в конкурентном праве России // Конкурентное право. 2021. № 3. С. 11.

[72] Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union // OJ C 326, 26.10.2012. P. 47–390.

Поскольку приведенное положение ДФЕС подробно не раскрывает использованные в нем категории, функция по выработке определений соответствующих понятий была возложена на судебную практику. И уже в деле Imperial Chemical Industries[73], в рамках которого Суд ЕС впервые столкнулся с категорией согласованной практики, были затронуты два вопроса, которые актуальны и для российского конкурентного права, а именно – соотношение рассматриваемого понятия с антиконкурентными соглашениями и непреднамеренным параллелизмом.

Так, рассматриваемый судебный акт указывает, что согласованная практика отлична от иных форм коллективного неправомерного поведения, запрещенных статьей 101 ДФЕС, и является «координацией между предприятиями, не достигшей стадии соглашения в явном виде, которая осознанно замещает практическое взаимодействие между ними с риском для конкуренции»[74].

В свою очередь, вопрос о соотношении согласованной практики с параллелизмом был решен следующим образом: «Хотя параллельное поведение само по себе не может отождествляться с согласованной практикой, оно, тем не менее, может являться убедительным доказательством такой практики, если приводит к условиям конкуренции, которые не соответствуют нормальным рыночным условиям»[75].

Таким образом, фактически Суд ЕС указал, что одного лишь единообразного и синхронного поведения недостаточно для установления факта совершения правонарушения. Тем не менее, отдельные авторы отмечали, что в рамках рассматриваемого разбирательства не была дана надлежащая оценка тому, явились ли однотипные действия компаний следствием их осознанного стремления скоординировать свое взаимное поведение, т.е. фактически не был установлен элемент сговора (collusion). На этом основании высказывались

---

[73] Case 48/69, Imperial Chemical Industries Ltd v Commission of the European Communities // ECR. 1972. 619.
[74] Ibid. Para 64.
[75] Ibid. Para 66.

опасения, что категория «согласованная практика» может использоваться для пресечения непреднамеренного параллелизма[76].

В дальнейшем вопрос о необходимости установления элемента сговора в делах о согласованной практике не остался без внимания Суда ЕС. В решении по делу Suiker Unie было указано, что хозяйствующие субъекты должны определять свою рыночную стратегию самостоятельно, хотя при этом нельзя отказать им в праве «разумно приспосабливаться к нынешнему или планируемому поведению их конкурентов»[77]. В сущности, такая формулировка означала, что взаимозависимость участников товарного рынка не может являться нарушением статьи 101 ДФЕС[78].

Для признания же факта нарушения необходимо установить элемент сговора, под которым в анализируемом деле рассматривались контакты между конкурентами. По мнению Суда ЕС, принцип независимости хозяйствующих субъектов в принятии решений «строго исключает любые прямые или косвенные контакты между предприятиями, целью или результатом которых выступает либо влияние на рыночное поведение фактического или потенциального конкурента, либо раскрытие такому конкуренту поведения, которого сами [хозяйствующие субъекты]… планируют придерживаться на товарном рынке»[79].

Таким образом, в соответствии с приведенной правовой позицией, под контактом можно понимать способ передачи участниками товарного рынка информации об их взаимном поведении, которая может быть использована в целях совершения антимонопольного правонарушения. При этом спектр возможных проявлений таких контактов Судом ЕС очерчен не был, в связи с чем

---

[76] Korah V. Concerted practices // The Modern Law Review. 1973. Vol. 36. № 2. P. 221.

[77] Joint cases 40 to 48, 50, 54 to 56, 111, 113 and 114-73, Coöperatieve Vereniging «Suiker Unie» UA and others v Commission of the European Communities // ECR. 1975-01663. Para 173–174.

[78] Под взаимозависимостью понимается необходимость для хозяйствующих субъектов учитывать при принятии хозяйственных решений возможную реакцию со стороны их конкурентов. Данная особенность характерна для олигополистических товарных рынков. См. Верещагин А.А. Экономическое поведение хозяйствующих субъектов в условиях олигополистической структуры рынка: дис. … канд. экон. наук. Ярославль, 2010. С. 29.

[79] Joint cases 40 to 48, 50, 54 to 56, 111, 113 and 114-73, Coöperatieve Vereniging «Suiker Unie» UA and others v Commission of the European Communities… Para 174.

можно было бы предположить, что односторонняя передача информации также рассматривалась европейским конкурентным правом в качестве потенциально опасной.

Тем не менее, в дальнейшем дело Woodpulp поставило под сомнение указанный тезис[80]. Обстоятельства того разбирательства заключались, в числе прочего, в том, что производители беленой сульфатной целлюлозы ежеквартально публично оглашали цены на свою продукцию. Суд ЕС посчитал, что факт публичного заявления недостаточно надежен для установления элемента сговора, а следовательно необходимо было найти дополнительный критерий, который в совокупности с остальными обстоятельствами дела свидетельствовал бы о согласованной практике. Таким критерием стали обоснованность и обусловленность поведения хозяйствующих субъектов. Текст решения, в частности, гласил: «…параллельное поведение не может рассматриваться как доказательство согласованности действий, если только согласованность не является единственным правдоподобным объяснением такого поведения»[81]. Фактически Суд ЕС пришел к выводу, что если существует какое-либо иное, в т.ч. экономическое, обоснование параллелизма, то факт нарушения не может быть установлен.

В литературе описанный подход к квалификации действий участников товарных рынков оценили положительно, поскольку он проводил более четкую грань между незаконным и правомерным поведением хозяйствующих субъектов[82] (в качестве последнего стали выступать олигополистическая взаимозависимость и ценовое лидерство).

Однако, несмотря на выработку критерия обоснованности параллелизма, в последующем активно стала развиваться практика, в соответствии с которой основной упор при установлении элемента сговора делался все-таки на прямые

---

[80] Joined cases C-89/85, C-104/85, C-114/85, C-116/85, C-117/85 and C-125/85 to C-129/85, A. Ahlström Osakeyhtiö and others v Commission of the European Communities // ECR. 1993 I-1307.
[81] Ibid. Para 71.
[82] См., например, Jones A. Woodpulp: concerted practice and/or conscious parallelism? // European Competition Law Review. 1993. Vol. 14. № 6. P. 275.

доказательства, коими являлись встречи представителей компаний (как регулярные, так и единичные), сопровождавшиеся обменом чувствительной для товарного рынка информацией[83].

Более того, концепция согласованной практики, по мнению Суда ЕС, предполагает следующее: если факт информационного обмена установлен, то можно констатировать, что действующие на товарном рынке предприятия при принятии решений руководствуются полученными друг от друга сведениями[84].

В литературе можно встретить позицию, в соответствии с которой указанный подход свидетельствует о запрещении любых контактов между хозяйствующими субъектами как таковых[85]. Тем не менее, подобная оценка представляется нам не вполне справедливой: фактически Суд ЕС не утверждает, что контакты между предприятиями незаконны в любом случае, но презюмирует наличие причинно-следственной связи между информационным обменом участников товарного рынка (сговором) и их последующим параллельным поведением. И такая презумпция видится достаточно обоснованной, ведь элемент сговора в рассматриваемом случае устанавливается на основе прямых доказательств (проведение встреч, совместных мероприятий, в рамках которых раскрывалась значимая для выработки совместной стратегии поведения информация).

Таким образом, практика Суда ЕС по делам о согласованной практике зачастую была основана на прямых доказательствах, которые свидетельствовали о двустороннем обмене существенными для товарного рынка сведениями.

Тем не менее, позже односторонняя передача соответствующей информации также стала рассматриваться в качестве достаточного основания для вывода о наличии сговора между хозяйствующими субъектами. Так,

---

[83] Case C-235/92 P, Montecatini SpA v Commission of the European Communities // ECR. 1999 I-4539; Case C-8/08, T-Mobile Netherlands BV, KPN Mobile NV, Orange Nederland NV and Vodafone Libertel NV v Raad van bestuur van de Nederlandse Mededingingsautoriteit // ECR. 2009 I-4529.

[84] Case C-199/92 P, Hüls AG v Commission of the European Communities // ECR. 1999 I-4287. Para 162; Case C-49/92 P, Commission of the European Communities v Anic Partecipazioni SpA // ECR. 1999 I-4125. Para 121.

[85] Marchisio E. From Concerted Practices to “Invitations to Collude” // European Competition Law Review. 2017. Vol. 38. № 12. P. 558–559.

обстоятельства дела Eturas[86] заключались в том, что ряд туристических агентств, использовавших один модуль для онлайн-бронирования туров, одномоментно уменьшили размер предоставляемых клиентам скидок. Инициатором такого синхронного поведения явился оператор соответствующего модуля, который посредством внутренней системной рассылки уведомил компании о том, что вскоре в электронную систему будут внесены модификации, которые автоматически сократят размер скидок. При этом отдельные туристические агентства настаивали на том, что полученное от оператора письмо они даже не открывали, вследствие чего не знали об изменении цен на свои туры.

Указанный довод Судом ЕС воспринят не был, поскольку совокупность иных обстоятельств дела, помимо самого факта соответствующей рассылки, свидетельствовала о том, что хозяйствующие субъекты все же осознанно приняли решение о нарушении правил конкуренции на товарном рынке[87]. Таким образом, были установлены элемент сговора, а также последующее синхронное поведение конкурентов. Причинно-следственная связь между двумя указанными элементами состава правонарушения, исходя из предшествующей судебной практики, презюмировалась. Тем не менее, указанная презумпция могла быть опровергнута: как указал Суд ЕС, для этого предполагаемому правонарушителю необходимо было доказать, что он публично дистанцировался от незаконного поведения[88] или заявил о нем в компетентный орган, либо привести иные доводы, позволявшие исключить его из числа правонарушителей[89].

При этом нужно отметить, что отдельные авторы усмотрели в правовой позиции, выраженной в деле Eturas, излишне обвинительный уклон: во-первых, элемент сговора впредь может быть установлен на основании лишь одностороннего распространения информации без необходимости доказывать ее

---

[86] Case C–74/14, ‘Eturas’ UAB and Others v Lietuvos Respublikos konkurencijos taryba // ECR. 2016.

[87] Ibid. Para 40-44.

[88] Учитывая обстоятельства дела, для дистанцирования хозяйствующим субъектам достаточно было заявить оператору модуля для бронирования о своем нежелании участвовать в правонарушении. Заявлять об этом всем участникам незаконной согласованной практики не требовалось. См. Ibid. Para. 47-48.

[89] Ibid. Para 46, 49.

получение адресатом; во-вторых, презумпция причинно-следственной связи между сговором и последующим поведением превратилась в практически неопровержимую[90].

Однако мы не можем согласиться с приведенной точкой зрения, поскольку применение рассматриваемого подхода к доказыванию согласованной практики ограничено обстоятельствами каждого конкретного дела. Так, Суд ЕС, на наш взгляд, справедливо указывает, что из понятия согласованной практики напрямую не следует, можно ли рассматривать факт отправки письма как достаточный для установления элемента сговора. Данный факт необходимо оценивать индивидуально исходя из всей совокупности доказательств[91]. Презумпция причинно-следственной связи между сговором и последующим поведением также может быть опровергнута при наличии достаточных на то оснований. Более того, не стоит забывать об особых фактических обстоятельствах дела Eturas. В частности, действия координатора – оператора модуля для бронирования – в значительной степени облегчили взаимодействие туристических агентств, которым не пришлось прикладывать усилия для организации совместной незаконной деятельности. Таким образом, отраженную в деле Eturas правовую позицию, на наш взгляд, можно считать взвешенной и обоснованной.

Подводя итог анализу согласованной практики в праве ЕС, хотелось бы отметить достаточно высокий стандарт доказывания такого неправомерного поведения. В частности, обращает на себя внимание, что во многих случаях европейский правоприменитель был ориентирован на установление прямых доказательств сговора хозяйствующих субъектов.

На наш взгляд, данный факт свидетельствует о концептуальном единстве двух категорий конкурентного права ЕС – согласованной практики и антиконкурентных соглашений. Проанализированные судебные акты заставляют прийти к следующему выводу: категория согласованной практики, в сущности, зачастую используется там для пресечения поведения хозяйствующих субъектов,

---

[90] Marchisio E. From Concerted Practices to “Invitations to Collude”… P. 561–562.
[91] Case C–74/14, ‘Eturas’ UAB and Others v Lietuvos Respublikos konkurencijos taryba… Para 34.

близкого по своему содержанию к антиконкурентным соглашениям, в отношении которого отсутствуют доказательства непосредственного достижения договоренности его участниками. В частности, высокий стандарт доказывания не позволяет сделать вывод о наличии между участниками товарного рынка договоренности даже в том случае, если имели место встречи между представителями соответствующих юридических лиц. В такой ситуации, очевидно, введение запрета на осуществление согласованной практики рассматривалось авторами ДФЕС как средство, позволяющее исключить обход недобросовестными хозяйствующими субъектами правил конкуренции.

Косвенно о справедливости сделанного нами вывода свидетельствует и то, что проблема разграничения антиконкурентных соглашений и согласованной практики не входила в число приоритетных в рамках правоприменительной деятельности. Фактически указанного вопроса Суд ЕС коснулся в единственном своем акте – в решении по делу Imperial Chemical Industries. Следовательно, разграничение двух рассматриваемых категорий конкурентного права ЕС для соответствующих компетентных органов вызовом не является. Это обусловлено концептуальным единством соглашений и согласованной практики.

Так, в решении по делу Anic Суд ЕС указал, что поведение, обладающее признаками обеих из указанных форм незаконной деятельности, может представлять собой различные проявления единого правонарушения. Основная же задача правоприменителя состоит в отграничении такого правонарушения от самостоятельных действий хозяйствующих субъектов, не обусловленных сговором (т.е. от непреднамеренного параллелизма)[92]. Таким образом, в конкурентном праве ЕС антиконкурентные соглашения и согласованная практика не рассматриваются в качестве самостоятельных друг от друга форм незаконного поведения.

С другой стороны, отечественное правовое регулирование исходит из позиции дифференциации рассматриваемых правонарушений и, соответственно,

[92] Case C-49/92 P, Commission of the European Communities v Anic Partecipazioni SpA // ECR. 1999 I-4125. Para 108, 113.

предполагает квалификацию действий хозяйствующих субъектов по одной из статей ФЗ «О защите конкуренции». Таким образом, опыт наднационального европейского регулирования не поможет нам разрешить насущную для российского права проблему разграничения антиконкурентных соглашений и согласованных действий.

§2. Законодательная конструкция запрета на согласованные действия, ограничивающие конкуренцию

На сегодняшний день законодательство предусматривает два отдельных запрета на осуществление соглашений и согласованных действий, ограничивающих конкуренцию[93].

Специалисты в области антимонопольного регулирования приветствовали внесение соответствующих изменений в ФЗ «О защите конкуренции»[94], поскольку смешение двух форм монополистической деятельности, вызванное в том числе установлением единого запрета на их осуществление, нарушало принцип определенности правового регулирования. Правоприменительные органы и хозяйствующие субъекты, на которых распространялись соответствующие антимонопольные требования, не могли с точностью определить, как квалифицировать то или иное поведение на товарном рынке.

Отметим, что сложности в квалификации поведения хозяйствующих субъектов существуют и по сей день. Тем не менее, выделение в законодательстве самостоятельного запрета на осуществление согласованных действий стоит

---

[93] Соответствующие изменения были внесены «третьим антимонопольным пакетом». См. Федеральный закон от 06 декабря 2011 г. № 401-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // http://www.pravo.gov.ru

[94] Оводов А.А. Интервью с членом Экспертного совета по применению антимонопольного законодательства при ФАС России, адвокатом, доцентом юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидатом юридических наук, автором книги «Конкурентное право» С.А. Паращуком // Юрист. 2011. № 5. С. 5; Попондопуло В.Ф. Антимонопольное регулирование и защита конкуренции: общий обзор [Электронный ресурс] // Конкурентное право. 2011. № 1. С. 3–14. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2025).

оценить положительно, поскольку данная мера является одним из направлений решения проблемы разграничения смежных правовых категорий.

На данный момент конструкция запрета на согласованные действия, ограничивающие конкуренцию, закреплена в статье 11^1 ФЗ «О защите конкуренции» и включает в себя несколько элементов:

- общий запрет на согласованные действия (часть 3 статьи 11^1 ФЗ «О защите конкуренции»);
- частные запреты на согласованные действия (часть 1 статьи 11^1 ФЗ «О защите конкуренции»);
- исключения из соответствующих запретов (части 5 и 6 статьи 11^1 ФЗ «О защите конкуренции»);
- допустимость согласованных действий (часть 4 статьи 11^1 и статья 13 ФЗ «О защите конкуренции»)[95].

Рассмотрим перечисленные элементы более подробно.

1. Статья 11^1 ФЗ «О защите конкуренции» выстроена таким образом, что общий запрет на осуществление согласованных действий, ограничивающих конкуренцию, содержится в третьей части рассматриваемой нормы, в то время как первая – формулирует частные запреты.

Данная особенность связана с тем, что законодателю необходимо было предусмотреть перечень запретов per se, которые в силу своего особого правового режима непременно должны быть перечислены исчерпывающим образом. Те же действия хозяйствующих субъектов, на которые распространяется общий правовой режим, запрещены по остаточному принципу.

В литературе справедливо указывают, что «правовой режим запретов per se базируется на фикции ограничения конкуренции, то есть представляет собой искусственно созданное законодателем положение, при котором факт ограничения конкуренции считается безусловно существующим в любом случае и

[95] Часть 2 статьи 11^1 также содержит отдельный запрет на согласованные действия на оптовом и розничных рынках электрической энергии (мощности), но его рассмотрение не входит в предмет настоящего диссертационного исследования.

не нуждается в доказывании (обосновании)»[96]. Это означает, что при установлении согласованных действий, запрещенных per se, факт ограничения конкуренции предполагается, или презюмируется[97].

К таким запретам часть 1 статьи 11^1 ФЗ «О защите конкуренции» относит:

- установление или поддержание цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат) и (или) наценок;
- повышение, снижение или поддержание цен на торгах;
- раздел товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков);
- сокращение или прекращение производства товаров;
- отказ от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями (заказчиками), если такой отказ прямо не предусмотрен федеральными законами.

Если обратить более пристальное внимание на данный перечень, то можно обнаружить, что указанные в нем действия хозяйствующих субъектов неоднородны. Некоторые из них, бесспорно, могут иметь и фактически имеют место на товарных рынках, другие же – заставляют усомниться в возможности их реализации молчаливым образом, без непосредственной координации.

Как утверждают экономисты, хозяйствующие субъекты могут скоординировать свое взаимное поведение молчаливым образом посредством двух способов: выравнивание цен и установление объемов производства (продаж)[98]. Нетрудно заметить, что указанные способы соотносятся с пунктами 1 и 4 части 1 статьи 11^1 ФЗ «О защите конкуренции».

---

[96] Егорова М.А. Презумпции ограничения конкуренции // Юрист. 2017. № 17. С. 8.

[97] См. там же. Общий запрет на согласованные действия, напротив, предполагает, что поведение хозяйствующего субъекта «не должно квалифицироваться в качестве нарушения антимонопольного законодательства до тех пор, пока в соответствующем порядке не будет доказан факт ограничения им конкуренции на релевантном рынке». Такой подход получил название «правило взвешенного подхода», или rule of reason.

[98] Розанова Н.М. Теория отраслевых рынков: продвинутый уровень : учебник для вузов / Н.М. Розанова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. С. 86.

Установление единообразных цен во всей отрасли действительно является практикой, которую можно регулярно наблюдать на товарных рынках. В то же время подражание конкурентам путем уменьшения объемов производства видится не настолько очевидным. Видимо, в первую очередь это связано с тем, что информация об объемах производства конкретного участника товарного рынка является внутрихозяйственной в большей степени, нежели цена товара. Тем не менее, исключать возможность осуществления согласованных действий посредством сокращения или прекращения производства товара нельзя. Из анализа литературы явствует, что данная форма координации поведения хозяйствующих субъектов характерна для рынков, на которых функционирует одна крупная компания, от объема производства которой зависит объем предложения во всей отрасли в целом[99].

Согласованные действия на торгах (пункт 2 части 1 статьи 11^1 ФЗ «О защите конкуренции»), которые имеют своей основной целью победу заранее определенного участника[100], фактически тоже являются одним из способов установления цен. Однако поскольку процедура торгов имеет ряд особенностей по сравнению с обычным товарооборотом, ее стоит рассмотреть отдельно.

Запрет на согласованные действия на торгах практически не используется в процессе правоприменения. По мнению А.В. Молчанова, это обусловлено необходимостью установления публичного заявления хозяйствующего субъекта, которое в случае с нарушением на торгах крайне маловероятно[101].

Соглашаясь с обозначенным тезисом, отметим: еще одна из ключевых причин практической неприменимости рассматриваемых положений, на наш взгляд, заключается в том, что схемы реализации сговора на торгах достаточно разнообразны. Все они (например, стратегии «блеф», «карусель», «таран», раздел

---

[99] Там же. С. 73–75.

[100] Егорова М.А., Кинев А.Ю. Правовые критерии картеля [Электронный ресурс] // Право и экономика. 2016. № 4. С. 4–11. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2025).

[101] Молчанов А.В. Антимонопольные требования к торгам: правовой аспект : дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2019. С. 122–123.

лотов)[102] предполагают сложную ролевую модель поведения участников, которую практически невозможно выработать посредством молчаливого понимания рыночной ситуации. Например, без достижения прямой договоренности невозможно скоординировать взаимоотношения сторон по поводу предоставления денежных средств или возможности заключить другой контракт хозяйствующему субъекту, который подал неконкурентоспособное предложение или воздержался от участия в торгах. В то же время без предоставления указанных возможностей хозяйствующий субъект может утратить интерес в реализации незаконной схемы на торгах[103].

Практика показывает, что те случаи установления факта согласованных действий на торгах, которые все-таки имели место, связаны с отождествлением институтов согласованных действий и антиконкурентных соглашений. Обстоятельства большинства таких споров заключались в неявке на аукционы поочередно то одного, то другого участника торгов[104]. По мнению судов, данный факт в совокупности с тем, что информация о хозяйствующих субъектах, допущенных к участию в аукционах, публиковалась в сети «Интернет», свидетельствовал о взаимной осведомленности участников торгов о действиях друг друга.

Тем не менее, неясно, как именно хозяйствующие субъекты в отсутствие прямых контактов, т.е. молчаливым образом, скоординировали свое поведение так, что каждый из них поочередно заключал контракт по максимальной (начальной) цене. Представляется, что формирование подобной совместной стратегии возможно только посредством достижения договоренности. Таким

---

[102] Вялых С.В., Денисова А.В. Разграничение антиконкурентных согласованных действий и соглашений (картелей) // Российское конкурентное право и экономика. 2015. № 4 (4). С. 37–38.
[103] Сулименко А.Д. К вопросу о возможности осуществления антиконкурентных согласованных действий на торгах // Юридическая наука. 2025. № 9. С. 328.
[104] Например, Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 13 июля 2010 г. № КА-А40/6864-10 по делу № А40-3524/10-94-30; Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 07 сентября 2010 г. по делу № А29-2392/2010; Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 19 октября 2010 г. по делу № А69-485/2010.

образом, квалификация поведения участников торгов по пункту 2 части 1 статьи 11^1 ФЗ «О защите конкуренции» маловероятна.

Более того, сговоры на торгах наносят колоссальный вред национальной экономике[105]. В этой связи в отношении скоординированного поведения на торгах должен применяться правовой режим запрета на картели, который не позволяет признать такие соглашения допустимыми, а также предусматривает более строгую ответственность.

Отказ от заключения договора с определенными продавцами/покупателями, или бойкот (пункт 5 части 1 статьи 11^1 ФЗ «О защите конкуренции»), относится к т.н. «вытесняющим» практикам, т.е. приводящим к устранению хозяйствующих субъектов с товарного рынка либо созданию препятствий доступу на него[106].

В литературе справедливо отмечают, что каждый предприниматель стремится расширить круг своих контрагентов, а следовательно, отказ от сотрудничества с кем-либо из них не отвечает интересам хозяйствующего субъекта[107]. Соответственно, инициатором подобного поведения должно быть третье лицо (координатор), которое впоследствии обеспечит участникам согласованных действий некую материальную выгоду. Таким координатором может стать конкурент лица, которому объявляют бойкот: в случае ухода с рынка последнего первый из указанных акторов предоставляет участникам согласованных действий какое-либо преимущество (например, в виде обязательства покупать у них товары по более высокой цене)[108]. По нашему

---

[105] За 2024 г. нарушения были выявлены в 4369 закупочных процедурах с совокупной суммой начальных максимальных цен контрактов (НМЦК) в размере 122,4 млрд руб. См. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2024 г. [Электронный ресурс] // URL: https://fas.gov.ru/documents/type_of_documents/doklady_o_sostoyanii_konkurencii (дата обращения: 15.11.2025).

[106] Разделение антимонопольных правонарушений на ценовые и вытесняющие проводит сам антимонопольный орган. См., например, Разъяснение Президиума ФАС России от 11 октября 2017 г. № 11 «По определению размера убытков, причиненных в результате нарушения антимонопольного законодательства» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАС России. URL: https://fas.gov.ru/documents/587995 (дата обращения: 15.11.2025).

[107] Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» / отв. ред. И.Ю. Артемьев. – М. : Статут, 2015. С. 192.

[108] Там же.

мнению, более вероятна квалификация подобного поведения в качестве антиконкурентного соглашения, нежели согласованных действий.

Раздел товарного рынка (пункт 3 части 1 статьи 11^1 ФЗ «О защите конкуренции») имеет своей целью превратить каждого из участников согласованных действий в своеобразного монополиста на определенном сегменте товарного рынка, что впоследствии приводит к увеличению стоимости товара. Товарный рынок при этом может быть сегментирован по различным основаниям: по территории, объему продажи или покупки товаров, ассортименту, составу продавцов или покупателей.

Особое внимание привлекает раздел товарного рынка по объему продажи или покупки товара. Фактически он выражается в квотировании – в определении и фиксации объема предлагаемой к продаже или покупке продукции для каждого участника такого неправомерного поведения (т.е. в определении долей товарного рынка, приходящихся на каждого из них).

Можно заметить, что отчасти рассматриваемая модель взаимодействия хозяйствующих субъектов схожа с сокращением/прекращением производства товара (пункт 1 части 1 статьи 11^1 ФЗ «О защите конкуренции»), при котором фактически также происходит изменение объема предложения товара на рынке. Однако квотирование не всегда сопровождается именно сокращением объема продукции, предлагаемой к продаже.

Стоит признать, что поскольку при разделе товарного рынка по объему продажи или покупки товара происходит закрепление за каждым хозяйствующим субъектом определенной доли товарного рынка, то достичь подобного эффекта гораздо проще при заключении антиконкурентного соглашения. В таком случае каждый участник соглашения заранее сможет определить, какие выигрыши он получит от закрепленной за ним квоты при конкретном, заранее оговоренном объеме товарного рынка в целом.

Тем не менее, полностью исключать возможность раздела товарного рынка по рассматриваемому принципу молчаливым образом, т.е. без предварительного достижения договоренности, нельзя.

Так, в экономической литературе описана модель Чемберлена с участием двух хозяйствующих субъектов[109], схема взаимодействия которых, с точки зрения российского права, как раз может быть квалифицирована по пункту 3 части 1 статьи 11^1 ФЗ «О защите конкуренции». Поскольку подробное описание взаимодействия компаний в данной экономической модели выходит за рамки предмета настоящего исследования, остановимся лишь на принципиальных для нас нюансах. Обращает на себя внимание, что в рамках модели Чемберлена хозяйствующие субъекты достигают желаемого результата, т.е. установления квот, не сразу (как это может быть при заключении антиконкурентного соглашения), а в несколько приемов. Изначально первая компания определяет свой объем продаж, а вторая компания в ответ на это избирает такой объем предложения продукции, который позволяет ей удовлетворить остаточный спрос (в данном случае мы видим, что вторая компании приспосабливает свое поведение к поведению конкурента, что характерно для согласованных действий). В результате оба хозяйствующих субъекта оказываются в проигрыше, их прибыль понижается. В этой связи они вынуждены пойти на второй «круг» молчаливой координации (т.е. скорректировать свои рыночные доли еще раз), на котором хозяйствующие субъекты, наконец, достигают того объема предложения, который выгоден каждому из них. В результате на товарном рынке устанавливается монопольная цена.

Отсюда следует несколько выводов. Во-первых, раздел товарного рынка по объему продажи или покупки товара без достижения предварительной договоренности, т.е. без заключения антиконкурентного соглашения, возможен. Во-вторых, практическая реализация такой схемы взаимодействия хозяйствующих субъектов в той или иной степени затруднена, поскольку для установления монопольной цены участникам согласованных действий приходится молчаливым образом корректировать свое поведение, подстраиваться друг под друга в несколько этапов. При этом важно, что приведенная выше модель описывает товарный рынок, на котором функционируют всего два

[109] Розанова Н.М. Теория отраслевых рынков… С. 86–88.

хозяйствующих субъекта. Если количество участников товарного рынка увеличится, то достичь взаимопонимания относительно приемлемых для каждого из них объемов продажи/покупки товара будет еще сложнее.

Тем не менее, необходимо констатировать, что согласованные действия, приводящие к разделу товарного рынка по объему продажи или покупки товаров, могут иметь место.

Раздел товарного рынка по территориальному принципу выражается в том, что определенная зона реализации товара закрепляется за одним хозяйствующим субъектом, в то время как остальные участники рынка отказываются от деятельности на данной территории.

На наш взгляд, территорию также можно рассматривать как один из параметров, за счет регулирования которого хозяйствующие субъекты могут совершить согласованные действия. Во-первых, наряду с ценой и объемом продажи/производства товара, данный параметр можно согласовать молчаливым образом. Хозяйствующему субъекту достаточно дать знать конкурентам о том, что он прекращает деятельность на определенной территории. Во-вторых, после того, как товарный рынок будет разделен на сегменты, каждый хозяйствующий субъект может обеспечить себе материальную выгоду своими собственными действиями, т.е. путем извлечения монопольной прибыли на соответствующем сегменте товарного рынка при помощи регулирования базовых показателей своей хозяйственной деятельности – цены и объема продажи/производства товара. Таким образом, участникам подобного неправомерного поведения не требуется наличие некоего третьего лица, которое предоставит им какие-либо материальные преимущества (как при отказе от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями (заказчиками).

В то же время представляется, что для раздела товарного рынка по иным указанным в законе основаниям (по ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей/заказчиков) требуется приложить больше усилий. Так, хозяйствующие субъекты должны достичь понимания относительно того, каким именно образом, на основании каких критериев они разделят между

собой реализуемый товар или распределят контрагентов. Полагаем, что осуществление соответствующего поведения путем достижения молчаливого понимания рыночной ситуации маловероятно.

Таким образом, согласованными действиями должны признаваться исключительно действия хозяйствующих субъектов – конкурентов, которые приводят к:

- установлению или поддержанию цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат) и (или) наценок;
- сокращению или прекращению производства товаров;
- разделу товарного рынка по объему продажи или покупки товаров либо по территориальному принципу.

Пункты 2, 5 и 3 (в части раздела товарного рынка по ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей) части 1 и часть 3 статьи 11^1 ФЗ «О защите конкуренции», которые предусматривают запрет на согласованные действия, приводящие к иным последствиям, следует из ФЗ «О защите конкуренции» исключить.

2. Законодательство предусматривает два исключения из действия запретов на согласованные действия, ограничивающие конкуренцию.

Первый из них заключается в установлении минимальных значений долей хозяйствующих субъектов, осуществляющих согласованные действия (т.н. требование de minimis). В соответствии с частью 5 статьи 11^1 ФЗ «О защите конкуренции», совокупная доля участников рассматриваемого неправомерного поведения, должна превышать 20%, причем доля каждого из них должна составлять не менее 8% объема соответствующего товарного рынка.

В литературе справедливо указывают, что введение указанных пороговых значений призвано исключить применение требований антимонопольного законодательства в отношении участников товарного рынка, которые не обладают

значительной рыночной властью и, как следствие, не могут оказать влияние на состояние конкуренции[110].

В то же время Е.Ю. Борзило задается интересным вопросом: какой логикой руководствовался законодатель, когда устанавливал рассматриваемые исключения для согласованных действий, ограничивающих конкуренцию, но отказался от таковых при формулировании запрета на картели? При этом стоит согласиться с автором, что обоснование такого подхода явно заключается не в различии «тяжести» последствий рассматриваемых правонарушений для товарного рынка, поскольку они фактически идентичны[111].

По нашему мнению, установление пороговых долей для участников согласованных действий видится вполне логичным и обоснованным. Такое неправомерное поведение становится возможным благодаря определенным характеристикам олигополистического товарного рынка, включая информационную прозрачность. Олигополия, в свою очередь, предполагает достаточно значительные доли участников товарного рынка.

С другой стороны, заключить картельное соглашение могут как малые, так и крупные хозяйствующие субъекты, поскольку такая форма взаимодействия всегда предполагает непосредственный контакт между сторонами и достижение договоренности.

Возможно, именно поэтому часть 5 статьи 11^1 ФЗ «О защите конкуренции» предусматривает пороговое значение долей для участников согласованных действий в отсутствие таковых в отношении сторон картельного соглашения. В этой связи можно допустить, что если конкуренты, занимающие относительно небольшие доли товарного рынка, ведут себя единообразно и синхронно без видимого основания, то такое поведение содержит отдельные признаки нарушения запрета на картели, но не на согласованные действия.

---

[110] Пузыревский С.А. Развитие антимонопольного законодательства: третий антимонопольный пакет [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». 2012 (дата обращения: 15.02.2025); Конкурентное право : учебник / под общ. ред. М.А. Егоровой, А.Ю. Кинева. М. : Юстицинформ, 2018. С. 287.

[111] Борзило Е.Ю. Антимонопольные риски предпринимательской деятельности: научно-практическое руководство. М. : Статут, 2014. С. 130–131.

Часть 6 статьи 11^1 ФЗ «О защите конкуренции» предусматривает еще одно изъятие из сферы действия запрета на согласованные действия – для группы лиц.

Традиционно члены одной группы лиц воспринимаются специалистами в области антимонопольного регулирования как единый хозяйствующий субъект, поскольку они не свободны друг от друга в принятии решений[112]. Соответственно, и конкуренция внутри данного образования отсутствует.

С другой стороны, обращает на себя внимание, что рассматриваемые положения закона делают исключение из запрета на согласованные действия не для любой группы лиц, а лишь для тех из них, в рамках которых установлен контроль одного хозяйствующего субъекта над другим либо такие хозяйствующие субъекты находятся под контролем одного лица[113].

Под контролем в данном случае понимается (часть 8 статьи 11 ФЗ «О защите конкуренции):

- распоряжение более чем 50% общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции (доли) в уставном (складочном) капитале юридического лица;
- осуществление функций исполнительного органа юридического лица.

При этом часть 1 статьи 9 ФЗ «О защите конкуренции» предусматривает гораздо бóльшее количество оснований для формирования группы лиц, но перечисленные выше формы контроля покрывают только те из них, которые отражены в пунктах 1 и 2 рассматриваемой статьи.

Отдельные авторы оценивают подобную «избирательность» законодателя отрицательно. В частности, М.А. Егорова полагает, что отношения контроля имеют место в любой группе лиц, вследствие чего запреты статьи 11^1

---

[112] Паращук С.А. Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции и монополии). М. : Городец-издат, 2002. С. 44; Тотьев К.Ю. Легитимация субъектов предпринимательской деятельности [Электронный ресурс] // Законность. 2002. № 12. С. 10–15. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2025).

[113] Идентичные изъятия установлены и в отношении запрета на соглашения, ограничивающие конкуренцию (статья 11 ФЗ «О защите конкуренции»).

ФЗ «О защите конкуренции» не должны распространяться на любые такие образования вне зависимости от оснований их формирования[114].

Тем не менее, на наш взгляд, выборочный подход к исключениям из сферы действия запретов на соглашения и согласованные действия, ограничивающие конкуренцию, вполне объясним.

Так, И.С. Шиткина отмечает: «Наличие отношений контроля – это наиболее тесная взаимосвязь в составе группы лиц»[115]. Косвенно из указанного утверждения следует, что автор признает возможность существования между членами одной группы лиц иных связей, помимо отношений контроля.

Указанной позиции придерживается и С.А. Пузыревский, разделяющий признаки, на основании которых хозяйствующие субъекты формируют группу лиц, на три категории: признаки контроля, признаки влияния и признаки родства (свойства)[116].

Таким образом, по мнению ряда исследователей, различные формы взаимосвязи между участниками группы лиц приводят к различной степени соподчиненности их поведения. Интересно, что косвенное подтверждение данному тезису можно усмотреть в пункте 7 Постановления Пленума ВС РФ № 2, который в т.ч. гласит: «К лицу, формально вошедшему в группу лиц, может не применяться правовой режим этой группы, если при рассмотрении дела будет установлено, что в действительности данное лицо автономно в определении своего поведения на товарном рынке, например, в связи с отсутствием у других участников группы достаточных правовых (договорных, корпоративных) и организационных (управленческих) средств влияния на его поведение».

Следовательно, Верховный Суд РФ также признает, что отношения контроля существуют между членами группы лиц не всегда, а значит, иммунитет в отношении применения запретов на соглашения и согласованные действия

---

[114] Егорова М.А. Категория «контроль юридического лица» как основной критерий формирования группы лиц // Конкурентное право. 2014. № 1. С. 13.

[115] Корпоративное право : учебный курс. В 2 т. / отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 2. М. : Статут, 2018. С. 342.

[116] Конкурентное право России : учебник / отв. ред. С.А. Пузыревский. Москва : Проспект, 2021. С. 117–118.

нельзя трактовать расширительно. Так, правоприменительной практике известны случаи, когда хозяйствующие субъекты пытались толковать понятие подконтрольной группы лиц широко с тем, чтобы на них не распространялись рассматриваемые требования антимонопольного законодательства. Тем не менее, такие попытки были пресечены[117].

Таким образом, запреты на соглашения и согласованные действия, ограничивающие конкуренцию, распространяются даже на хозяйствующих субъектов, которые входят в одну группу лиц, но не состоят при этом в отношениях контроля. Вероятно, данная особенность связана с тем, что картели рассматриваются в качестве одного из самых опасных правонарушений в экономической сфере[118]. Согласованные действия же, являясь еще одной формой монополистической деятельности, по своим последствиям практически идентичны соглашениям, ограничивающим конкуренцию[119]. В силу этого законодатель принял решение распространить соответствующие запреты на поведение участников товарных рынков, которые, несмотря на наличие между ними взаимосвязи, все-таки сохраняют некоторую степень самостоятельности.

3. Часть 4 статьи 11^1 и статья 13 ФЗ «О защите конкуренции» предусматривают возможность признания согласованных действий допустимыми, если они отвечают совокупности двух условий:

---

[117] Практика исходит из того, что не формируют отношения контроля: заключенный между юридическими лицами договор доверительного управления имуществом (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01 декабря 2015 № Ф05-11080/2015 по делу № А40-22931/14); доверенность на представление интересов организации, выданная лицу, исполняющему функции единоличного исполнительного органа другого юридического лица (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15 ноября 2019 № Ф09-6635/19 по делу № А07-30554/2018); родственные связи между учредителями, акционерами или лицами, выполняющими функции единоличных исполнительных органов организации (Разъяснение Президиума ФАС России от 13 марта 2019 г. № 16 «О применении частей 7, 8 статьи 11 Закона о защите конкуренции»).

[118] Кинев А.Ю. Система противодействия картелям // Закон. 2012. № 9. С. 186; Бабенко Т. Интервью со статс-секретарем – заместителем руководителя ФАС России Андреем Юрьевичем Цариковским // Юрист. 2017. № 1. С. 4–6.

[119] Авдашева С.Б., Шаститко А.Е., Калмычкова Е.Н. Экономические основы антимонопольной политики: российская практика в контексте мирового опыта… С. 235.

- такие действия не создают возможность для отдельных лиц устранить конкуренцию и не налагают на их участников и третьих лиц ограничений, не соответствующих целям таких действий;
- такие действия приводят (могут привести) к определенным положительным результатам:
    - совершенствование производства/реализации товаров или стимулирование технического прогресса либо повышение конкурентоспособности товаров российского производства на мировом товарном рынке;
    - получение покупателями преимуществ (выгод), соразмерных преимуществам (выгодам), полученным хозяйствующими субъектами в результате таких действий.

В том случае, если поведение хозяйствующих субъектов соответствует обозначенным критериям, оно не образует нарушения антимонопольного законодательства.

Приведенные положения направлены на оценку и сопоставление негативных и позитивных последствий совершения согласованных действий, ограничивающих конкуренцию. Следовательно, институт допустимости является одним из проявлений правила «разумного подхода» (rule of reason) в антимонопольном регулировании[120].

Отдельные авторы отождествляют допустимость с изъятиями из сферы действия запретов антимонопольного законодательства[121]. Тем не менее, такая позиция представляется неверной.

Во-первых, исключения из запретов предполагают, что поведение хозяйствующего субъекта правомерно изначально, так как не соответствует определенным законом признакам. Например, если одно юридическое лицо

---

[120] Напомним, что правило взвешенного (разумного) подхода, или rule of reason, предполагает не формальное установление содержания антиконкурентного действия без необходимости анализа его эффектов, как при применении запретов per se, а оценку влияния положительных и негативных последствий таких действий.

[121] Ульянов И.А. Влияние законодательства о защите конкуренции на гражданско-правовые сделки: дис. … канд. юрид. наук. Москва. 2010. С. 74–75.

распоряжается более чем 50% голосов, приходящихся на голосующие акции в уставном капитале организации-конкурента, то на таких лиц запрет на осуществление согласованных действий не распространяется автоматически. Впрочем, как и на хозяйствующих субъектов, совокупная рыночная доля которых не достигает установленного законом размера. Таким образом, соответствующее поведение является правомерным вне зависимости от признания его таковым правоприменителем.

Институт допустимости, напротив, предполагает, что изначально поведение хозяйствующих субъектов незаконно, но может быть расценено правоприменителем как дозволенное на том основании, что его позитивные эффекты для товарного рынка превосходят негативные. Таким образом, решение антимонопольного органа или суда приобретает в данном случае конститутивное значение, а не доказательственное, как утверждает И.А. Ульянов[122].

Во-вторых, специалисты в области теории государства и права справедливо, на наш взгляд, отмечают, что исключения из правил строго детерминированы и объективны, что «обуславливает присутствие исключений как данности, факта, имеющего место быть вне зависимости от чьих-либо волюнтаристических посылов»[123].

Представляется, что допустимость требованию объективности не отвечает. В частности, для установления того, является ли поведение хозяйствующего субъекта допустимым, требуется проведение сложного экономического анализа, в процессе которого правоприменитель должен взвесить все «за» и «против» принятия соответствующего решения. А.В. Макаров, например, указывает, что даже если действия компании привели к положительному эффекту, то может возникнуть вопрос относительно того, мог бы он быть достигнут «при менее

---

[122] Там же. С. 76–79. Говоря о доказательственном значении решения антимонопольного органа, И.А. Ульянов имеет в виду, что допустимое поведение хозяйствующих субъектов законно само по себе на основании закона, а не в силу признания его таковым правоприменителем.

[123] Суменков С.Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ : автореф. дис. … докт. юрид. наук. Саратов, 2016. С. 10.

обременительных для конкуренции действиях»[124]. Фактически это свидетельствует о том, что сама сущность правила взвешенного подхода не предполагает каких-либо заранее установленных критериев, в связи с чем категория допустимости недостаточно объективирована для того, чтобы рассматривать ее в качестве изъятия из запрета на осуществление антиконкурентных действий.

Другой интересный вопрос заключается в том, обязан ли антимонопольный орган в каждом конкретном деле устанавливать, отвечают ли действия хозяйствующих субъектов признакам допустимости. Ответ на него напрямую связан с рассуждениями, приведенными выше.

Если поведение участника товарного рынка, подпадающее под изъятие из запрета на согласованные действия, правомерно в силу указания закона, то предмет доказывания по соответствующей категории дел должен непременно включать в себя определение размера долей хозяйствующих субъектов, а также установление наличия либо отсутствия между ними отношений подконтрольности. В противном случае решение антимонопольного органа или суда будет напрямую противоречить ФЗ «О защите конкуренции».

При этом представляется, что обязательный анализ поведения участников товарного рынка на предмет его соответствия признакам допустимости антимонопольный орган проводить не должен. Это связано с тем, что изначально действия хозяйствующих субъектов, отвечающие критериям допустимости, незаконны. Следовательно, признавая их неправомерными, антимонопольный орган или суд требования ФЗ «О защите конкуренции» не нарушает. Видимо, поэтому на практике допустимость устанавливается по инициативе самих хозяйствующих субъектов[125].

Отметим, с точки зрения экономистов, такой подход нежелателен, поскольку он приводит к формальному применению положений закона.

---

[124] Макаров А.В. Переход к правилу взвешенного подхода (ROR): преимущества и риски // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2018. № 1. С. 75.

[125] Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» / отв. ред. И.Ю. Артемьев. – М. : Статут, 2015. С. 220.

Одновременно с этим авторы указывают, что «в России еще не сформировался окончательный дизайн правила взвешенного подхода» и не утвердились рамки его применения[126].

Диссертант признает предпочтительность всестороннего анализа поведения хозяйствующих субъектов и его влияния на товарный рынок. Вместе с тем необходимо отметить, что проведение такого анализа несет в себе множество издержек для государственного регулирования (например, рост затрат на сбор доказательств, рост правовой неопределенности при оценке поведения хозяйствующих субъектов, отход от унификации правоприменения)[127]. На этом основании полагаем, что обязательный анализ поведения участников товарного рынка на предмет его соответствия признакам допустимости на данный момент нецелесообразен.

§3. Общая характеристика товарных рынков, подверженных антиконкурентным согласованным действиям, и поведения хозяйствующих субъектов на них

Исследователи сходятся во мнении, что наиболее подвержены антиконкурентным соглашениям и согласованным действиям олигополистические товарные рынки. На данный факт обращают внимание специалисты по правовому регулированию конкуренции[128], а базовые учебники по экономике включают параграфы по кооперативному взаимодействию фирм в

[126] Авдашева С.Б., Макаров А.В. Оценка эффектов при запрете антиконкурентных соглашений: решения арбитражных судов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 3. С. 65.

[127] О достоинствах и рисках применения правила взвешенного подхода см. Макаров А.В. Переход к правилу взвешенного подхода (ROR): преимущества и риски… С. 76.

[128] Егорова М.А. Правовые режимы антиконкурентных действий : монография. М. : Юстицинформ, 2021. С. 205.

главы, посвященные именно олигополиям и теории олигопольного ценообразования[129].

В качестве основной черты олигополии (от древнегреч. oligos – малочисленный и poleo – продаю, торгую), отличающей ее от иных рыночных структур, называют господство на таком товарном рынке небольшого числа достаточно крупных предприятий[130]. Помимо прочего, олигополию также характеризует множество других взаимосвязанных признаков, среди которых можно выделить следующие: достаточно высокий уровень экономической концентрации, наличие барьеров входа, экономия от масштабов производства, взаимозависимость фирм и др.[131]

Последний из указанный признаков представляет значительный интерес применительно к предмету настоящего исследования. В общих чертах взаимозависимость можно определить как необходимость для хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность в условиях олигополии, учитывать при принятии хозяйственных решений возможную реакцию со стороны их конкурентов. Фактически участники олигополистического товарного рынка вынуждены крайне тщательно продумывать свою рыночную политику, или, как говорят экономисты, вырабатывать стратегический подход. Неслучайно Н.М. Розанова охарактеризовала поведение хозяйствующих субъектов на олигополистических рынках как выходящее «за рамки только активной или пассивной политики»[132].

---

[129] Розанова Н.М. Теория отраслевых рынков... С. 44–123; Экономика отраслевых рынков : учебник и практикум для вузов / А.В. Заздравных, Е.Ю. Бойцова. – 2-е изд. Москва : Издательство Юрайт, 2025. – С. 114–167.

[130] Архипов А.И., Багудина Е.Г., Балашов С.А. и др. Экономический словарь / отв. ред. А.И. Архипов. – 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2017. С. 417; Николаева И.П. Экономический словарь. Москва : Проспект, 2015. С. 98; Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь / под общ. ред. Б.А. Райзберга. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : ИНФРА-М, 2023. С. 283.

[131] Более подробно с признаками олигополии можно ознакомиться, например, здесь. Верещагин А.А. Экономическое поведение хозяйствующих субъектов в условиях олигополистической структуры рынка: дис. … канд. экон. наук. Ярославль, 2010. С. 29–34.

[132] Розанова Н.М. Взаимодействие фирм на товарных рынках в переходной экономике России : дис. … докт. экон. наук. Москва, 1998. С. 91.

Такая объективная необходимость гибкого реагирования на складывающуюся рыночную ситуацию порождает диаметрально противоположные друг другу тенденции. С одной стороны, конкурентная борьба между участниками олигополистического товарного рынка обостряется и подобна поведению «армий на войне»[133]. С другой стороны, из нежелания скрупулезно вырабатывать собственную стратегию хозяйствующие субъекты стремятся к координации своих взаимных действий, которая обеспечивает более высокий уровень прибыли, нежели самостоятельное поведение фирм в условиях олигополии[134].

С учетом двух обозначенных тенденций, Е.Ю. Бойцова разделяет все формы взаимодействия участников олигополистических товарных рынков на три группы[135]:

- некооперированная олигополия;
- кооперированная олигополия (сговор);
- «игра по правилам», при которой конкуренты сознательно делают свое поведение предсказуемым друг для друга (например, лидерство в ценах).

Две последние из обозначенных моделей взаимодействия хозяйствующих субъектов представляют для нас наибольший интерес.

Сговор на товарном рынке, с точки зрения экономической науки, может быть явным (картель) либо молчаливым. При этом молчаливый сговор, в отличие от картеля, не требует непосредственной координации действий хозяйствующих субъектов. Как указывают С.Б. Авдашева, А.Е. Шаститко и Е.Н. Калмычкова, формально рассматриваемая модель поведения сущностно даже не является сговором, но именуется так постольку, поскольку «стратегическое

---

[133] Хайман Давид Н. Современная микроэкономика: анализ и применение: [в 2 т. ; пер.с англ.] – Т. 2. Москва : Финансы и статистика, 1992. С. 61.

[134] Авдашева С.Б. Розанова Н.М. Доминирующее положение и антиконкурентные соглашения // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. Том 2. № 2. С. 118.

[135] Бойцова Е.Ю., Вощикова Н.К. Экономическая теория: макроэкономика, микроэкономика. Актуальные проблемы : учебник и практикум для вузов / Е.Ю. Бойцова, Н.К. Вощикова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. С. 136.

взаимодействие между участниками достигает такого же результата, как и «обычный» сговор»[136].

Анализируя возможность признания молчаливого сговора незаконным, С.Б. Авдашева пришла к выводу, что данный вопрос является политическим, т.е. его разрешение может разниться в зависимости от юрисдикции. С одной стороны, рассматриваемое поведение трудно доказуемо, с другой – «если в рамках молчаливого сговора также может происходить отказ от конкуренции и назначаться столь же высокая цена, то непонятно, почему он должен оставаться легальным»[137]. Учитывая указанные риски, связанные со взаимодействием хозяйствующих субъектов в такой форме, российским законодательством предусмотрен соответствующий запрет на осуществление согласованных действий.

Другой интересный вопрос заключается в том, охватывает ли правовое понятие согласованных действий поведение, которое Е.Ю. Бойцова описывает как «игру по правилам». Из классификации автора усматривается, что «игра по правилам» представляет собой непреднамеренный параллелизм, отличный как от явного, так и от молчаливого сговора (они отнесены к кооперированной олигополии).

При этом рассматриваемая модель поведения участников олигополистического товарного рынка предполагает, что они сознательно делают свое поведение предсказуемым друг для друга. В сущности, предпринимая попытки «уведомить» – даже в опосредованной форме – конкурентов о своих будущих действиях, хозяйствующие субъекты способствуют созданию информационной прозрачности товарного рынка.

Информационная прозрачность называется экономистами в числе факторов, благоприятствующих согласованным действиям, наряду с другими: небольшое

---

[136] Авдашева С.Б., Шаститко А.Е., Калмычкова Е.Н. Экономические основы антимонопольной политики: российская практика в контексте мирового опыта... С. 235.

[137] Авдашева С.Б. Незаконность молчаливого сговора в российском антимонопольном законодательстве: могут ли экономисты быть полезны при выработке юридических норм? // Вопросы экономики. 2011. № 5. С. 89.

число участников товарного рынка, равномерное распределение долей между ними, высокие барьеры входа, однородность товара, незначительные циклические колебание спроса[138] и т.д. Тем не менее, перечисленные факторы во многом являются признаками олигополии и, следовательно, способствуют не только согласованным действиям, но и соглашениям хозяйствующих субъектов.

Однако, на наш взгляд, признак информационной прозрачности товарного рынка приобретает наибольшее значение именно в ситуации молчаливого взаимодействия конкурентов к общей выгоде. Так, Дж. Хэй (G.A. Hay) указывает, что один из наиболее важных вопросов, в отношении которого необходимо достичь взаимопонимания в олигополии, – это цена товара и оптимальный для нее объем производства[139]. При этом антиконкурентное соглашение предполагает, что единая для участников сговора стоимость товара устанавливается напрямую, при непосредственном достижении договоренности. Согласованные действия, напротив, представляют собой подражание хозяйствующих субъектов поведению друг друга без достижения договоренности. Такое подражание возможно только в том случае, если информация об условиях реализации товара доступна конкурентам. Соответственно, хозяйствующие субъекты заинтересованы в информационной прозрачности товарного рынка для осуществления рассматриваемой формы монополистической деятельности.

В литературе указывают, что высокая степень информационной прозрачности имеет место в следующих случаях[140]:

- информирование конкурентов о ценах – как в частном порядке, так и публично;
- принадлежность товарного рынка к модели ценового лидерства;
- совпадение поведения фирм в т.н. фокальных точках.

---

[138] Ivaldi M., Jullien B., Rey P., Seabright P., Tirole J. The Economics of Tacit Collusion: Final Report for DG Competition, European Commission. 2003 [Электронный ресурс] // URL: https://www.bateswhite.com/assets/htmldocuments/media.730.pdf (дата обращения: 15.02.2025).

[139] Hay G.A. Oligopoly, Shared Monopoly, and Antitrust Law // Cornell Law Review. 1982. Vol. 67. P. 445.

[140] Авдашева С.Б., Шаститко А.Е., Калмычкова Е.Н. Экономические основы антимонопольной политики: российская практика в контексте мирового опыта… С. 249–250; Авдашева С.Б., Розанова Н.М. Доминирующее положение и антиконкурентные соглашения... С. 120–122.

Предлагаем кратко рассмотреть каждый из перечисленных случаев.

1. Информирование конкурентов о ценах как способствующая согласованным действиям практика хорошо знакомо отечественной правовой системе. Пункт 2 части 1 статьи 8 ФЗ «О защите конкуренции» предусматривает публичную форму такого информирования (публичное заявление) в качестве одного из квалифицирующих признаков рассматриваемого неправомерного поведения.

Из Разъяснения Президиума ФАС России № 9 следует, что публичным заявлением являются исключительно публичные формы сообщения информации, предполагающие возможность ознакомления с соответствующими сведениями неограниченного круга лиц[141]. Фактически речь идет о невозможности четко идентифицировать круг таких лиц или сформулировать критерии, объединяющие их по какому-либо признаку[142].

Тем не менее, возникает вопрос относительно обоснованности исключения из сферы действия запрета на согласованные действия поведения хозяйствующих субъектов, которое сопровождается непубличной передачей информации.

Представляется, что основная задача инициатора согласованных действий заключается в доведении информации о своем поведении до конкурентов – потенциальных участников неправомерного поведения, круг которых ограничен. Повысить уровень информационной прозрачности для осуществления согласованных действий может и заявление, сделанное на закрытом собрании ассоциации (союза) или ином мероприятии, объединяющем хозяйствующих субъектов одного товарного рынка. В этой связи заявление одного из участников согласованных действий необязательно должно быть публичным в полноценном смысле этого слова.

---

[141] Разъяснение Президиума ФАС России от 14 июня 2017 г. № 9 «О порядке публикации международными морскими контейнерными перевозчиками стоимости перевозки» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАС России. URL: https://fas.gov.ru/documents/611492 (дата обращения: 15.11.2025).

[142] Разъяснения Президиума ФАС России от июня 2017 г. № 8 «О применении положений статьи 10 Закона о защите конкуренции» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАС России. URL: https://fas.gov.ru/documents/611491 (дата обращения: 15.11.2025).

Отдельный вопрос заключается в том, можно ли рассматривать в качестве согласованных действия, которые сопровождались тайной передачей информации в частном порядке. Мы не можем полностью исключить того, что чувствительная для товарного рынка информация может быть доведена до сведения конкурентов в рамках личных встреч и переговоров. Однако стоит признать, что тайный обмен сведениями объективно делает крайне затруднительным достоверное установление факта достижения сторонами договоренности. В этой связи представляется верным рассматривать поведение хозяйствующих субъектов, последовавшее за тайной коммуникацией, на предмет наличия антиконкурентного соглашения.

Помимо прочего, опосредованное взаимодействие хозяйствующих субъектов может осуществляться по модели hub-and-spoke, при которой чувствительная для товарного рынка информация передается через третье лицо – координатора[143]. При этом хозяйствующим субъектам не требуется контактировать друг с другом напрямую.

В литературе справедливо отмечают, что координация экономической деятельности (часть 5 статьи 11 ФЗ «О защите конкуренции») выражается «не столько в установлении правил поведения, сколько в доведении их до координируемых субъектов и обеспечении контроля за соблюдением указанных правил»[144].

---

[143] Выражение «hub-and-spoke» используется (от англ. «ступица и спица») в англоязычной литературе для описания взаимодействия конкурентов (спицы), которое становится возможным благодаря «посредничеству» третьего лица (ступица), не являющегося участником того же товарного рынка, но обладающего связями с каждым из таких конкурентов.
См., например, Harrington Jr. J. E. How Do Hub-and-Spoke Cartels Operate? Lessons from Nine Case Studies [Электронный ресурс] // SSRN Electronic Journal. 2018. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3238244 (дата обращения: 15.11.2025).

[144] Спиридонова А.В. Координация экономической деятельности хозяйствующих субъектов в условиях цифровизации // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России : монография : в 4 т. Т. 1 / отв. ред. С.Д. Могилевский, Ю.Г. Лескова, С.А. Карелина, В.Д. Рузанова, О.В. Шмалий, О.А. Золотова, О.В. Сушкова. Москва : Проспект, 2020. С. 366.
О том, что наличие единого «координационного центра» увеличивает возможности обмена чувствительной для товарного рынка информацией, говорят также зарубежные авторы. См., например, Odudu O. Indirect Information Exchange: The Constituent Elements of Hub and Spoke Collusion // European Competition Journal. 2011. Vol. 7. № 2. P. 205–206.

Более того, осуществление такого контроля может значительно упрощаться благодаря использованию ценовых алгоритмов. В общих чертах под ценовым алгоритмом понимают программный продукт, используемый для определения цен на товары, с использованием которого осуществляется расчет и (или) установление и (или) мониторинг цен, исходя из параметров, определяемых пользователем алгоритма[145]. Таким образом, практически любая программа для ЭВМ, задействованная в процессе ценообразования либо просто аккумулирующая данные о ценах на товарном рынке, может рассматриваться в качестве ценового алгоритма.

В данном отношении примечательно рассмотренное Судом ЕС дело Eturas[146]. Его обстоятельства заключались в том, что оператор модуля для бронирования при помощи ценового алгоритма ограничил размер скидок, которые туристические агентства предоставляли своим клиентам. Более того, по мнению Суда ЕС, хозяйствующие субъекты в данном случае были относительно самостоятельны от координатора в принятии решений, так как имели возможность «дистанцироваться» от нарушения правил конкуренции. В итоге поведение туристических агентств было квалифицировано как согласованная практика.

Встает вопрос относительно того, как в отечественной правовой системе могло бы быть квалифицировано схожее поведение хозяйствующих субъектов при наличии координатора. Положения закона, очевидно, стоит толковать таким образом, что на конкурентов будут распространяться запреты на антиконкурентные соглашения. Такой вывод следует из буквального указания части 5 статьи 11 ФЗ «О защите конкуренции», в соответствии с которой запрету

---

[145] Рекомендации «О практиках в сфере использования информационных технологий в торговле, в том числе связанных с использованием ценовых алгоритмов», одобренные Президиумом ФАС России [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАС России. URL: https://fas.gov.ru/documents/1-16fb9764-b5c1-48fe-8088-9f3f02144aea (дата обращения: 15.02.2025).

[146] Case C–74/14, ‘Eturas’ UAB and Others v Lietuvos Respublikos konkurencijos taryba // ECR. 2016 (более подробно обстоятельства дела изложены на стр. 43–44).

подлежит координация, приводящая к последствиям, обозначенным в частях 1–3 той же статьи[147].

Однако в литературе высказана и противоположная точка зрения на данный счет. По мнению Д.А. Петрова, «координация экономической деятельности намного ближе к согласованным действиям, чем к ограничивающим конкуренцию соглашениям»[148].

С одной стороны, в пользу квалификации рассматриваемого поведения в качестве соглашения говорит тот факт, что уровень предсказуемости поведения конкурентов при наличии координирующего центра достигает достаточно высокого уровня. Фактически каждый из хозяйствующих субъектов уверен в том, как будут действовать остальные участники товарного рынка, отчего уровень их сплоченности схож с тем, который возникает при заключении антиконкурентного соглашения.

Однако стоит согласиться с Д.А. Петровым в том, что рассматриваемая модель взаимодействия хозяйствующих субъектов не предполагает непосредственных контактов между ними и, следовательно, к такому поведению может применяться категория согласованных действий. Более того, темпы цифровизации современного общества будут способствовать появлению новых опосредованных форм взаимодействия конкурентов к общей выгоде, вследствие чего доказать наличие между хозяйствующими субъектами договоренности станет сложнее. И поскольку при координации экономической деятельности ценообразование на товарном рынке носит необоснованный характер, то правоприменительные органы должны иметь возможность пресечь соответствующее поведение, квалифицировав его как согласованные действия[149].

---

[147] Части 1–3 статьи 11 ФЗ «О защите конкуренции» содержат запрет на антиконкурентные соглашения: картели, вертикальные соглашения, соглашения участников оптового и (или) розничных рынков электрической энергии (мощности).

[148] Петров Д.А. Координация экономической деятельности и деятельность саморегулируемых организаций: проблемы соотношения понятий [Электронный ресурс] // Арбитражные споры. 2012. № 1. С. 121–134. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2025).

[149] Сулименко А.Д. Законодательная модель согласованных действий и ее применение к молчаливому сговору hub-and-spoke // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2022. № 1. С. 55–58.

Еще один интересный вопрос состоит в том, обязательно ли для осуществления согласованных действий хозяйствующим субъектам знать о поведении своих конкурентов именно заранее. Ряд авторитетных авторов высказывают мнение, что требования части 2 статьи 8 ФЗ «О защите конкуренции» в данном отношении выглядят излишне жесткими[150].

Данная точка зрения представляется справедливой. Даже если потенциальные участники согласованных действий постфактум узнают о том, что их конкурент повысил цену, это не препятствует им в последующем увеличении собственных цен. Ключевым фактором в данном случае является необоснованное увеличение стоимости товара, а не осведомленность о планах конкурентов именно заранее.

Более того, в условиях цифровизации информация о цене товара зачастую становится доступной каждому – не только потребителям, но и конкурентам. Например, с карточкой товара, размещенной на маркетплейсе или собственном сайте продавца, может ознакомиться любой пользователь сети Интернет. В этой связи представляется, что открытое размещение данных о цене товара должно рассматриваться в правоприменительной практике в качестве заявления хозяйствующего субъекта. Фактически в таком случае заявление об установлении цены производится не заранее, а в момент начала продаж товара по такой цене.

С учетом изложенного часть 2 статьи 8 ФЗ «О защите конкуренции» может быть сформулирована следующим образом:

«2) действия известны каждому из участвующих в них хозяйствующих субъектов в связи с заявлением одного из них о совершении таких действий».

Под заявлением в таком случае нужно понимать: публичное распространение соответствующей информации в любой форме (включая СМИ, социальные сети, различные сайты и платформы в сети «Интернет»); сообщение на собраниях ассоциаций (союзов), бизнес-выставках, отраслевых конференциях и иных мероприятиях с участием конкурирующих хозяйствующих субъектов.

---

[150] Авдашева С.Б., Шаститко А.Е., Калмычкова Е.Н. Экономические основы антимонопольной политики: российская практика в контексте мирового опыта... С. 263.

Заявление при этом может быть сделано не только заранее, но и в момент начала совершения соответствующих действий первым из участников согласованных действий. В частности, распространение информации об увеличении стоимости товара может быть произведено одновременно с началом продаж (как в случае с карточками товаров на различных Интернет-ресурсах).

2. Модель ценового лидерства достаточно хорошо изучена экономической наукой. Однако в юриспруденции вопрос относительно ее правомерности изучен в недостаточной степени. Одни авторы, ссылаясь на европейский опыт, утверждают, что лидерство в ценах – явление совершенно обыденное для олигополистического товарного рынка и потому не должно пресекаться[151]. Другие же, напротив, видят в нем угрозу для состояния конкуренции на товарном рынке[152].

Оценка ценового лидерства с точки зрения законодательных требований является принципиально важной, поскольку потенциально недобросовестные участники гражданского оборота могут использовать рассматриваемую модель поведения фирм с целью обхода закона. Ф.М. Шерер (F.M. Scherer), описывая модель лидерства в ценах, даже назвал ее «белым пятном в американском антитрестовском законодательстве»[153], имея в виду, что она часто используется хозяйствующими субъектами во избежание наказания за явный сговор – картель.

В общих чертах модель ценового лидерства описывает такую ситуацию на олигополистическом товарном рынке, при которой фирмы–последователи приспосабливаются к действиям лидера, т.е. компании, обладающей преимуществом по отношению к своим конкурентам. В зависимости от того, на чем такое преимущество основано, экономическая наука выделяет два типа лидерства в ценах – с доминирующей фирмой и барометрическое[154].

---

[151] Борзило Е.Ю. Антимонопольные риски предпринимательской деятельности: научно-практическое руководство... С. 130.
[152] Николаева И.П. Экономический словарь... С. 76.
[153] Шерер Ф., Росс Д. Структура отраслевых рынков… С. 239.
[154] Авдашева С.Б. Розанова Н.М. Доминирующее положение и антиконкурентные соглашения… С. 120–121.

Модель лидерства с доминирующей фирмой предполагает, что лидирующая компания либо обладает значительной рыночной долей, либо имеет преимущество в издержках или качественной характеристике товара по отношению к своим конкурентам.

При этом крайне интересны причины, по которым последователи предпочитают следовать цене, установленной лидером. Так, Н.М. Розанова указывает, что у малых компаний нет стимула понижать цену по сравнению с той, что установлена лидером: рыночная доля последнего настолько велика, что даже при назначении более комфортной для покупателей стоимости товара последователи не в силах повлиять на рыночный спрос. Следовательно, объемы продаж у таких продавцов останутся в любом случае практически неизменными, потому они и стремятся повысить цену своей продукции в целях максимизации прибыли[155].

Помимо того, товар фирмы-лидера может значительно превосходить товар компаний-последователей по своим качественным характеристикам, что последние могут обратить себе во благо. Они имеют возможность воспользоваться репутацией фирмы-лидера для реализации собственного товара, не желая вступать в острую конкурентную борьбу. Таким образом, продукция компаний-последователей находится под своеобразной защитой доминирующей фирмы[156].

Учитывая изложенное, поведение хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность в условиях ценового лидерства с доминирующей фирмой, трудно назвать добросовестным. Доминирующая компания, пользуясь своим привилегированным статусом, устанавливает такую цену, которую сама для себя находит выгодной, а более малые субъекты обращают себе во благо несовершенства олигополистической структуры рынка.

---

[155] Розанова Н.М. Теория отраслевых рынков… С. 76–77.

[156] В экономической литературе данное явление называют «эффектом ценового зонтика». Там же. С. 257–258.

Интересно, что в нынешней формулировке пункта 2 части 1 статьи 8 ФЗ «О защите конкуренции» можно усмотреть своеобразную модель лидерства (пусть не в экономическом, но в обыденном смысле этого слова), поскольку один из участников согласованных действий первым публично заявляет о своем рыночном поведении.

Принципиальным также является вопрос относительно экономической обоснованности действий хозяйствующих субъектов при модели ценового лидерства. В частности, у фирм-последователей есть выбор – оставить цену на прежнем уровне или следовать за лидером. При этом очевидно, что второй из обозначенных вариантов для последователей более желателен, поскольку позволяет извлечь прибыль в бóльшем размере. Однако представляется, что антимонопольное регулирование должно учитывать, что такая прибыль сродни монопольной.

Более того, в Национальном плане развития конкуренции на 2021–2025 гг.[157] и Национальном плане развития конкуренции на 2026–2030 гг.[158] олигопольный характер товарных рынков и отдельные его черты названы в качестве факторов, сдерживающих развитие конкуренции в России. Следовательно, государство осознает риски, связанные с функционированием таких рыночных структур и стремится не допускать поведения участников олигополистических товарных рынков, которое приводит к извлечению ими монопольной прибыли.

Таким образом, модель ценового лидерства с доминирующей фирмой вполне обоснованно может привлекать внимание антимонопольных органов.

Иначе, на наш взгляд, стоит оценивать барометрическое лидерство в ценах, которое, как правило, не предполагает, что фирма-лидер обладает значительной рыночной силой. В качестве «преимущества» данной компании выступает ее

---

[157] Национальный план («дорожная карта») развития конкуренции в Российской Федерации на 2021–2025 годы утвержден Распоряжением Правительства от 02 сентября 2021 г. № 2424-р // http://pravo.gov.ru

[158] Национальный план («дорожная карта») развития конкуренции в Российской Федерации на 2026 – 2030 годы утвержден Распоряжением Правительства РФ от 08 октября 2025 г. № 2816-р // http://pravo.gov.ru

способность более тонко по сравнению с конкурентами чувствовать тенденции рынка. Отсюда и название модели: лидер является своеобразным барометром рыночной ситуации. Благодаря указанной особенности лидер первым улавливает экономические факторы, объективно влияющие на цену (например, увеличение издержек или рост величины спроса во всей отрасли в целом), вследствие чего повышает стоимость товара[159].

Соответственно, в чистом виде модель барометрического лидерства предполагает, что поведение хозяйствующих субъектов соответствует объективным рыночным факторам, воздействующим на всех участников данного товарного рынка. И если это действительно так, то параллелизм в данном случае не может быть квалифицирован как согласованные действия, поскольку он не отвечает требованиям пункта 3 части 1 статьи 8 ФЗ «О защите конкуренции».

Характеризуя ценовое лидерство в целом, отметим, что нельзя однозначно исключать применение требований ФЗ «О защите конкуренции» к данной модели взаимодействия хозяйствующих субъектов.

3. Понятие фокальной точки впервые ввел в научный обиход лауреат Нобелевской премии Томас К. Шеллинг (Thomas C. Schelling). Для наиболее полного уяснения смысла данного термина предлагаем обратиться к упрощенному примеру, который использовал сам автор для иллюстрации рассматриваемого явления[160].

Респондентам задавали следующий вопрос: Вам необходимо встретиться с другом в Нью-Йорке в определенную дату, однако при этом место и время встречи заранее не обговаривались. В таком же неведении находится и ваш товарищ. Куда бы Вы направились и к которому часу, чтобы дружеская встреча все-таки состоялась?

---

[159] Шерер Ф., Росс Д. Указ. соч. С. 240.

[160] С этим и другими заданиями социологического опроса можно ознакомиться здесь: Шеллинг Т. Стратегия конфликта [пер. с англ. Т. Даниловой под ред. Ю. Кузнецова, К. Сонина]. М. : ИРИСЭН, 2007. С. 72–79.

Данные социологического опроса показали: абсолютное большинство респондентов предположило, что встреча может состояться около справочного бюро центрального вокзала города в полдень.

Приведенный пример, иллюстрирует, что люди могут совпадать в оценке некоторых явлений, в связи с чем возникает визуальный эффект координации их поведения, несмотря на отсутствие между ними договоренности. Этот феномен и именуется совпадением поведения в фокальных точках (от англ. focal – фокусный). Сам Томас К. Шеллинг отмечает, что вероятность достижения таких фокальных точек несколькими субъектами может зависеть от разнообразных факторов таких, как аналогия, прецедент, казуистические рассуждения[161] и т.д.

При этом в литературе подчеркивают, что проведенное Томасом К. Шеллингом исследование актуально и по отношению к олигополистическому товарному рынку. Более того, в отдельных случаях само государство может способствовать параллелизму действий хозяйствующих субъектов путем установления верхнего предела цен, что можно рассматривать в качестве своеобразной фокальной точки. Фокальная точка при этом в экономическом смысле понимается как «определенный, притягательный для многих, если не для всех участников рынка, общеизвестный пункт», выбор которого может осуществляться в том числе и на основании предшествующего рыночного опыта[162].

Яркой иллюстрацией подобного проявления параллелизма действий хозяйствующих субъектов может служить пример, когда каждая из пяти компаний – поставщиков лекарственных препаратов обозначила одну и ту же цену за бутыль антибиотика тетрациклина по запросу Администрации по делам ветеранов США. Расследование на предмет тайного сговора хозяйствующих субъектов не заставило себе долго ждать, но по его итогам состава правонарушения в поведении фирм установлено не было. Экономисты

---

[161] Там же. С. 78.

[162] Авдашева С.Б. Розанова Н.М. Доминирующее положение и антиконкурентные соглашения… С. 121.

предполагают, что в рассматриваемом случае компании действительно не координировали свои действия, а просто установили цену товара исходя из предшествующего опыта ее назначения, а также с учетом той системы скидок с изначальной базовой круглой цены, которая была общепринятой для всей отрасли[163].

С учетом изложенного, совпадение поведения фирм в определенных фокальных точках, по мнению диссертанта, не составляет нарушения антимонопольного законодательства, поскольку оно не содержит в себе необходимых признаков согласованных действий. В приведенном выше примере на поведение хозяйствующих субъектов оказали влияние в т.ч. актуальные для всей отрасли традиции ценообразования, что должно учитываться в процессе квалификации.

На поведение каждого хозяйствующего субъекта также могут оказывать влияние индивидуальные факторы, вследствие чего может возникать визуальный эффект координации поведения участников рынка. Так, в 2010 г. несколько продавцов в г. Йошкар-Ола синхронно повысили цену на гречневую крупу[164]. Позже судом было установлено, что рассматриваемое повышение цен не было вызвано согласованными действиями участников рынка. Хозяйствующие субъекты приобретали гречневую крупу для дальнейшей перепродажи по разным закупочным ценам и устанавливали различные торговые наценки. При этом представленными доказательствами было подтверждено, что каждый из продавцов имел собственную методику ценообразования и определял цену товара самостоятельно.

Таким образом, важнейшая задача отграничения непреднамеренного параллелизма хозяйствующих субъектов от согласованных действий может быть решена лишь при условии проведения надлежащего экономического анализа обусловленности поведения участников рынка.

---

[163] Шерер Ф., Росс Д. Структура отраслевых рынков… С. 253.

[164] Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26 декабря 2011 г. по делу № А38-231/2011.

По завершении настоящего параграфа мы можем сформулировать следующие выводы.

- Поскольку согласованные действия не предполагают достижение договоренности о будущем поведении на товарном рынке, то особую значимость для осуществления данной формы монополистической деятельности приобретает информационная прозрачность – характеристика товарного рынка, предполагающая доступность хозяйствующим субъектам информации об условиях реализации товара их конкурентами. При этом информационная прозрачность может быть достигнута не только посредством публичного распространения соответствующей информации, но также путем ее сообщения ограниченному кругу субъектов.
- Антиконкурентные согласованные действия можно определить как поведение двух или более хозяйствующих субъектов, при котором они без достижения договоренности сознательно ставят свои действия в зависимость от действий друг друга, что становится возможным благодаря доступности им информации об условиях реализации товара на товарном рынке в связи с заявлением одного из участников согласованных действий. При этом согласованные действия не вызваны объективными обстоятельствами, влияющими в равной степени на всех хозяйствующих субъектов данного товарного рынка.

Глава 2. Соотношение института запрета антиконкурентных согласованных действий со смежными институтами конкурентного права

§1. Соотношение ограничивающих конкуренцию согласованных действий и соглашений

Вопрос о правовой природе антиконкурентных соглашений и согласованных действий и, как следствие, о соотношении двух обозначенных категорий стоит достаточно остро: в юридической науке и практике нет единства мнений на данный счет[165].

Анализ литературы показывает, что ряд авторов в той или иной степени отождествляют ограничивающие конкуренцию соглашения и согласованные действия.

Например, А.Я. Рыженков рассматривает нормы, устанавливающие соответствующие запреты, как единую правовую конструкцию, включающую два элемента: (1) указывающий на предварительную координацию (запрет на соглашения); (2) предусматривающий действия, совершаемые на основе такой координации (согласованные действия)[166].

Д.А. Петров и В.Ф. Попондопуло полагают, что статья 11 ФЗ «О защите конкуренции» предусматривает запрет на договоренность, которая выражена в явной – будь то в письменной или устной – форме. В то же время при осуществлении согласованных действий воля хозяйствующих субъектов на заключение антиконкурентного соглашения проявляется в молчании либо в конклюдентных действиях[167].

---

[165] В настоящем параграфе речь будет вестись преимущественно о горизонтальных антиконкурентных соглашениях.

[166] Рыженков А.Я. Право и монополии в современной России : монография. М. : Юстицинформ, 2017. С. 120.

[167] Конкурентное право : учебник для вузов / Д.А. Петров, В.Ф. Попондопуло. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Изд. Юрайт, 2025. С. 147.

Несмотря на некоторые расхождения в приведенных трактовках (согласованных действий как действий по реализации соглашения либо как соглашения, воля на заключение которого выражается в форме молчания или конклюдентных действий), можно констатировать, что категория согласованных действий не рассматривается данными исследователями в качестве самодостаточной.

Иные авторы, в числе которых М.А. Егорова[168], В.Г. Истомин[169], А.С. Сулакшина[170], склонны считать антиконкурентные соглашения и согласованные действия отличными друг от друга понятиями.

Поскольку мнения ученых разделились, то представляется необходимым сформировать собственное представление о соотношении двух обозначенных категорий. В этой связи важно проанализировать сущность каждой из них.

1. В соответствии с пунктом 18 статьи 4 ФЗ «О защите конкуренции», соглашение – договоренность в письменной форме, содержащаяся в документе или нескольких документах, а также договоренность в устной форме.

Толковый словарь С.И. Ожегова также определяет соглашение через договоренность, взаимное согласие сторон[171].

Примечательно, что слова «договоренность» и «договор» являются родственными, что заставляет задуматься о том, как соотносятся между собой понятия антиконкурентного соглашения и гражданско-правового договора. Данная проблема действительно привлекает внимание ученых и практикующих юристов: если одни исследователи настаивают на сделочной природе

---

[168] Егорова М.А. Форма антиконкурентных действий как критерий их систематизации и определения правовых последствий их совершения // Конкурентное право. 2018. № 1. С. 22.

[169] Истомин В.Г. Правовая характеристика антиконкурентных согласованных действий по современному российскому антимонопольному законодательству // Проблемы гармонизации экономических отношений и права в цифровой экономике : монография / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. – М. : Юстицинформ, 2020. С. 213–214.

[170] Сулакшина А.С. Соглашения и согласованные действия хозяйствующих субъектов, ограничивающие конкуренцию на товарных рынках в Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. С. 88-89.

[171] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка... С. 1093.

антиконкурентного соглашения[172], то другие авторы категорически отрицают возможность применения норм гражданского законодательства к условиям такого соглашения[173].

Аргументация второй из приведенных точек зрения зачастую основана на правовых позициях высших судебных инстанций.

В частности, Президиум ВАС РФ при пересмотре одного из дел в порядке надзора высказался следующим образом: «Суды необоснованно не учли указанную норму закона, содержащую специальное определение соглашения, которое подлежит применению при оценке факта правонарушения в сфере антимонопольного законодательства. Положения статей 154, 160, 432, 434 Гражданского кодекса Российской Федерации в этом случае применению не подлежат»[174].

Позже Президиум ВС РФ в пункте 9 Обзора по вопросам судебной практики развил эту тему: «Факт наличия антиконкурентного соглашения не ставится в зависимость от его заключенности в виде договора по правилам, установленным гражданским законодательством. Законодательством не определено и не может быть определено, какие доказательства его подтверждают, а также не установлены и не могут быть установлены требования к форме подтверждающих документов»[175].

Однако, по мнению М.А. Егоровой, обозначенные правовые позиции не препятствуют признанию антиконкурентного соглашения сделкой при оценке его

---

[172] Егорова М.А. Картель как разновидность сделки // Сборник научных статей V международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом» / под ред. С.Д. Могилевского, М.А. Егоровой. М., 2017. С. 328–330; Истомин В.Г. Гражданско-правовые последствия заключения и исполнения ограничивающих конкуренцию соглашений // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 7. С. 57–58.

[173] Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции»… С. 175.

[174] Постановление Президиума ВАС РФ от 21 декабря 2010 года № 9966/10 по делу № А27-12323/2009 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 4.

[175] Обзор по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере, утв. Президиумом ВС РФ 16.03.2016 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 9.

с позиций Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)[176], а лишь указывают на недопустимость применения норм гражданского законодательства при установлении факта антимонопольного правонарушения[177].

Необходимо согласиться с автором в следующем: основная цель рассматриваемых правовых позиций состоит в расширении доказательственной базы для установления факта антимонопольного правонарушения путем искоренения практики, при которой соглашение, не соответствующее формальным требованиям гражданского законодательства, признается правомерным с точки зрения положений ФЗ «О защите конкуренции». Данный вывод находит свое подтверждение и в пункте 21 Постановления Пленума ВС РФ № 2, содержащего наиболее актуальные на сегодняшний день правовые позиции относительно применения судами антимонопольного законодательства: «С учетом положений пункта 18 статьи 4 Закона о защите конкуренции соглашением хозяйствующих субъектов могут быть признаны любые договоренности между ними в отношении поведения на рынке, в том числе как оформленные письменно (например, договоры, решения объединений хозяйствующих субъектов, протоколы) так и не получившие письменного оформления, но нашедшие отражение в определенном поведении. Факт наличия соглашения не ставится в зависимость от его заключения в виде договора по правилам, установленным гражданским законодательством, включая требования к форме и содержанию сделок»[178].

В приведенной цитате акцент сделан именно на проблемах доказывания, которое может осуществляться не только на основании письменных документов. Одновременно с тем обращает на себя внимание и следующий факт – ВС РФ упоминает, что условия, противоречащие антимонопольному законодательству,

---

[176] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

[177] Егорова М.А. Гражданско-правовые последствия нарушений антимонопольного законодательства : монография. М. : Юстицинформ, 2020. С. 107–110.

[178] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04 марта 2021 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5.

могут содержаться также и в гражданско-правовых договорах, которые, по указанию пункта 1 статьи 154 ГК РФ, являются сделками.

Означает ли это, что антиконкурентное соглашение обладает сделочной природой?

Согласно статье 153 ГК РФ, сделкой признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Сделки могут быть двух- или многосторонними (договоры) и односторонними (пункт 1 статьи 154 ГК РФ).

При этом необходимость согласования воль нескольких участников антиконкурентного соглашения никто не оспаривает. Следовательно, такое соглашение в любом случае нельзя рассматривать как одностороннюю сделку, которая подразумевает возникновение, изменение или прекращение правоотношений на основе актов только одного из участников отношения[179]. Таким образом, вопрос относительно сделочной природы соглашения, ограничивающего конкуренцию, фактически сводится к определению того, является ли антиконкурентное соглашение договором, т.е. двух- или многосторонней сделкой.

Для российского права характерно определение договора именно через соглашение сторон: об этом свидетельствует содержание пункта 1 статьи 420 ГК РФ[180] и анализ работ выдающихся цивилистов дореволюционного[181] и советского[182] периодов, а также современных исследователей[183].

---

[179] Алексеев С.С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования // Антология уральской цивилистики. 1925-1989: сборник статей. – М.: Статут, 2001. С. 58.

[180] Согласно пункту 1 статьи 420 ГК РФ, договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей.

[181] Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Спб. : Изд. юрид. книжного склада «Право», 1917. С. 243; Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Том 2. М. : Изд. бр. Башмаковых, 1915. С. 72.

[182] Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975. С. 26; Халфина Р.О. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве. М. : Изд. Академии наук СССР, 1954. С. 50.

[183] Гражданское право : учебник. В 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. Т. 2 – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2017. С. 154; Гражданское право : учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. Т. 3 – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2020. С. 166; Белов В.Е., Соменков С.А. Гражданское

Тем не менее, по мнению диссертанта, антиконкурентное соглашение нельзя рассматривать в качестве договора по нескольким причинам.

- В соответствии с пунктом 2 статьи 307 ГК РФ, гражданско-правовой договор является основанием для возникновения обязательства. При этом обязанности сторон соглашения, ограничивающего конкуренцию, не могут составлять гражданско-правового обязательства в силу своей противоправности.

Вместе с тем в литературе можно встретить мнение, согласно которому соглашение, ограничивающее конкуренцию, все-таки является основанием для установления обязательства. В частности, О.А. Символоков указывает: «… антиконкурентная договоренность (соглашение) – это соглашение двух или более хозяйствующих субъектов и (или) иных лиц, направленное на установление ограничивающего конкуренцию *противоправного обязательства* (курсив мой – А.С.)»[184].

При этом цивилисты зачастую связывают понятие обязательства с возможностью его принудительного исполнения[185]. Но можно ли понудить хозяйствующих субъектов к исполнению условий антиконкурентного соглашения? Указанный вопрос волновал даже Г.Ф. Шершеневича, однако исследователь все же оставил его без ответа[186].

Тем не менее, в отношении рассматриваемой проблемы хотелось бы отметить следующее. Хозяйствующие субъекты стараются не фиксировать достигнутые договоренности письменно[187] и тем более облекать их в гражданско-

---

право: общие положения о договорах : учебное пособие для бакалавров / отв. ред. В.В. Долинская, В.Л. Слесарев. – Москва : Проспект, 2017. С. 9–10.

[184] Символоков О.А. Применение арбитражными судами антимонопольного законодательства по делам об антиконкурентных соглашениях // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 11. С. 140.

[185] Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. – М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. С. 44; Гражданское право: общие положения об обязательствах : учебное пособие для бакалавров / отв. ред. В.В. Долинская, В.Л. Слесарев. – Москва : Проспект, 2017. С. 11; Скловский К.И. Сделка и ее действие (2-е изд.). Комментарий главы 9 ГК РФ (Понятие, виды и форма сделок. Недействительность сделок). – М. : Статут, 2015. С. 67.

[186] Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. 1: Введение, Торговые деятели – 4-е изд. – СПб. : Типография товарищества печати и изд. дела Труд, 1908. С. 497-498.

[187] Кинев А.Ю., Егорычев Н.Н., Самолысов П.В., Тенишев А.П. Картели. Система доказывания и судебная практика // Закон. 2013. № 4. С. 134.

правовую форму[188]. И связано это не только с желанием сторон сохранить антиконкурентное соглашение в тайне, но и с теми требованиями, которое гражданское законодательство предъявляет к содержанию договоров, в частности, к правомерности их условий. В этом смысле можно согласиться с А.А. Деминым в том, что «стороны могли бы договориться о чем угодно, не считаясь ни с чем и ни с кем. Но если заключается гражданско-правовой договор, стороны обязаны руководствоваться гражданским законодательством, которое является сдерживающей силой и ограничивает их волю…»[189].

В данной связи возникает закономерный вопрос: почему закон должен предоставлять защиту участникам рассматриваемых договоренностей (т.е. признавать принудительную исполнимость условий антиконкурентного соглашения), если стороны сами не пожелали существовать в системе координат, заданной гражданско-правовым регулированием? Данный вопрос можно считать риторическим: очевидно, что правоприменительные органы не должны «способствовать» недобросовестным участникам оборота в реализации договоренностей, которые нарушают требования российского законодательства.

Представляется, что принудительная исполнимость условий антиконкурентного соглашения признаваться не должна. Следовательно, и гражданско-правового обязательства вследствие заключения такого соглашения не возникает.

- Характер обязанностей, которые принимают на себя стороны ограничивающего конкуренцию соглашения, нетипичен для классического гражданско-правового договора. Участники антиконкурентного соглашения не выступают по отношению друг к другу как кредиторы и должники; их интересы не носят встречного характера, поскольку хозяйствующие субъекты стремятся

---

[188] Автор признает, что на практике встречаются случаи включения отдельных условий, носящих антиконкурентный характер, в текст гражданско-правового договора или иного соглашения. Об этом см. далее в настоящем параграфе.

[189] Демин А.А. Договор и соглашение: соотношение понятий // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2013. № 2 (78). С. 29.

организовать общую деятельность в отношении экономической среды, в которой они находятся.

На данное утверждение можно возразить, что, например, договор простого товарищества (договор о совместной деятельности) рассматривается гражданским законодательством как один из видов обязательств несмотря на то, что его стороны также не выступают по отношению друг к другу в качестве должников и кредиторов[190]. Данный факт в некоторой степени роднит рассматриваемый договор с соглашением, ограничивающим конкуренцию.

Тем не менее, по мнению диссертанта, даже с учетом некоторой схожести двух рассматриваемых конструкций между ними невозможно провести параллель. Во-первых, права и обязанности сторон договора простого товарищества являются гражданско-правовыми и не противоречат законодательству. Во-вторых, договор о совместной деятельности, в отличие от антиконкурентного соглашения, включает не только организационный[191], но и имущественный элемент. При этом, по мнению многих именитых исследователей, имущественный характер является одной из важнейших черт обязательства[192].

- Имущественный элемент договора простого товарищества заключается в том, что стороны, внося вклады, формируют единую материальную основу своей совместной деятельности. Перед товарищами также стоит задача установления правового режима продукции, плодов и доходов, произведенных либо полученных в результате совместной деятельности (статья 1043 ГК РФ). Именно этим фактом и обусловлено стремление сторон договора простого

---

[190] Согласно пункту 1 статьи 1041 ГК РФ, по договору простого товарищества (договору о совместной деятельности) двое или несколько лиц (товарищей) обязуются соединить свои вклады и совместно действовать без образования юридического лица для извлечения прибыли или достижения иной не противоречащей закону цели.
Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

[191] Организационный элемент договора простого товарищества состоит в организации сторонами совместной деятельности по достижению общей цели.

[192] Агарков М.М. Указ. Соч. С. 38–42; Лунц Л.А., Новицкий И.Б. Общее учение об обязательстве. – М. : Государственное издательство юридической литературы, 1950. С. 55; Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. Т. 3 – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2020. С. 26-27.

товарищества вступить в гражданско-правовые отношения: в случае возникновения спорной ситуации они имеют возможность обратиться за судебной защитой по вопросу принадлежности материальных благ.

Участники антиконкурентного соглашения, напротив, достигают договоренности лишь относительно объединения усилий в достижении общей цели, но не по поводу внесения вкладов в общее дело. Боле того, при реализации своей договоренности хозяйствующие субъекты получают материальную выгоду опосредованно. В результате осуществления неправомерного поведения у них не возникает совместно произведенного имущества, определение юридической судьбы которого требовало бы заключения договора по правилам гражданского законодательства.

Таким образом, ограничивающее конкуренцию соглашение не должно квалифицироваться в качестве гражданско-правового договора и, соответственно, в качестве сделки.

- Помимо прочего, анализ литературы показывает, что иногда авторы отождествляют антиконкурентные соглашения с теми сделками, которые заключаются в процессе реализации достигнутых сторонами договоренностей. Представляется, именно этим можно объяснить стремление признать за соглашениями, ограничивающими конкуренцию, сделочную природу: пострадавшая сторона (контрагент участника соглашения) может восстановить свои права посредством применения к сделке последствий недействительности (пункт 2 статьи 167 ГК РФ).

Однако, исходя из содержания пункта 18 статьи 4 и статьи 11 ФЗ «О защите конкуренции», рассматриваемые сделки не составляют антиконкурентного соглашения, а являются его последствиями.

В этой связи также обращает на себя внимание следующее указание закона: «Совершение лицами, указанными в части 1 настоящей статьи, действий по соглашению не относится к согласованным действиям, а является соглашением» (часть 2 статьи 8 ФЗ «О защите конкуренции»).

В литературе совершенно справедливо указывают, что формулировка «действия по соглашению» достаточно размыта[193]. Тем не менее, системное толкование положений закона дает понять, что под действиями по соглашению понимается не что иное, нежели действия по реализации достигнутой договоренности.

Однако это не означает, что действия по реализации достигнутой договоренности все-таки являются соглашением. Представляется, что анализируемое положение закона направлено на искоренение правоприменительной практики, при которой достижение хозяйствующими субъектами договоренности квалифицировалось бы по статье 11, а действия по ее реализации – по статье 11^1 ФЗ «О защите конкуренции». Следовательно, по замыслу законодателя, действия, направленные на исполнение условий антиконкурентного соглашения, не составляют самостоятельного правонарушения, а являются следствием достигнутой договоренности. В этой связи квалифицировать их отдельно нецелесообразно.

На практике такие действия могут носить сугубо фактический характер либо заключать в себе юридическое содержание (например, в случае заключения договора участником антиконкурентного соглашения с его контрагентом). Сделочная природа такого договора очевидна, но она, тем не менее, не имеет отношения к квалификации антиконкурентного соглашения в качестве сделки.

- При этом документ, оформленный в соответствии с требованиями гражданского законодательства, действительно может содержать отдельные условия, способные нанести вред конкурентной среде.

Зачастую подспорьем для этого становятся ассоциации (союзы), на площадках которых хозяйствующие субъекты имеют возможность взаимодействовать по различным вопросам функционирования товарных рынков. Соответственно, правоприменительной практике известны случаи, когда

---

[193] Кабанова И.Е. К вопросу о понятии «действия по соглашению» // Конкурентное право. 2012. № 3. С. 22; Кирюшина И.В. Понятия «соглашения», «согласованные действия» и «параллельное поведение» в доктрине и законодательстве России // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 6 (104). С. 159–160.

договоренности конкурентов, противоречившие антимонопольному законодательству, содержались в решениях общих собраний ассоциаций[194]. Тем не менее, решение собрания является отличным от сделки юридическим фактом.

В этой связи бóльший интерес в аспекте проводимого исследования представляют гражданско-правовые договоры, включающие антиконкурентные условия. С точки зрения практики, заключение такого договора между хозяйствующими субъектами – конкурентами маловероятно. Гораздо привычнее наблюдать подобные соглашения между лицами, находящимися на разных уровнях цепочки реализации товара (т.е. между участниками «вертикальных» соглашений).

В литературе вполне справедливо подчеркивают, что применительно к антимонопольному законодательству более корректно вести разговор не о запрете на «вертикальные» соглашения в целом, а о запрете на т.н. «вертикальные» ограничения – отдельные условия рассматриваемых соглашений[195].

Эта же логика прослеживается и в отношении горизонтальных договоренностей хозяйствующих субъектов, которые оформлены в качестве отдельных условий договора. Представляется, что отдельно взятое положение договора не может рассматриваться в качестве самостоятельной сделки. Статья 180 ГК РФ оперирует такой категорией, как «часть сделки», и указывает, что ее недействительность не влечет недействительности всей сделки, если можно предположить, что она была бы совершена и без включения недействительной ее части.

Полагаем, что если два рассматриваемых понятия – сделка и часть сделки – соотносятся между собой как целое и его часть, то нельзя признать

---

[194] См., например, Решение Кемеровского УФАС России от 02 июня 2009 г. по делу № 2/А-11-2009 г. (Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28 августа 2012 г. по делу № А27-12329/2009); Решение ФАС России от 18 сентября 2012 г. по делу № 111-98-12 (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26 августа 2014 г. по делу № А40-14219/13-94-135).

[195] Конкурентное право России : учебник / Д. А. Гаврилов, С. В. Максимов, О. В. Мильчакова и др. ; отв. ред. С. А. Пузыревский. – Москва : Проспект, 2021. С. 202–203.

антиконкурентную договоренность, которая заключена в конкретном условии договора, самостоятельной сделкой.

Таким образом, с учетом приведенных выше аргументов, антиконкурентное соглашение не является сделкой, однако необходимо признать, что отдельные положения гражданско-правового договора могут быть признаны недействительными в случае их противоречия антимонопольному законодательству.

2. Обычно в литературе правовая природа согласованных действий, ограничивающих конкуренцию, характеризуется в процессе сопоставления рассматриваемого неправомерного поведения с антиконкурентными соглашениями. Действительно, две обозначенные формы монополистической деятельности во многом схожи: оба нарушения являются коллективными (предполагают участие как минимум двух лиц); един круг потенциальных участников такого поведения; в обоих случаях хозяйствующие субъекты стремятся подчинить свое поведение на товарном рынке общей стратегии.

В качестве же основного различия большинство авторов, стоящих на позициях разграничения двух рассматриваемых понятий, указывают признак согласованности воль участников антиконкурентного соглашения, который при осуществлении согласованных действий отсутствует[196].

- Феномен согласования воль вызывал интерес еще у представителей дореволюционной науки гражданского права. В частности, Г.Ф. Шершеневич, рассуждая об обязательных элементах «согласной и взаимно усвоенной воли» указывал следующее: «Для этого необходимо, чтобы один выразил другому свою волю, т.е. сделал предложение вступить в договор, а другой обнаружил свою соответствующего содержания, т.е. принял предложение»[197].

---

[196] Егорова М.А. Современные подходы к правовому регулированию согласованных действий хозяйствующих субъектов товарных рынков // Конкурентное право. 2012. № 2. С. 29; Хохлов Е.С. Некоторые вопросы совершенствования понятия согласованных действий в российском конкурентном праве… С. 89.

[197] Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Том 2. М. : Изд. бр. Башмаковых, 1915. С. 85.

Иными словами, автор подчеркивал, что для достижения соглашения требуется наличие оферты и акцепта, что признается и сегодня как на законодательном (статьи 435 и 438 ГК РФ), так и на доктринальном уровнях[198].

Поскольку в данном конкретном случае речь ведется о процедуре заключения договора, то позволим себе абстрагироваться от формальных требований гражданского законодательства[199] и сосредоточиться на сути – для достижения согласованности воль необходима не только сама воля, но и ее изъявление вовне[200]. Применительно к антиконкурентным соглашениям волеизъявление выражается в предложении конкурентам определенной модели поведения на товарном рынке («оферта») и соответствующем принятии такого предложения («акцепт»)[201]. При этом, учитывая специфику конкурентной среды, представляется важным, чтобы «оферта» описывала будущие действия хозяйствующих субъектов в той степени, которая позволила бы им с достаточной долей определенности планировать свое взаимное поведение (например, установление определенной цены товара или определенного объема производства).

В этой связи следует согласиться с тем, что договоренность в конкурентном праве подразумевает в том числе «наличие в соглашении плана (сценария) поведения его участников, что позволяет одному участнику соглашения с высокой точностью прогнозировать поведение других»[202].

Представляется, что при осуществлении согласованных действий подобное прогнозирование крайне проблематично и недостаточно точно. В силу отсутствия договоренности между хозяйствующими субъектами и, как следствие, единого

---

[198] Гражданское право : учебник: в 2 т. / Е.Е. Богданова, Д.Е. Богданов, Л.Ю. Василевская и др. ; под ред. Е.Е. Богдановой. – Москва : Проспект, 2020. С. 410.

[199] Ранее мы отмечали, что формальные требования гражданского законодательства относительно формы договора не распространяются на антиконкурентные соглашения.

[200] Ойгензихт В.А. Воля и волеизъявление. Очерки теории, философии и психологии права. Душанбе : Донищ, 1983. С. 121.

[201] Далее термины «оферта» и «акцепт» могут употребляться в кавычках и использоваться в качестве синонимов понятий «предложение» и «принятие» применительно к антиконкурентным соглашениям.

[202] Конкурентное право России : учебник / Д. А. Гаврилов, С. В. Максимов, О. В. Мильчакова и др.; отв. ред. С. А. Пузыревский. – Москва : Проспект, 2021. С. 190.

плана их действий, практически невозможно с высокой долей определенности спроектировать совместное поведение на товарном рынке. Более того, ни один из участников согласованных действий не может предварительно с точностью очертить круг участников такого неправомерного поведения. Яркой иллюстрацией того, что молчаливая форма координации не позволяет хозяйствующим субъектам с высокой долей определенности спрогнозировать будущие действия друг друга, может служить пример, рассмотренный нами ранее[203]. В частности, в условиях дуополии двум хозяйствующим субъектам, стремящимся установить приемлемые для каждого из них квоты производства товара, удается достичь желаемого не сразу, а в несколько приемов (им приходится пройти два «круга» корректировки квот). В то же время в случае заключения антиконкурентного соглашения хозяйствующие субъекты имели бы возможность предварительно просчитать, какие объемы производства будут выгодны каждому из них.

Таким образом, публичное заявление «лидера» согласованных действий, необходимость наличия которого установлена действующим законодательством (пункт 2 части 1 статьи 8 ФЗ «О защите конкуренции»), не может рассматриваться в качестве «оферты». Соответственно, в данном случае невозможно говорить и о согласованности воль.

В то же время в науке гражданского права разработаны иные положения, которые интересны с точки зрения описания механизма осуществления антиконкурентных согласованных действий.

В первую очередь, в литературе указывают, что согласованность воль следует отличать от параллельного выражения воль. В качестве примера последнего можно привести голосование акционеров на общем собрании[204].

Стоит признать, что параллельное выражение воль внешне напоминает согласованные действия. Тем не менее, рассматриваемая концепция все же не

---

[203] См. стр. 53.

[204] Бекленищева И.В. Понятие гражданско-правового договора: сравнительно-правовое исследование : дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 62.

может выступать в качестве модели, описывающей механизм осуществления рассматриваемого неправомерного поведения. Параллельное выражение воль отличается от согласованных действий тем, что его участники вовсе не осведомлены о будущих действиях друг друга. Соответственно, волеизъявление каждого лица носит обособленный характер.

Более того, юридические последствия параллельного волеизъявления, как правило, распространяются на всех его участников, даже если воля некоторых из них не совпадает с волей большинства. Например, решение общего собрания акционеров, по общему правилу, принимается большинством голосов лиц, принимающих участие в голосовании (пункт 2 статьи 49 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»)[205].

В системе согласованных действий поведение каждого хозяйствующего субъекта, напротив, обусловлено поведением его конкурентов и не автономно. К тому же, если кто-то из участников товарного рынка не подстраивается под общую линию поведения, то такой хозяйствующий субъект не входит в круг правонарушителей, а следовательно, не претерпевает никаких юридических последствий в этой связи.

Вторая из интересующих нас цивилистических концепций принадлежит перу О.А. Красавчикова. Автор выделял два вида юридических действий, влекущих единый правовой результат для нескольких лиц: взаимные/встречные действия (соглашения) и сонаправленные действия[206]. Специфику последних О.А. Красавчиков описывал следующим образом: «Они …, в отличие от взаимных действий, хотя и имеют внутреннюю (в определенной степени) согласованность, но тем не менее сохраняют каждое как таковое относительную самостоятельность»[207].

---

[205] Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Российская газета. 1995. № 248.

[206] Примером сонаправленных действий могут служить соавторство, сотрудничество в изобретении. См. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. Москва : Государственное изд-во юрид. литературы, 1958. С. 103–105.

[207] Там же. С. 104.

Применительно к предмету настоящего исследования важно, что автор признавал возможность некоторой согласованности действий нескольких лиц в отсутствие полноценного согласования воль, которое характерно для соглашений. Ввиду этого необходимо согласиться с В.Г. Истоминым, по мнению которого концепция сонаправленных юридических действий удачным образом описывает конструкцию антиконкурентных согласованных действий[208].

Таким образом, содержательный критерий разграничения соглашений и согласованных действий, ограничивающих конкуренцию, заключается в наличии или отсутствии согласованности воль хозяйствующих субъектов. Участники согласованных действий не достигают договоренности, однако поведение каждого из них обусловлено поведением других и не носит абсолютно обособленного и автономного характера.

- Различие содержания обусловливает и различие формы соглашений и согласованных действий, ограничивающих конкуренцию.

Как было отмечено ранее, заключение антиконкурентного соглашения требует волеизъявления участников товарного рынка. М.А. Егорова справедливо указывает, что в качестве соглашения должно расцениваться поведение двух или более лиц, основанное на взаимном согласии, *выраженное в виде определенного волеизъявления* и имеющее признаки нарушения антимонопольного законодательства (выделено мной – А.С.)[209]. Фактически это означает, что при доказывании такого неправомерного поведения антимонопольные органы должны уделять особое внимание доказательствам, указывающим на наличие непосредственных контактов между хозяйствующими субъектами и существование между ними договоренности.

---

[208] Истомин В.Г. Конструкция антиконкурентных согласованных действий в российском антимонопольном законодательстве // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 8 (129). С. 98.

[209] Егорова М.А. Правовые режимы антиконкурентных действий : монография. М. : Юстицинформ, 2021. С. 23.

В то же время согласованные действия, ограничивающие конкуренцию, имеют исключительно фактическую форму и вследствие этого могут быть квалифицированы в качестве нарушения просто по факту их совершения.

- Основываясь на фактической форме согласованных действий, отдельные авторы выделяют еще один критерий их разграничения с соглашениями, ограничивающими конкуренцию. В частности, последствия согласованных действий всегда носят реальный характер, в то время как антиконкурентные соглашения могут нести потенциальную угрозу для конкурентной среды[210].

Ограничивающее конкуренцию соглашение действительно наказуемо с момента достижения хозяйствующими субъектами договоренности, даже если они не приступали к ее реализации. Тем не менее, договоренности, нарушающие требования антимонопольного законодательства, как правило, носят тайный, скрытый характер[211]. В большинстве случаев признаки неправомерного поведения становятся заметны лишь на том этапе, когда хозяйствующие субъекты уже приступили к исполнению достигнутых договоренностей, что привело к наступлению реальных негативных последствий для товарного рынка. Таким образом, критерий разграничения соглашений и согласованных действий, состоящий в реальности либо потенциальности последствий осуществления данных форм монополистической деятельности, является недостаточно надежным.

С другой стороны, разговор о последствиях согласованных действий, ограничивающих конкуренцию, интересен в ином аспекте. Установление и поддержание цены практически выражается в заключении участниками

---

[210] Рыженков А.Я. Антимонопольное законодательство: соглашения и согласованные действия // Экономико-правовые аспекты реализации стратегии модернизации России: поиск модели эффективного социохозяйственного развития : сборник статей междунар. научно-практической конференции / отв. ред. В.В. Сорокожердьев. – М. : Изд-во АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права», 2016. С. 170.

[211] Кинев А.Ю., Егорычев Н.Н., Самолысов П.В., Тенишев А.П. Картели. Система доказывания и судебная практика // Закон. 2013. № 4. С. 131–138.

неправомерного поведения сделок с их контрагентами, т.е. покупателями соответствующих товаров, по завышенной стоимости.

На этом основании И.А. Ульянов приходит к следующему выводу: «В результате может быть квалифицировано как согласованные действия синхронное совершение участниками рынка ряда схожих по содержанию юридических действий (сделок)»[212]. Фактически автор утверждает, что антиконкурентные согласованные действия могут представлять собой совокупность взаимосвязанных сделок, каждая из которых впоследствии может быть признана недействительной.

Тем не менее, представляется, что концепция согласованных действий, как и понятие соглашения, все же описывает взаимодействие между хозяйствующими субъектами, а не их отношения с контрагентами. В данном отношении следует согласиться с М.А. Егоровой в том, что антиконкурентные согласованные действия представляют собой поведение участников товарного рынка, заключающееся в определении однотипных условий будущих сделок с контрагентами[213]. В свою очередь, сами такие сделки не составляют согласованных действий и могут быть впоследствии признаны недействительными. Таким образом, ограничивающие конкуренцию согласованные действия не обладают сделочной природой.

3. В вопросе соотношения соглашений и согласованных действий интересен опыт правового регулирования в США, где понятие антиконкурентного соглашения трактуется широко и охватывает также коллективное поведение хозяйствующих субъектов в отсутствие между ними непосредственной координации.

Статья 1 Акта Шермана гласит: «Всякий договор, союз (объединение) в форме треста или иной форме либо сговор (conspiracy) с целью ограничения

---

[212] Ульянов И.А. Влияние законодательства о защите конкуренции на гражданско-правовые сделки: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2010. С. 19–20.

[213] Егорова М.А. Гражданско-правовые последствия нарушений антимонопольного законодательства… С. 64.

торговли или коммерческой деятельности между несколькими штатами или с иностранными государствами настоящим объявляются незаконными»[214].

Из приведенной цитаты видно, что требования американского антитрестовского законодательства сформулированы достаточно сжато. В этой связи особое значение приобретают решения Верховного Суда США, в которых раскрываются основные понятия Акта Шермана и постоянно уточняются условия применения его положений к конкретным рыночным ситуациям.

Так, Верховный Суд США разработал концепцию ограничивающего конкуренцию соглашения (agreement), позволяющую пресекать различные формы коллективного поведения хозяйствующих субъектов, даже если не представляется возможным установить, имела ли место непосредственная коммуникация между конкурентами. С целью установления факта нарушения именно в таких случаях была разработана т.н. доктрина «параллелизм плюс» (parallelism plus doctrine). Она предполагает, что для пресечения антиконкурентного соглашения недостаточно установить один лишь факт осуществления хозяйствующими субъектами единообразных действий. Требуется также наличие дополнительных признаков неправомерного поведения – plus factors[215].

Предлагаем кратко рассмотреть, как доктрина «параллелизм плюс» применялась Верховным Судом США в конкретных спорах, в рамках которых модель взаимодействия участников товарных рынков по своим характеристикам напоминала отечественную конструкцию согласованных действий.

Дело Interstate Circuit стало одним из первых в данном ряду[216]. Его обстоятельства заключались в следующем: группа кинотеатров, осуществлявших показ киноновинок (first-run theatres), обратилась к дистрибьюторам с требованием установить минимальную цену на билеты в кинотеатрах, которые по сниженной стоимости осуществляли последующую демонстрацию фильмов,

---

[214] An Act to Protect Trade and Commerce Against Unlawful Restraints and Monopolies // 15 United States Code. § 1–7. 1890.
[215] Filippelli M. Collective Dominance and Collusion. Parallelism in EU and US Competition Law. Cheltenham : Edward Elgar Publishing Limited, 2013. P. 4–6.
[216] Interstate Circuit, Inc. v. United States, 306 U.S. 208 (1939).

сошедших с экранов first-run кинотеатров. Обозначенное требование было выражено в письме, которое нарушители разослали дистрибьюторам, указав в нем всех адресатов послания. Данная особенность, по мнению суда, способствовала информированности правонарушителей (дистрибьюторов) о поведении друг друга и позволила им действовать, не прибегая к непосредственной коммуникации[217]. Фактически указание всех адресатов письма способствовало созданию информационной прозрачности товарного рынка. В совокупности с тем, что first-run кинотеатры осуществляли координацию незаконной деятельности дистрибьюторов, этого оказалось достаточно для установления факта правонарушения.

В деле American Tobacco Верховный Суд США оценивал на предмет соответствия положениям Акта Шермана синхронное поведение большой тройки производителей сигарет: American Tobacco, Reynolds и Liggett & Myers[218]. Компании придерживались схожей ценовой политики на рынке табачной продукции, действовали единообразно на торгах при закупке сырья и т.д., но прямые доказательства сговора отсутствовали. В качестве дополнительных факторов (plus factors), на основе которых был сделан вывод о неправомерности поведения фирм, выступили: неадекватность действий компаний рыночным реалиям и резкая смена ценовой политики (несмотря на снижение стоимости табака, производители в течение длительного периода продолжали повышать цены на сигареты, после чего внезапно уменьшили их); устоявшиеся связи между фирмами и общность их интересов (на протяжении долгого времени состав хозяйствующих субъектов на рынке не менялся)[219].

Фактор отсутствия экономического обоснования параллелизма со временем стал все чаще восприниматься американской правоприменительной практикой как один из важнейших индикаторов антиконкурентного соглашения.

---

[217] Ibid. P. 306 U.S. 226–227.
[218] American Tobacco Co. v. United States, 328 U.S. 781 (1946).
[219] Ibid. P. 328 U.S. 793.

В решении по делу Theatre Enterprise Верховный Суд США не усмотрел в действиях дистрибьютора признаков нарушения именно по той причине, что каждый участник предполагаемого соглашения имел обоснование своего поведения – экономическая невыгодность предоставления прав на показ кинопремьер в пригородном кинотеатре, расположенном вдали от центра города и не способном привлечь большого числа зрителей[220]. Иными словами, суд указал, что тайный сговор (conspiracy) исключен в том случае, если параллельным действиям хозяйствующих субъектов есть какое-либо экономическое обоснование. И в дальнейшем правоприменительная практика уделила стандарту доказывания в таких делах еще бóльшее внимание.

Так, в рамках разбирательства по делу Monsanto была дана оценка поведению производителя пестицидов и группы дистрибьюторов данной продукции, которые, по мнению заявителя, вступили в незаконный сговор с целью установления цен перепродажи[221]. Верховный Суд США указал: «Верный стандарт [доказывания] состоит в следующем: необходимо представить доказательства, способные исключить возможность того, что производитель и дистрибьютор действовали независимо друг от друга (перевод мой – А.С.)»[222].

Из приведенной правовой позиции следует вывод, что наличие сколько-нибудь правдоподобного объяснения параллелизма препятствовало обвинению ответчиков в заключении антиконкурентного соглашения. При этом истец имел возможность доказать приверженность хозяйствующих субъектов единой стратегии поведения путем представления как прямых, так и косвенных доказательств[223].

Позже указанный стандарт был применен в решении по делу Matsushita[224]. Американские производители телевизоров обвиняли своих японских коллег в поддержании необоснованно низких цен на товарном рынке на территории США

---

[220] Theatre Enterprise v. Paramount Distributing, 346 U.S. 537 (1953).
[221] Monsanto Co. v. Spray-Rite Svc. Corp., 465 U.S. 752 (1984).
[222] Ibid. P. 465 U.S. 768.
[223] Ibid.
[224] Matsushita Electrical Industrial Co., Ltd. v. Zenith Radio Corp., 475 U.S. 574 (1986).

с целью вытеснения конкурентов. Ссылаясь в том числе на решение по делу Monsanto, Верховный Суд США указал, что нельзя сделать вывод о наличии нарушения Акта Шермана, если конкуренты не имеют экономического мотива на вступление в сговор и их поведение объясняется какими-либо правдоподобными причинами[225].

В целом проанализированная практика позволяет обозначить ряд факторов, которые в совокупности с синхронными действиями хозяйствующих субъектов свидетельствовали о заключении антиконкурентного соглашения. Среди таких plus factors можно выделить: информированность конкурентов о поведении друг друга; резкое изменение ими рыночной стратегии; наличие прочных связей и устоявшейся системы взаимоотношений в отрасли; отсутствие экономического обоснования соответствующего поведения; наличие мотива на участие в сговоре[226].

Тем не менее, в последующем Верховный Суд США еще более повысил стандарт доказывания для частных исков. В решении по делу Twombly указано: к лицам, обращающимся в суд в рамках гражданского судопроизводства и миновавшим административную процедуру антимонопольного расследования, предъявляются повышенные требования. В частности, еще на предварительной стадии судебного разбирательства истец должен представить свидетельства того, что параллелизм действий хозяйствующих субъектов, вероятно, явился следствием именно сговора между ними. Такую практику суд охарактеризовал как «factual enhancement» (дословно – улучшение, или усиление, фактов) и в качестве примера обозначил, что истец может указать «конкретное время, место либо лицо, вовлеченное в предполагаемый сговор»[227].

---

[225] Ibid. P. 475 U.S. 596–597.

[226] Сулименко, А.Д. Нужен ли в российском антимонопольном законодательстве отдельный запрет на согласованные действия? // Межотраслевой подход в юридической науке: Экономика. Право. Суд : сборник материалов II Международной научно-практической аспирантской конференции памяти В.Ф. Яковлева / под науч. ред. О.В. Зайцева, А.И. Сурдиной. – Москва : Статут, 2023. – С. 279.

[227] Bell Atlantic Corp. v. Twombly, 550 U.S. 544 (2007).

Изложенная правовая позиция значительно усложнила пресечение коллективного поведения хозяйствующих субъектов в отсутствие между ними прямого контакта, ведь Верховный Суд США в качестве примера factual enhancement, в сущности, привел прямые доказательства соглашения. Поскольку доктрина «параллелизм плюс», напротив, подразумевала доказывание посредством совокупности косвенных доказательств, то отдельные авторы пришли к выводу, что формирование нового подхода к доказыванию соглашений могло означать отступление от этой доктрины[228]. Поначалу судебная практика действительно свидетельствовала о справедливости высказанного в литературе предположения. Однако спустя некоторое время подход к доказыванию сговора хозяйствующих субъектов при рассмотрении частных исков все-таки смягчился[229].

В этой связи хотелось бы отметить следующее. Во-первых, правовая позиция Верховного Суда США, высказанная в деле Twombly, касалась исключительно разбирательств, инициированных частными лицами без обращения к административным средствам защиты. Это вполне объяснимо, ведь значительными возможностями по сбору доказательств такие заявители не обладают, вследствие чего, с точки зрения судебной системы, было бы желательно сократить число инициируемых ими обращений.

Во-вторых, несмотря на дальнейшее смягчение обозначенного в деле Twombly подхода, доктрина «параллелизм плюс» и без того крайне сложна в плане доказывания. Данный вывод, в частности, подтверждается тем, что практике Федеральной торговой комиссии (далее – ФТК) известны случаи, когда единообразное и синхронное поведение конкурентов квалифицировалось не по

---

[228] Steuer R. M. Plausible Pleading: Bell Atlantic Corp. v. Twombly // St. John's Law Review. 2008. Vol. 82. №. 3. P. 866.

[229] Filippelli M. Collective Dominance and Collusion. Parallelism in EU and US Competition Law... P. 28–31.

статье 1 Акта Шермана, а по статье 5 Акта о ФТК, которая признает незаконными любые недобросовестные методы конкуренции (unfair methods of competition)[230].

Такое изменение квалификации действий хозяйствующих субъектов со стороны ФТК объяснялось следующим: ведомство оказалось не в состоянии доказать, что параллельное поведение участников товарного рынка было вызвано именно сговором (conspiracy), в то время как этот элемент обязателен к установлению в делах по статье 1 Акта Шермана.

Тем не менее, попытки ФТК не увенчались успехом: судьи указали на недоказанность использования конкурентами недобросовестных методов конкуренции. В частности, суд обозначил, что для установления факта нарушения в данном случае должны наличествовать: (а) доказательства антиконкурентной цели поведения хозяйствующих субъектов либо (б) отсутствие экономического обоснования их действий[231].

При этом очевидно, что фактически указанные признаки во многом соотносятся с plus factors, которые приняты в рамках доктрины «параллелизм плюс». Поэтому вполне объяснимо, что впоследствии практика ФТК, предусматривающая квалификацию синхронного поведения хозяйствующих субъектов в качестве недобросовестных методов конкуренции, распространена не была.

Тем не менее, предпринятая ФТК попытка свидетельствует о следующем: правоприменительные органы сталкивались с ситуациями, при которых единообразное и синхронное поведение хозяйствующих субъектов не охватывалось действием запрета на антиконкурентные соглашения, хотя и приводило к повышению цен на товар. Связана данная особенность с тем, что в США установлен достаточно высокий стандарт доказывания в делах по статье 1 Акта Шермана.

---

[230] An Act to create a Federal Trade Commission, to define its power and duties, and for other purposes // 15 United States Code. § 45. 1914.

[231] Boise Cascade Corp. v. Federal Trade Commission, 637 F.2d 537 (1980); E.I. Du Pont De Nemours & Co. and Ethyl Corp. v. Federal Trade Commission, 729 F.2d 128 (1984).

Хотя в отечественной правовой системе принят не такой высокий стандарт доказывания в делах по антиконкурентным соглашениям, как в США, в литературе отмечают тенденцию на повышение уровня качества картельных расследований[232]. В этой связи полагаем, что российское правовое регулирование не должно подвергать товарные рынки такому риску, когда антимонопольные органы были бы не в состоянии пресечь поведение конкурентов в силу невозможности в определенных обстоятельствах квалифицировать его как нарушение запрета на антиконкурентные соглашения.

Несмотря на то, что ранее нами были выделены критерии разграничения соглашений и согласованных действий, фактически запреты, предусмотренные статьями 11 и 11^1 ФЗ «О защите конкуренции», направлены на достижение единой цели – пресечение недобросовестного поведения конкурирующих хозяйствующих субъектов, которое в конечном счете приводит к повышению цен на товарном рынке.

В этой связи категория согласованных действий может быть использована правоприменительными органами в том случае, если достоверно установить факт достижения сторонами договоренности не представляется возможным, но их ценовое поведение не отвечает признакам экономической обоснованности.

В отличие от жесткого режима запрета на картели, запрет на согласованные действия предполагает доказывание по совокупности ряда важных косвенных доказательств, среди которых: размер долей хозяйствующих субъектов; анализ разнообразных экономических факторов, повлиявших на цену; установление отдельных структурных характеристик товарного рынка, способствующих координации поведения конкурентов. Более того, в соответствии со статьей 13 ФЗ «О защите конкуренции», согласованные действия, в отличие от картеля, могут быть признаны допустимыми.

---

[232] Бузин М.А. Картель или не картель: проблемы доказывания соглашений между конкурентами после принятия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 марта 2021 года № 2 // Российское конкурентное право и экономика. 2022. Спец. выпуск. С. 76.

Перечисленные факторы указывают на то, что категория согласованных действий является более гибкой и позволяет в процессе расследования учитывать большее число фактических обстоятельств дела, обусловливающих поведение хозяйствующих субъектов. Таким образом, запрет, предусмотренный статьей 11^1 ФЗ «О защите конкуренции», необходим российскому праву.

§2. Соотношение антиконкурентных согласованных действий и злоупотребления коллективным доминирующим положением

Российское антимонопольное законодательство предусматривает запрет на еще одну форму монополистической деятельности, которая представляет для нас интерес с точки зрения ее соотношения с согласованными действиями, ограничивающими конкуренцию. В частности, часть 3 статьи 5 ФЗ «О защите конкуренции» позволяет признать доминирующее положение за несколькими хозяйствующими субъектами, не входящими в одну группу лиц (коллективное доминирующее положение).

В литературе отмечают, что концепция коллективного доминирования разработана целенаправленно для пресечения нарушений на олигополистических товарных рынках[233]. Данный вывод следует из анализа содержания части 3 статьи 5 ФЗ «О защите конкуренции», которая указывает на количественные и качественные характеристики, свойственные именно таким рыночным структурам:

- значительный совокупный размер долей хозяйствующих субъектов,
- стабильность этих долей,
- высокие барьеры входа на товарный рынок,
- низкий уровень эластичности спроса на реализуемый товар,

[233] Мигитко О.В. Коллективное доминирование: недоказанность и недосказанность // Конкуренция и право. 2010. № 1. С. 9; Князева И.В., Чирихин С.Н. Актуальные вопросы проведения анализа состояния конкуренции на товарных рынках (методологический комментарий) : монография. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2020. С. 47.

- информационная прозрачность рынка.

Примечательно, что перечисленные признаки соотносятся с рассмотренными ранее характеристиками рынка, благоприятствующими согласованным действиям[234]. Это позволило А.Е. Шаститко заключить, что «нормы о коллективном доминировании имеют тот же объект, что и нормы о согласованных действиях, с той лишь разницей (на первый взгляд), что первые описывают структуру рынка, а вторые – поведение фирм на этом рынке»[235].

Анализируя указанную проблему с юридической точки зрения, А.Н. Варламова пришла к выводу, что «…понятие коллективного доминирования было введено вследствие того, что антимонопольному органу пока сложно доказывать такие нарушения, как согласованные действия»[236].

Данный тезис представляет для нас значительный интерес, поскольку если сферы регулирования рассматриваемых норм права действительно пересекаются, то правоприменитель имеет возможность произвольно избирать более предпочтительный для себя вариант квалификации поведения хозяйствующих субъектов, что может привести к нарушению прав последних. При этом следует оговориться, что применительно к данной дискуссии корректно говорить именно о злоупотреблении коллективным доминирующим положением, т.е. о взаимосвязанных положениях части 3 статьи 5 и статьи 10 ФЗ «О защите конкуренции», поскольку само по себе обладание доминирующим положением не является нарушением антимонопольного законодательства[237].

Таким образом, необходимо установить, как соотносятся между собой нормы, устанавливающие запреты на осуществление согласованных действий и злоупотребление коллективным доминирующим положением.

---

[234] См. характеристики рынка, благоприятствующие согласованным действиям на стр. 66–67.

[235] Шаститко А.Е. Коллективное доминирование на рынке: экономика и право. М. : МАКС Пресс, 2011. С. 29.

[236] Варламова А.Н. Совместное доминирование и согласованные действия // Корпоративный юрист. 2007. № 5. С. 42.

[237] Данный вывод следует из положений ФЗ «О защите конкуренции», а также нашел свое отражение в пункте 11 Постановления Пленума ВС РФ № 2.

В первую очередь надлежит очертить круг субъектов, на которых распространяется действие указанных запретов.

Категория «доминирующее положение» в юридической литературе[238], а также в отечественной[239] и зарубежной[240] практике традиционно ассоциируется с рыночной властью хозяйствующего субъекта и, как следствие, с его независимостью в принятии решений от окружающей экономической среды. Данное утверждение справедливо и по отношению к коллективно доминирующим участникам рынка, которые имеют возможность совместно влиять на общие условия обращения товара без оглядки на конкурентов и потребителей.

При этом одним из ключевых индикаторов рыночной власти являются размеры долей хозяйствующих субъектов. В данном отношении пункт 1 части 3 статьи 5 ФЗ «О защите конкуренции» предъявляет высокие требования к участникам коллективного доминирования: совокупная доля не более чем трех либо пяти крупнейших хозяйствующих субъектов должна превышать 50% и 70% соответственно (при этом доля каждого из доминантов не должна составлять менее 8%). Обозначенные требования свидетельствуют о том, что сфера действия рассматриваемой нормы ограничена кругом участников олигополистических товарных рынков.

Запрет на согласованные действия, напротив, сформулирован таким образом, что может применяться также и к хозяйствующим субъектам, осуществляющим деятельность на товарных рынках, характеризующихся бóльшим количеством участников. Несмотря на наличие требования de minimis[241],

---

[238] Паращук С.А. Доминирующее положение хозяйствующего субъекта как базовая категория законодательства о защите конкуренции // Предпринимательское право. 2014. № 2. С. 46–53; Попондопуло В.Ф. Рыночная власть производителей и потребителей товаров, формы ее проявления и законодательное регулирование // Конкурентное право. 2021. № 4. С. 2; Конкурентное право : учебник / под общ. ред. М.А. Егоровой, А.Ю. Кинева. М. : Юстицинформ, 2018. С. 125.

[239] Пункт 8 Постановления Пленума ВС РФ № 2.

[240] Case 27/76, United Brands Company and United Brands Continentaal BV v Commission of the European Communities // ECR. 1978-00207, para 65; Case 85/76, Hoffmann-La Roche & Co. AG v Commission of the European Communities // ECR. 1979-00461, para 38.

[241] Согласно части 5 статьи 11^1 ФЗ «О защите конкуренции», участники согласованных действий должны обладать совокупной рыночной долей более 20%.

отечественное антимонопольное законодательство не устанавливает таких строгих, как при коллективном доминировании, количественных критериев для товарного рынка, на котором осуществляются согласованные действия, а качественных характеристик не предусматривает вовсе.

В то же время весьма кстати будет вспомнить, что первоначальная редакция Закона о конкуренции 1991 года предусматривала запрет на соглашения и согласованные действия исключительно для хозяйствующих субъектов, которые в совокупности занимали доминирующее положение. При этом статья 4 закона даже не упоминала о возможности установления такого положения за несколькими лицами одновременно, порог же для индивидуального доминирования ежегодно устанавливался Антимонопольным комитетом РСФСР и должен был превышать долю в 35% общего объема товарного рынка.

Позже требования статьи 6 Закона о конкуренции 1991 года были изложены иначе: соглашения и согласованные действия стали подлежать запрету при превышении совокупной доли их участников 35% общего объема товарного рынка, а доминирующее положение могло быть признано исключительно за хозяйствующим субъектом, обладающим долей размером не менее 65%[242].

Фактически это свидетельствует о том, что уже в 1990-ых годах законодатель не стремился ограничивать круг лиц, на которых распространяется действие рассматриваемых запретов, лишь участниками олигополистических товарных рынков.

Возвращаясь к современному правовому регулированию, следует заключить: сферы действия норм о злоупотреблении коллективным доминирующим положением и о согласованных действиях по кругу лиц не совпадают, но пересекаются.

Однако стоит отметить, что не все исследователи согласны с таким выводом. В частности, Е.С. Хохлов полагает, что два рассматриваемых

---

[242] Указанные изменения были внесены следующим документом – Федеральный закон от 25 мая 1995 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 22.

правонарушения тем и отличаются друг от друга, что злоупотребление коллективным доминирующим положением может иметь место только на олигополистическом товарном рынке, а согласованные действия – исключительно на товарном рынке, который не отвечает законодательным критериям олигополии[243].

Тезис о том, что коллективное доминирующее положение может быть установлено только в отношении участников олигополистических товарных рынков не вызывает никаких сомнений, так как следует напрямую из указания закона. В отношении же согласованных действий автор утверждает следующее. Они, в отличие от коллективного доминирования, не вызваны «общей рыночной ситуацией». Очевидно, данный тезис основан на указании пункта 3 части 1 статьи 8 ФЗ «О защите конкуренции», который гласит, что «действия каждого из хозяйствующих субъектов… не являются следствием обстоятельств, в равной мере влияющих на все хозяйствующие субъекты на соответствующем товарном рынке». Однако при этом под общей рыночной ситуацией автор понимает соответствие товарного рынка признакам олигополии. Следовательно, пункт 3 части 1 статьи 8 ФЗ «О защите конкуренции» трактуется следующим образом: согласованные действия могут иметь место только на товарном рынке, который не отвечает условиям части 3 статьи 5 ФЗ «О защите конкуренции», т.е. не является олигополистическим.

Тем не менее, представляется, что в пункте 3 части 1 статьи 8 ФЗ «О защите конкуренции» речь идет не об отсутствии признаков олигополии у товарного рынка, на котором совершаются согласованные действия, а об отсутствии обоснования поведения хозяйствующих субъектов. А причина того, что рассматриваемая норма говорит именно о неких общих условиях (т.е. об условиях, которые актуальны для всех участников данного товарного рынка), заключается в ее нацеленности на отграничение незаконных согласованных действий от непреднамеренного параллелизма. Последний как раз и может быть

[243] Хохлов Е.С. Злоупотребление доминирующим положением : учебное пособие. Москва : Статут, 2024. С. 215.

вызван обстоятельствами, воздействующими одновременно на всех хозяйствующих субъектов данного товарного рынка. Более того, ранее мы уже ссылались на работы авторитетных представителей экономической науки, в которых напрямую говорилось о том, что наиболее благоприятствуют осуществлению согласованных действий именно характеристики олигополии.

Следовательно, нет оснований утверждать, что из сферы действия запрета на согласованные действия по кругу лиц исключены участники олигополистических товарных рынков. В таком случае сферы действия норм о злоупотреблении коллективным доминирующим положением и о согласованных действиях по кругу лиц не совпадают, но пересекаются. И это не является проблемой в том случае, если рассматриваемые запреты направлены на пресечение отличных друг от друга форм неправомерного поведения.

В литературе отмечают, что формы злоупотребления доминирующим положением, установленные частью 1 статьи 10 ФЗ «О защите конкуренции», соотносятся с последствиями согласованных действий, которые обозначены в частях 1 и 3 статьи 11^1 ФЗ «О защите конкуренции»[244]. И поскольку наиболее ярким проявлением согласованных действий является именно ценовое поведение хозяйствующих субъектов, то предлагаем в рамках настоящего параграфа уделить бóльшее внимание его сопоставлению с такой формой злоупотребления доминирующим положением, как установление/поддержание монопольно высокой цены товара.

Исходя из общей логики, коллективное злоупотребление в указанной форме должно выражаться в осуществлении конкурентами единообразных и синхронных действий по установлению цен. Данный факт действительно позволяет усомниться в том, что запреты на осуществление согласованных действий и злоупотребление коллективным доминирующим положением надлежащим образом разведены между собой на законодательном уровне.

---

[244] На данный факт обращают внимание и отдельные авторы. См., например, Росляков А.В. Коллективное доминирование, группа лиц, согласованные действия и свобода договора // Закон. 2019. № 1. С. 183.

Тем не менее, для полноценного анализа сложившейся ситуации необходимо рассмотреть не только нормативный, но и правоприменительный ее аспект. Тем более, применение нормы о коллективном доминировании действительно привносит многое в понимание объекта настоящего исследования.

В частности, сама формулировка закона создает возможность для ее использования в целях пресечения не коллективного, а индивидуального поведения хозяйствующих субъектов. Так, часть 3 статьи 5 ФЗ «О защите конкуренции» позволяет признать доминирующее положение за *каждым из нескольких хозяйствующих субъектов* в отдельности, благодаря чему впоследствии поведение лишь одного из участников т.н. «коллектива» может быть квалифицировано как злоупотребление. Такой возможностью антимонопольные органы и суды активно пользуются[245]. Запрет на согласованные действия, напротив, предназначен для пресечения исключительно коллективных действий конкурентов.

Однако это не означает, что на уровне правоприменения запреты на осуществление согласованных действий и злоупотребление коллективным доминирующим положением разведены между собой.

1. Во-первых, по мнению ряда исследователей, практика привлечения к ответственности за злоупотребление коллективным доминирующим положением каждого хозяйствующего субъекта в отдельности (без учета поведения его конкурентов) необоснованна[246].

---

[245] Например, Решение ФАС России от 16 января 2023 г. по делу № 11/01/10-16/2022; Решение ФАС России от 25 октября 2022 г. по делу № 11/01/10-37/2021; Решение ФАС России от 27 мая 2019 г. по делу № 1-10-120/00-11-18; Решение ФАС России от 02 ноября 2020 г. по делу № 11/01/10-46/2020; Решение ФАС России от 20 сентября 2021 г. по делу № 11/01/10-7/2021; Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 30 января 2014 г. по делу № А53-22012/2012; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 20 апреля 2015 г. по делу № А53-4275/2014; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 29 мая 2018 г. № Ф06-32334/2018 по делу № 65-19383/2017; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18 марта 2020 г. № 09АП-3964/2020 по делу № А40-185816/19; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22 декабря 2021 г. по делу № А40-70134/2020-147-508.

[246] Башлаков-Николаев И.В. Коллективное доминирование: вопросы теории и практики : монография / науч. ред. С.В. Максимов. Москва : Проспект, 2021. С. 95–96; Хохлов Е.С. Правовые позиции Верховного Суда РФ применительно к определению доминирующего

Следует согласиться с тем, что ситуация, при которой *совокупная* рыночная власть крупнейших участников товарного рынка учитывается в процессе установления доминирующего положения, но не принимается во внимание при злоупотреблении им, нежелательна. В данном случае концепция коллективного доминирования используется для пресечения индивидуального поведения хозяйствующего субъекта, обладающего такой долей товарного рынка, которая не позволяет признать его индивидуально доминирующим. Фактически норма о коллективном доминировании снижает количественные критерии, установленные для индивидуального доминирования[247].

В действительности, данный факт был обозначен разработчиками проекта ФЗ «О защите конкуренции» еще в далеком 2005 году. В частности, пояснительная записка к документу, делая особый акцент именно на качественных характеристиках олигополистического товарного рынка, гласила, что они с большой долей вероятности ведут «к возникновению доминирования даже относительно незначительных хозяйствующих субъектов…»[248].

Из указанного тезиса следует несколько интересующих нас выводов. В первую очередь, по мнению регулятора, участники товарного рынка, занимающие сравнительно невысокую долю на нем, тем не менее, могут обладать такой рыночной властью, которая позволяет им влиять на общие условия обращения товара. Во-вторых, для пресечения поведения таких хозяйствующих субъектов необходимо использовать концепцию коллективного доминирующего положения, а не индивидуального. Более того, принципиальное значение в данном случае приобретает анализ качественных критериев доминирования.

Тем не менее, впоследствии правоприменительная практика внесла коррективы в обозначенные в пояснительной записке тезисы. На протяжении

положения на товарном рынке // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2021. № 4. С. 41–42; Хохлов Е.С. Доминирующее положение хозяйствующего субъекта в конкурентном праве : дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. С. 12.

[247] Шаститко А.Е. Коллективное доминирование на рынке: экономика и право… С. 25.

[248] Пояснительная записка к законопроекту № 186242-4 [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/186242-4 (дата обращения: 15.11.2025).

многих лет антимонопольные органы достаточно формально подходили к вопросу установления качественных критериев коллективного доминирующего положения[249]. Позже Президиум ФАС России выразил негативную оценку подобной практике и указал, что «… не допускается определение доминирующего положения согласно части 3 статьи 5… только на основании сведений о размерах долей хозяйствующих субъектов, то есть на основании только количественного критерия…»[250].

Однако исследователи и по сей день продолжают подвергать критике правоприменительную практику по злоупотреблению коллективным доминирующим положением.

Так, А.Е. Шаститко и Н.С. Павлова, анализируя дело мобильного оператора «Теле2»[251], указывают на недостаточно детальное исследование качественных характеристик товарного рынка в рамках данного разбирательства[252]. Более того, авторы приходят к следующему выводу: если антимонопольный орган все-таки признаёт за одним из участников коллективного доминирования возможность влиять на общие условия обращения товара, то вероятно, имеет место ошибка[253]:

- либо границы товарного рынка определены неправильно и хозяйствующий субъект на самом деле занимает *индивидуальное* доминирующее положение на рынке *с более узкими границами*;
- либо границы товарного рынка определены верно, но компания доминирует на нем *индивидуально* с долей менее 50%.

Иными словами, исследователи выражают сомнение в том, что поведение лишь одного из участников олигополистического товарного рынка способно

---

[249] Горейко Н.А. Норма о коллективном доминировании в российской антимонопольной практике // Современная конкуренция. 2011. № 6. С. 41.

[250] Разъяснение Президиума ФАС России от 24 октября 2018 г. № 15 «О привлечении к ответственности за злоупотребление доминирующим положением хозяйствующих субъектов, признанных коллективно доминирующими» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАС России. URL: https://fas.gov.ru/documents/668095 (дата обращения: 15.11.2025). С. 3.

[251] Доля оператора «Теле2» на рынке подвижной радиотелефонной связи не превышала 20%.

[252] Решение ФАС России от 02 ноября 2020 г. по делу № 11/01/10-46/2020.

[253] Павлова Н.С., Шаститко А.Е. Антиконкурентные последствия антимонопольной политики: кейс мобильных операторов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 2. С. 25–26.

нанести урон конкуренции при условии, что такой участник не занимает индивидуальное доминирующее положение или его действия не поддержаны конкурентами.

На наш взгляд, в таком случае существует реальный риск признания доминантом хозяйствующего субъекта, возможность которого оказывать влияние на общие условия обращения товара на рынке маловероятна[254]. В этой связи представляется верным отказаться от противоречивой концепции «индивидуальное злоупотребление коллективным доминирующим положением».

В то же время очевидно, что не только лишь рыночные доли хозяйствующих субъектов являются индикатором их рыночной власти. Можно допустить, что и поведение лица, доля которого составляет менее установленного законом для индивидуального доминирования предела[255], действительно может оказать влияние на конкурентную среду в силу соответствия товарного рынка отдельным качественным характеристикам.

В данном отношении хотелось бы отметить следующее.

Во-первых, для пресечения такого рода злоупотреблений желательно использовать категорию индивидуального доминирующего положения, а не коллективного.

Во-вторых, предусмотренный на сегодняшний день минимальный порог для индивидуального доминирования, возможно, в действительности не отражает того факта, что на реальных товарных рынках способностью оказывать влияние на общие условия обращения товара может обладать и хозяйствующий субъект, который занимает меньшую долю. Однако обоснованность понижения количественного критерия для установления индивидуального доминирующего положения должна быть надлежащим образом оценена научным сообществом.

---

[254] Например, Постановлением Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 25 июня 2014 г. по делу № А65-20578/2013 был признан злоупотребившим доминирующим положением хозяйствующий субъект с долей 11,5%.

[255] По общему правилу, не может быть признано доминирующее положение хозяйствующего субъекта, доля которого на товарном рынке не превышает 35% (часть 2 статьи 5 ФЗ «О защите конкуренции»)

Предметом же настоящего исследования данный вопрос не является, поэтому не станем останавливаться на нем более подробно.

Обобщая сказанное, диссертант полагает необоснованной правоприменительную практику, которая для установления доминирующего положения требует наличия совокупной рыночной власти нескольких участников товарного рынка, но при этом признает злоупотребившим ею каждого хозяйствующего субъекта в отдельности. Концепцию коллективного доминирующего положения необходимо использовать для пресечения коллективных нарушений антимонопольного законодательства.

В наднациональном европейском конкурентном праве, откуда изначально и была позаимствована категория коллективного доминирования, превалирует именно такой подход[256]. Однако в рамках рассмотрения дела Irish Sugar Суд ЕС также столкнулся с вопросом о том, можно ли квалифицировать в качестве злоупотребления действия не всех участников коллективного доминирования, а некоторых из них[257].

В тексте судебного акта дается следующий ответ на обозначенный вопрос: «… злоупотребление необязательно должно включать поведение всех рассматриваемых предприятий. Необходимо лишь, чтобы такое поведение могло быть определено в качестве одного из проявлений совместного доминирующего положения»[258].

Следовательно, Суд ЕС признаёт способность отдельных участников коллективного доминирования злоупотреблять коллективной рыночной властью на товарном рынке. Тем не менее, и это не позволяет признать обоснованным подход к решению рассматриваемой проблемы, выработанный в российской правоприменительной практике.

---

[256] Ориентация отечественного законодателя на европейский опыт определения доминирующего положения видна из текста пояснительной записки к проекту ФЗ «О защите конкуренции» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/186242-4 (дата обращения: 15.11.2025).

[257] Case T-228/97, Irish Sugar plc v Commission of the European Communities // ECR. 1999. II-2969.

[258] Ibid. Para 66.

В действительности, обозначенная правовая позиция сформулирована с учетом особых фактических обстоятельств. При рассмотрении указанного дела давалась оценка взаимосвязанным действиям двух хозяйствующих субъектов – производителя сахара Irish Sugar, который осуществлял деятельность также и на рынке нижнего передела, и его дистрибьютора Sugar Distributor Limited (SDL). Указанные компании были связаны между собой настолько, что с точки зрения российского антимонопольного законодательства могли быть признаны группой лиц на том основании, что одна владела более чем 50% общего количества голосов, приходящихся на голосующие акции другой (пункт 1 части 1 статьи 9 ФЗ «О защите конкуренции»).

Экономисты указывают: «Часть действий, признанных нарушением конкуренции в рамках данного дела, были совершены Irish Sugar, часть – SDL, а часть – совместно Irish Sugar и SDL, однако, учитывая тесную связь двух компаний, нельзя сказать, что кто-то из них индивидуально ограничил конкуренцию вне контекста их совместных действий на данном рынке»[259].

Таким образом, в рассматриваемом случае хозяйствующие субъекты были связаны между собой настолько многогранными связями, что рассматривать их действия в отрыве друг от друга не представлялось возможным. Данный факт позволил Суду ЕС заключить, что поведение каждого из ответчиков составляло злоупотребление коллективным доминирующим положением.

В свете изложенного становится явной принципиальная разница в подходах к определению индивидуального злоупотребления коллективным доминированием в России и Европе. В отечественной правоприменительной практике зачастую связи между участниками «коллектива» доминантов не устанавливаются, а следовательно, действия каждого хозяйствующего субъекта оцениваются обособленно от поведения его конкурентов.

---

[259] Шаститко А.Е., Ионкина К.А., Павлова Н.С. Индивидуальное злоупотребление коллективным доминированием в сфере сотовой связи: проблемы определения // Современная конкуренция. 2021. Т. 15. № 3. С. 59.

В этой связи представляется более обоснованным использовать концепцию коллективного доминирующего положения для пресечения лишь коллективных нарушений антимонопольного законодательства. Соответственно, наличествует объективная необходимость разграничить рассматриваемую категорию с понятием согласованных действий, которое описывает исключительно коллективную модель поведения участников товарных рынков.

2. Вторая причина актуальности вопроса о таком разграничении состоит в том, что, несмотря на сложившуюся правоприменительную практику, часть 3 статьи 5 ФЗ «О защите конкуренции» не препятствует привлечению к ответственности за злоупотребление коллективным доминирующим положением нескольких хозяйствующих субъектов одновременно[260]. В данном отношении интересно, возможна ли альтернативная квалификация такого поведения в качестве согласованных действий.

Для начала обратимся к делу контейнерных перевозчиков, в рамках которого антимонопольный орган очень подробно проанализировал признаки согласованных действий[261].

Обстоятельства дела заключались в том, что хозяйствующие субъекты, осуществлявшие перевозки грузов морскими судами в 20-ти и 40-ка футовых контейнерах, повысили ставки фрахта относительно единообразно по сумме в одни и те же даты или с разницей в несколько дней. В ходе расследования была дана надлежащая оценка множеству факторов, которые потенциально могли обусловить увеличение цен: количество судов, приходящихся на каждого перевозчика, их вместимость, эксплуатационные и управленческие расходы хозяйствующих субъектов, сезонные изменения величины спроса. В своем решении ФАС России также отметила, в чем заключался ущерб потребителей.

---

[260] Например, Решение Управления ФАС России по Ставропольскому краю от 12 апреля 2013 г. № 110 (оставлено в силе Постановлением Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 15 мая 2014 г. по делу № А63-4667/2013); Решение Управления ФАС России по Ростовской области от 24 октября 2012 г. по делу № 575/05 (отменено Постановлением Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 09 июля 2014 г. по делу № А53-35635/2012).

[261] Решение ФАС России от 15 декабря 2015 г. по делу № 1-11-313/00-22-13.

Все перечисленные обстоятельства крайне важны и в делах по установлению монопольных цен.

Однако принципиально важно, что категория согласованных действий предусматривает анализ не только обоснованности цены, но и взаимосвязанности поведения конкурентов и факторов, способствующих ей. Антимонопольный орган учел и синхронность действий перевозчиков, и особенности информирования контрагентов об изменении ставок фрахта, и сложившиеся в отрасли традиции. Так, предыдущая история взаимодействия хозяйствующих субъектов (они являлись членами Дальневосточной фрахтовой конференции до момента ее ликвидации в 2008 году) также обусловливала предсказуемость их поведения друг для друга.

В решении по делу указано: «Интерес данных хозяйствующих субъектов заключался в получении запланированных показателей финансово-хозяйственной деятельности… <…> Комиссия считает, что самостоятельное поведение Ответчиков в целях достижения определенных финансово-хозяйственных результатов деятельности не может расцениваться как нарушение антимонопольного законодательства». Приведенная цитата является принципиально важной, поскольку при коллективных нарушениях антимонопольного законодательства действительно важно учитывать поведение каждого хозяйствующего субъекта во взаимосвязи с действиями иных участников товарного рынка.

В то же время в делах по злоупотреблению коллективным доминирующим положением действия каждого из «коллектива» ответчиков зачастую оценивались в отрыве от поведения конкурентов. Яркой иллюстрацией данного тезиса является т.н. первая волна дел против нефтяных компаний. В 2007 – 2008 гг. наблюдалось повышение цен на автомобильные бензины, что вызвало значительный общественный резонанс. По итогам разбирательства было вынесено четыре самостоятельных решения в отношении каждой из нефтяных компаний –

ответчиков: ОАО «ЛУКОЙЛ»[262], ОАО «Газпром нефть»[263], ОАО «НК «Роснефть»[264], ОАО «ТНК-ВР Холдинг»[265].

Примечательно, что каждый из указанных хозяйствующих субъектов был признан виновным в установлении монопольно высокой цены, но взаимосвязь их поведения не оценивалась вовсе. При этом анализ решений антимонопольного органа показывает, что такая связь имелась: повышение цен на топливо каждым из ответчиков наблюдалось в одни и те же периоды времени и соотносилось с изменением цен на мировом рынке (синхронность); информация и прогнозы о подорожании нефти открыто публиковались множеством специализированных агентств (информационная прозрачность). Учитывая, что на момент рассмотрения указанных дел закон еще не содержал требования о публичном заявлении, такую информационную прозрачность товарного рынка можно было бы считать одним из показателей того, что хозяйствующие субъекты знали о действиях друг друга. По мнению диссертанта, альтернативная квалификация рассматриваемого поведения в качестве согласованных действий была бы в данном случае предпочтительна. Поведение каждого из хозяйствующих субъектов при коллективном нарушении антимонопольного законодательства нельзя рассматривать изолированно. Тем не менее, ни одно из анализируемых решений антимонопольного органа не отражает, что были другие участники товарного рынка, которые также увеличили цену товара. Можно предположить, что если бы цены на автомобильные бензины повысила только одна из четырех нефтяных компаний, то решение антимонопольного органа текстуально ничем не отличалось бы от тех, что мы анализируем.

Не была учтена взаимосвязанность поведения хозяйствующих субъектов и в разбирательстве по поводу установления монопольно высоких цен на услуги связи в роуминге[266]. Решение по делу содержит анализ количественных

---

[262] Решение ФАС России от 27 октября 2008 г. по делу № 1 10/64-08.
[263] Решение ФАС России от 26 сентября 2008 г. по делу № 1 10/63-08.
[264] Решение ФАС России от 28 октября 2008 г. по делу № 1 10/62-08.
[265] Решение ФАС России от 26 сентября 2008 г. по делу № 1 10/61-08.
[266] Решение ФАС России от 23 ноября 2010 года по делу № 1 10/21-10.

показателей коллективного доминирующего положения, а также подробные выводы относительно необоснованности повышения цен. При этом антимонопольный орган не учитывал взаимосвязанность поведения мобильных операторов, хотя в тексте решения есть указание на то, что «при формировании тарифов для роумингового партнера оператор ориентируется на существующие в рамках иных Соглашений о роуминге тарифы, без учета экономической обоснованности затрат и необходимой прибыли при исполнении Соглашения о роуминге в качестве визитного оператора». Иными словами, при заключении договора между домашним и визитным операторами размер тарифов на услуги связи в роуминге определялся исходя из размера тарифов, установленных этим же домашним оператором в договоре с иными визитными операторами. Однако поскольку антимонопольный орган квалифицировал поведение хозяйствующих субъектов как злоупотребление доминирующим положением, то анализ взаимосвязи и обусловленности действий операторов проведен не был.

О возможности альтернативной квалификации в делах, где дается оценка повышению стоимости товара несколькими участниками товарного рынка, свидетельствует и ситуация, имевшая место на рынке хлористого калия. ФАС России признала нарушившими антимонопольное законодательство ОАО «Сильвинит» и ОАО «Уралкалий» за повышение цен на калий, необходимый для производства сложных минеральных удобрений. Однако если в 2007 году антимонопольный орган квалифицировал соответствующее поведение как установление монопольно высокой цены[267], то в 2009 году – как согласованные действия[268].

Нам неизвестно, чем обусловлена квалификация поведения хозяйствующих субъектов в каждом конкретном случае. Возможно, тот факт, что в 2007 году производители хлористого калия повысили цены не до единого уровня,

---

[267] Решение ФАС России от 23 апреля 2007 года по делу № 1 10/11-07. Подробности данного дела см. Обзор административной и судебной практики рассмотрения дел о нарушениях антимонопольного законодательства Российской Федерации о защите конкуренции / Сближение норм конкуренции в Российской Федерации ; сост. и авт. коммент. Н.Е. Фонарева. – М. : [б.и.], 2007. С. 8-17.

[268] Решение ФАС России от 21 декабря 2009 года по делу № 1 10/158-09.

антимонопольный орган воспринял как отсутствие единообразия в их поведении. Однако это в решении по делу не отражено. Более того, мы не уверены, что данный факт обязательно противоречит признакам согласованных действий, закрепленным на законодательном уровне.

Показательно в данном отношении одно из Решений Управления ФАС России по Нижегородской области[269]. Изначально антимонопольный орган возбудил дело в т.ч. по признакам нарушения статьи 11 ФЗ «О защите конкуренции» (запрет на согласованные действия на тот момент содержался там), но в результате отказался от такой квалификации в пользу злоупотребления доминирующим положением, так как ответчики-автошколы «вели самостоятельную ценовую политику».

Следовательно, правоприменительный орган вывел следующий критерий разграничения двух рассматриваемых запретов: при злоупотреблении коллективным доминирующим положением хозяйствующие субъекты формируют свою рыночную политику самостоятельно, а при осуществлении согласованных действий – совместно.

В первую очередь, из приведенной позиции следует, что действия различных хозяйствующих субъектов, составляющие злоупотребление коллективным доминирующим положением, автономны друг от друга. Ранее мы уже высказывали позицию относительно того, что согласованные действия, хотя и будучи предприняты не вследствие достигнутой сторонами договоренности, все же не носят абсолютно изолированного и независимого друг от друга характера. На наш взгляд, данное утверждение справедливо и применительно к злоупотреблению доминирующим положением. Если норма о коллективном доминировании изначально предназначена для нарушений на олигополистических товарных рынках (данный факт никем из исследователей не

[269] Решение Управления ФАС России по Нижегородской области от 07 октября 2011 г. № 1277-ФАС52-ТР-10-04/12-10 (оставлено в силе Постановлением Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26 марта 2013 г. по делу № А43-1717/2012).

опровергается), то признак взаимозависимости, присущий таким рыночным структурам, в той или иной мере влияет на выбор стратегии компании.

Данный вывод подтверждает позиция А.Е. Шаститко. Автор указывает: «… экономическое содержание коллективного (совместного) доминирования можно определить следующим образом: коллективное доминирование – характеристика структуры рынка, которая предполагает возможность решающего влияния на общие условия обращения товара на рынке со стороны двух и более хозяйствующих субъектов в условиях сравнительно невысоких издержек *координации* их действий… (курсив мой – А.С.)»[270].

Следовательно, фактически нарушить антимонопольное законодательство участники коллективного доминирования могут путем слаживания совместных усилий. В таком случае говорить о полной самостоятельности компаний, входящих в «коллектив» доминантов, при принятии решений не приходится.

Во-вторых, из текста решения Нижегородского УФАС России усматривается, что невозможность квалификации поведения ответчиков по статье 11 ФЗ «О защите конкуренции» была вызвана тем, что их действия не носили *синхронного* характера, а следовательно не было оснований утверждать, что хозяйствующие субъекты заранее были осведомлены о будущем поведении друг друга[271]. Фактически несоответствие действий хозяйствующих субъектов критерию синхронности также явилось единственным обоснованием их самостоятельности.

Приведенная аргументация свидетельствует о том, что антимонопольный орган использовал концепцию коллективного доминирующего положения для альтернативной квалификации.

---

[270] Шаститко А.Е. Рыночная власть коллективно доминирующих компаний в контексте применения антимонопольного законодательства // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2010. № 2. С. 61.

[271] На тот момент имел силу пункт 2 Постановления Пленума ВАС РФ № 30. Отраженная в данном пункте правовая позиция была воспринята правоприменителем таким образом, что осведомленность участников согласованных действий о поведении друг друга должна была устанавливаться на основании единообразия и синхронности их поведения.

Стоит признать, что в нескольких из рассмотренных выше дел, помимо установления необоснованно высоких цен, хозяйствующие субъекты также обвинялись в злоупотреблении доминирующим положением в иных формах (таких, как ценовая и неценовая дискриминация – пункты 6 и 8 части 1 статьи 10 ФЗ «О защите конкуренции). Соответственно, антимонопольный орган мог посчитать целесообразным квалифицировать все деяния ответчиков по одной статье закона.

Тем не менее, проблема разграничения антиконкурентных согласованных действий и злоупотребления коллективным доминирующим положением объективно существует.

3. Также в литературе можно встретить мнение, что введение признака публичного заявления одного из участников согласованных действий (пункт 2 части 1 статьи 8 ФЗ «О защите конкуренции») было нацелено на дифференциацию двух анализируемых правовых институтов[272].

Тем не менее, приведенная точка зрения не имеет под собой достаточных оснований. Анализ эволюции понятия согласованных действий дает понять: изначально признак, характеризующий форму информационного обмена между участниками согласованных действий, был введен для того, чтобы отграничить незаконное единообразное поведение хозяйствующих субъектов от непреднамеренного параллелизма, который по своей сути является правомерным.

Тем не менее, стоит согласиться с тем, что введение признака публичного заявления в статью 8 ФЗ «О защите конкуренции» имело и сопутствующие последствия. Одним из таковых как раз и выступает формальное разграничение норм о согласованных действиях и коллективном доминировании. Хотя подобное решение вопроса вряд ли можно назвать удачным, поскольку внесенные в закон изменения не дали ничего нового для понимания сущности взаимодействия конкурентов на олигополистических товарных рынках. В этой связи такое

[272] Суменков С.Ю. К вопросу о необходимости института коллективного доминирования // Конкуренция и право. 2015. № 1. С. 42.

разграничение правовых институтов является мнимым[273]. Более того, диссертант ранее уже высказывал позицию относительно изъятия признака публичности заявления одного из хозяйствующих субъектов из понятия согласованных действий. Соответственно, в случае исключения данного признака из статьи 8 ФЗ «О защите конкуренции» пропадет и формальный критерий разграничения злоупотребления коллективным доминирующим положением и антиконкурентных согласованных действий.

Таким образом, изложенные выше аргументы позволяют прийти к выводу, что категории «согласованные действия» и «злоупотребление коллективным доминирующим положением» недостаточно разведены между собой как на законодательном, так и на правоприменительном уровнях. Следовательно, задача по разграничению обозначенных понятий представляется крайне актуальной.

В литературе высказываются различные мнения относительно того, как может быть решена данная задача: от сохранения обеих анализируемых категорий с их частичным реформированием до изъятия одной из них.

Так, А.Н. Варламова[274] и И.В. Башлаков-Николаев[275] полагают, что наиболее целесообразно было бы исключить правовой институт коллективного доминирования из отечественной правовой системы. Обоснованием данной точки зрения служит тесная связь между данной категорией и такими нарушениями антимонопольного законодательства, как соглашения и согласованные действия.

Е.С. Хохлов, ссылаясь на зарубежный опыт, где категории коллективного доминирования и согласованных действий сосуществуют, напротив, считает данные концепция вполне самостоятельными. В то же время автор предлагает дополнить часть 3 статьи 5 ФЗ «О защите конкуренции» еще одним качественным критерием для определения коллективного доминирующего положения в делах о злоупотреблении им – наличие «каких-либо структурных или экономических

---

[273] Сулименко А.Д. Согласованные действия и коллективное доминирование: есть ли разница? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 7 (95). С. 136.

[274] Варламова А.Н. Правовое содействие развитию конкуренции на товарных рынках : дис. … докт. юрид. наук. М., 2008. С. 22, 324–326.

[275] Башлаков-Николаев И.В. Коллективное доминирование: вопросы теории и практики… С. 120.

взаимосвязей между хозяйствующими субъектами, делающих их «коллективным субъектом»[276].

Стремление автора устанавливать наличие взаимосвязи между коллективно доминирующими участниками товарных рынков вполне объяснимо. Ранее мы уже касались вопроса о том, что российская правоприменительная практика позволяет привлекать хозяйствующих субъектов к ответственности за злоупотребление коллективным доминирующим положением безотносительно поведения их конкурентов. Мы также анализировали дело Irish Sugar, рассмотренное Судом ЕС, в котором аспект установления связей между предприятиями сыграл важную роль. В данном отношении предложение Е.С. Хохлова стоит оценить положительно постольку, поскольку оно предполагает квалификацию в качестве злоупотребления коллективным доминирующим положением взаимосвязанного поведения нескольких хозяйствующих субъектов, а не каждого из них в отдельности.

С другой стороны, видится обоснованной позиция И.В. Башлакова-Николаева, С.В. Максимова и Н.М. Чепурновой. По мнению исследователей, обязательное требование к установлению взаимодействия участников коллективного доминирования приведет к необходимости «более четкого разграничения классического картеля и коллектива доминантов»[277].

На наш взгляд, предлагаемая мера действительно способна усугубить проблему разграничения различных форм монополистической деятельности, так как институт коллективного доминирования сможет применяться для пресечения соглашений и согласованных действий на олигополистических товарных рынках.

В то же время и отказываться от института коллективного доминирования полностью представляется неверным.

---

[276] Хохлов Е.С. Коллективное доминирование в антимонопольном праве // Законодательство. 2011. № 12. С. 32.

[277] Башлаков-Николаев И.В., Максимов С.В., Чепурнова Н.М. Правовой институт коллективного доминирования: от осознания проблем толкования к поиску законодательной формы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 12. С. 101.

Исследования указывают, что существует три альтернативных варианта применения части 3 статьи 5 ФЗ «О защите конкуренции»[278]:

- в процессе контроля за экономической концентрацией;
- в целях пресечения соглашений и согласованных действий;
- для противодействия злоупотреблению доминирующим положением.

Примечательно, что указанные опции перечислены в порядке от наиболее к наименее предпочтительной с точки зрения экономической теории. Таким образом, можно обнаружить, что исследователи признают высокую ценность института коллективного доминирования именно для анализа сделок экономической концентрации, в рамках которого антимонопольный орган может предотвратить возникновение рыночной власти на стороне нескольких хозяйствующих субъектов путем отказа в согласовании определенной сделки либо посредством выдачи предписания.

Данная позиция видится вполне обоснованной, поскольку понятие коллективного доминирующего положения предполагает анализ структурных особенностей товарного рынка. Законодательная конструкция согласованных действий, напротив, направлена на пресечение неправомерного взаимодействия хозяйствующих субъектов к общей выгоде. Во-первых, часть 1 статьи 8 ФЗ «О защите конкуренции» предполагает анализ взаимосвязанности и взаимообусловленности действий хозяйствующих субъектов. Полагаем, что рассматривать в отдельности поведение каждого участника рынка, повысившего цену товара, неверно. При условии отсутствия индивидуального доминирующего положения хозяйствующий субъект не может повысить цену с выгодой для себя без поддержки конкурентов. Категория согласованных действий направлена именно на учет взаимосвязанности действий участников товарного рынка. Тенденция же к анализу качественных критериев коллективного доминирования наметилась относительно недавно. Во-вторых, квалификация в качестве согласованных действий всегда предусматривает возможность признания

[278] Шаститко А.Е., Ионкина К.А. Химера отечественного антитраста: институт коллективного доминирования в России // Вопросы экономики. 2021. № 7. С. 82.

поведения хозяйствующих субъектов допустимым (статья 13 ФЗ «О защите конкуренции»), в то время как в случае отдельных форм злоупотребления доминирующим положением это невозможно (например, установление и поддержание монопольной цены могут быть признаны допустимыми только в том случае, если товар является результатом инновационной деятельности).

Таким образом, системное применение рассматриваемых норм будет способствовать предупреждению и пресечению монополистической деятельности, что полностью соответствует предмету и целям антимонопольного законодательства, отраженным в статье 1 ФЗ «О защите конкуренции».

Справедливость сделанных в рамках настоящего параграфа выводов, на наш взгляд, доказывает и опыт европейского наднационального регулирования. В частности, конкурентное право ЕС, наряду с понятием согласованной практики, оперирует также категорией коллективного доминирующего положения.

Согласно статье 102 ДФЕС, подлежит запрету любое злоупотребление со стороны одного или *нескольких* предприятий доминирующим положением на внутреннем рынке либо существенной его части (курсив мой – А.С.).

В течение долгого времени юристы не могли прийти к единому мнению относительно того, как понимать приведенную выше формулировку: узко (под «несколькими» предприятиями имеется в виду подобие группы лиц в российском праве) или широко (могут быть признаны доминирующими несколько независимых друг от друга субъектов)[279].

Конец данной дискуссии положил Суд ЕС, указав в решении по делу Italian Flat Glass, что два и более независимых хозяйствующих субъекта могут быть «объединены такими экономическими связями, что в силу самого этого факта они вместе занимают доминирующее положение по отношению к другим участникам того же рынка»[280].

---

[279] Whish R., Bailey D. Competition Law. – 9 ed. Oxford : Oxford University Press, 2018. P. 585–586.
[280] Joined cases T-68/89, T-77/89 and T-78/89, Società Italiana Vetro SpA, Fabbrica Pisana SpA and PPG Vernante Pennitalia SpA v Commission of the European Communities // ECR. 1992. II-01403. Para 358.

Интересно, что в рамках рассматриваемого судебного акта была также изложена позиция, из которой усматривается стремление судей отделить друг от друга нарушения, предусмотренные статьями 101 и 102 ДФЕС[281], – сговор (будь то соглашение или согласованная практика) и злоупотребление коллективным доминирующим положением. Поясним, что изначально Комиссия ЕС квалифицировала поведение компаний сразу по двум указанным статьям. На данный счет Суд ЕС указал, что недопустимо при наличии сговора между хозяйствующими субъектами также делать вывод о злоупотреблении ими доминирующим положением на том основании, что они занимают значительную долю рынка[282].

С одной стороны, логика приведенной правовой позиции вполне понятна и обусловлена недопустимостью снижения стандарта доказывания нарушений, предусмотренных статьей 101 ДФЕС. В частности, требования в отношении доказательств в делах о сговоре гораздо выше, нежели установление неких связей между предприятиями (к тому же на тот момент еще было неясно, в чем именно такие связи могли выражаться)[283]. С другой стороны, в анализируемом судебном акте не были приведены ориентиры, достаточные для определения соотношения двух рассматриваемых правонарушений.

В данном отношении крайне показательным стало решение по делу Maritime, которое содержало, на наш взгляд, кране противоречивые утверждения[284]. Сначала Суд ЕС признал, что одно и то же поведение может одновременно составлять нарушение двух установленных в европейском праве запретов: «Таким образом, одновременное применение статей 85 и 86 ДФЕС [в настоящее время – статьи 101 и 102 ДФЕС] не может быть априори исключено.

---

[281] На тот момент – статьи 85 и 86 ДФЕС соответственно.

[282] Ibid. Para 360.

[283] О размытости на тот момент категории связей между предприятиями писали отдельные авторы. См., например, Soames T., Rose N. An analysis of the principles of concerted practice and collective dominance: a distinction without a difference? // European Competition Law Review. 1996. Vol. 17. № 1. P. 33.

[284] Joint cases C-395/96 P and C-396/96 P, Compagnie Maritime Belge Transports SA, Compagnie Maritime Belge SA and Dafra-Lines A/S v Commission of the European Communities // ECR. 2000. I-01365.

Однако следует различать цели, преследуемые каждым из этих двух положений»[285].

Цели же рассматриваемых положений, по мнению Суда ЕС, различались тем, что статья 101 ДФЕС направлена на пресечение сговора независимо от рыночного положения его участников. В то же время злоупотребить коллективным доминирующим положением могут только лица, обладающие значительной рыночной властью[286].

С другой стороны, в решении указано также, что реализация соглашения или согласованной практики все-таки может привести к формированию между предприятиями таких связей, которые позволяют им действовать, как единый субъект, в отношении конкурентов, контрагентов и потребителей[287] (соответственно, наличие именно таких связей необходимо для установления злоупотребления доминирующим положением).

Характеризуя содержание анализируемого судебного акта в целом, стоит отметить, что оно крайне размыто. В частности, предложенный Судом ЕС подход к разграничению запретов, содержащихся в статьях 101и 102 ДФЕС, на наш взгляд, не учитывает того, что участники антиконкурентного соглашения или согласованной практики также могут обладать рыночной властью (пусть необязательно такой значительной, как доминанты, но все же). Не зря пункт 10 статьи 4 ФЗ «О защите конкуренции» относит соглашения и согласованные действия, наряду со злоупотреблением доминирующим положением, к формам монополистической деятельности.

Учитывая такую неопределенность в вопросе соотношения двух рассматриваемых правонарушений в конкурентном праве ЕС, неудивительно, что впоследствии категория коллективного доминирования не использовалась для признания факта злоупотребления рыночной властью. Основной акцент в правоприменении был сделан на контроле за экономической концентрацией.

---

[285] Ibid. Para 33.
[286] Ibid. Para 34.
[287] Idid. Para 44.

Необходимо, тем не менее, отметить, что достаточно интересным оказалось разбирательство по делу Piau, которое касалось оценки поведения ФИФА, национальных футбольных ассоциаций и футбольных клубов на рынке оказания агентских услуг игрокам[288]. Несмотря на то, что злоупотребление в данном случае установлено не было, Суд ЕС при определении критериев коллективного доминирующего положения сослался на решение по делу Airtours[289].

Поясним, что в рамках указанного решения сформулированы основные стандарты использования категории коллективного доминирования в целях *контроля за экономической концентрацией*. Так, вывод о возможности возникновения в будущем рыночной власти на стороне нескольких предприятий должен быть сделан в том случае, если в результате совершения сделки[290]:

- на товарном рынке возникнет информационная прозрачность (каждый участник «коллектива» доминантов сможет получать информацию о действиях своих конкурентов с целью отследить, следуют ли они общей линии поведения);
- на товарном рынке возникнут условия, обеспечивающие стабильность молчаливой координации (появятся факторы, препятствующие предприятиям в отступлении от общей рыночной политики либо стимулирующие их к соблюдению «правил игры»);
- на товарном рынке не возникнет «противоборствующая» сила в лице нынешних и потенциальных конкурентов и потребителей (прогнозируемая реакция других участников рынка окажется неспособна превзойти выигрыши доминантов от следования общей линии поведения).

Факт того, что приведенные выше критерии в деле Piau были использованы при оценке законности уже совершенных действий, свидетельствует, на наш взгляд, о том, что Суд ЕС стремился сблизить стандарты доказывания, выработанные для целей пресечения злоупотребления доминирующим положением, с одной стороны, и для целей контроля за экономической

---

[288] Case T-193/02, Laurent Piau v Commission of the European Communities // ECR. 2005. II-00209.
[289] Case T-342/99 DEP, Airtours v Commission of the European Communities // ECR. 2002. II-02585.
[290] Ibid. Para 62.

концентрацией, с другой стороны. При этом отдельные авторы позже указывали, что критерии, отраженные в решении по делу Airtours далеко не всегда пригодны для ex-post, или ретроспективного, анализа[291].

В целом необходимо отметить, что выработанные в рамках разбирательства Airtours признаки, в сущности, представляют собой стимулы к сговору, что обнаруживает связь между категориями коллективного доминирования и соглашений, согласованной практики. Очевидно, именно в силу наличия такой связи и, как следствие, невозможности четко разграничить два рассматриваемых правонарушения (статьи 101 и 102 ДФЕС) понятие коллективного доминирующего положения на данный момент для пресечения злоупотреблений рыночной властью не используется. Это, в свою очередь, стало возможным благодаря тому, что в конкурентном праве ЕС существует другой механизм для пресечения схожего по своему содержанию поведения хозяйствующих субъектов – запрет на соглашения, согласованную практику и решения ассоциаций.

[291] Filippelli M. Collective Dominance and Collusion. Parallelism in EU and US Competition Law… P. 131.

Глава 3. Предупреждение и пресечение согласованных действий, ограничивающих конкуренцию на товарных рынках

§1. Правовые механизмы предупреждения антиконкурентных согласованных действий

В юридической литературе высказывается мнение, что принцип приоритета превенции является одним из основополагающих в сфере государственного антимонопольного контроля[292]. На сегодняшний день предупреждение монополистической деятельности на товарных рынках действительно является одним из важнейших направлений конкурентной политики нашего государства[293].

Статья 1 ФЗ «О защите конкуренции» с самого момента его создания предусматривает, что данный нормативный правовой акт определяет организационные и правовые основы в т.ч. предупреждения монополистической деятельности. В качестве основного средства такого предупреждения на протяжении ряда лет рассматривался механизм привлечения хозяйствующих субъектов к юридической ответственности[294].

Однако данный подход, хотя и соответствует сложившемуся в науке представлению о функциях межотраслевого института юридической ответственности[295], все-таки не в состоянии предотвратить наступление

---

[292] Самолысов П.В. Принципы государственного антимонопольного контроля [Электронный ресурс] // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 2. С. 42–48. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2025).

[293] Далее понятия «предупреждение», «превенция» и «профилактика» будут использоваться в качестве синонимичных. При этом в юридической литературе есть различные мнения относительно их соотношения. См., например, Репьев А.Г., Васильков К.А. «Превенция» как правовая категория: в порядке научной дискуссии // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 2 (133). С. 35–42.

[294] Молчанов А.В. Антимонопольный комплаенс: значение и перспективы правового регулирования // Юрист. 2017. № 17. С. 11–12.

[295] См., например, Дугенец А.С., Тищенко Ю.Ю. К вопросу о возможностях уголовно-правового воздействия на предупреждение преступлений // Российский следователь. 2022. № 4. С. 58–60; Малько А.В., Липинский Д.А., Маркунин Р.С. Юридическая ответственность как средство предупреждения правонарушений: актуальные проблемы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 17, 20; Липинский Д.А. Взаимодействие функций гражданско-

негативных последствий противоправного поведения. В силу обозначенной причины антимонопольные органы и субъекты предпринимательской деятельности со временем стали уделять все бóльшее внимание необходимости развития дополнительных механизмов, которые могли бы минимизировать риск совершения антимонопольных правонарушений. В отечественном конкурентном праве постепенно стали появляться новые институты, направленные на превенцию различных форм монополистической деятельности.

На сегодняшний день представляется возможным выделить следующие правовые механизмы предупреждения согласованных действий, ограничивающих конкуренцию:

- выдача должностному лицу хозяйствующего субъекта предостережения о недопустимости нарушения антимонопольного законодательства;
- организация хозяйствующим субъектом системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства (внедрение «антимонопольного комплаенса»);
- осуществление антимонопольным органом государственного контроля за экономической концентрацией.

Рассмотрим каждый из них в отдельности.

1. Институт предостережения был введен в отечественную правовую систему с принятием «третьего антимонопольного пакета».

На данный момент, согласно статье 25.7 ФЗ «О защите конкуренции», в целях предупреждения нарушения антимонопольного законодательства антимонопольный орган направляет должностному лицу хозяйствующего субъекта предостережение в письменной форме о недопустимости совершения действий, которые могут привести к нарушению антимонопольного законодательства. Основанием для направления соответствующего документа является публичное заявление такого лица о планируемом поведении на товарном

правовой ответственности в предупреждении правонарушений: общетеоретический аспект // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 1. С. 38.

рынке либо иная достоверная информация о планируемом поведении на товарном рынке, если такое поведение может привести к нарушению антимонопольного законодательства и при этом отсутствуют основания для возбуждения и рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства.

Юридическое сообщество приветствовало введение института предостережения в отечественное законодательство, поскольку это свидетельствовало о смещении акцента в правоприменительной деятельности антимонопольных органов в сторону профилактики правонарушений[296].

При этом интересно, что статья 17 Федерального закона от 13 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» действительно включает в число форм профилактического воздействия объявление официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершений правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения[297].

Данный факт наводит на мысль, что институт предостережения является межотраслевым, ведь в рамках своей компетенции полномочиями на выдачу такого индивидуального правового акта обладают также прокуроры[298] и органы Федеральной службы безопасности РФ (ФСБ России)[299].

Тем не менее, по отношению к другим одноименным документам предостережение антимонопольного органа обладает значительной спецификой, поскольку оно не содержит обязательных требований и законодательство не предусматривает каких-либо юридически значимых последствий его

---

[296] Бащлаков-Николаев И.В. Антимонопольный орган как орган предупредительного контроля [Электронный ресурс] // Современный юрист. 2014. № 4. С. 43–55. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2025); Молчанов А.В. Предостережения как механизм антимонопольного контроля // Российское конкурентное право и экономика. 2016. № 4 (8). С. 25; Процедуры в конкурентном праве : учебное пособие / отв. ред. С.А. Пузыревский. Москва : Проспект, 2019. С. 81.

[297] Федеральный закон от 13 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // http://www.pravo.gov.ru.

[298] Статья 25^1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. 1992. № 39.

[299] Статья 13^1 Федерального закона от 03 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 15. Ст. 1269.

неисполнения[300]. В этой связи возникла дискуссия относительно юридической природы рассматриваемого документа.

Е.С. Хохлов определяет предостережение как «*ненормативный правовой акт* антимонопольного органа, адресованный должностному лицу хозяйствующего субъекта (или органа государственной власти в соответствующих случаях), содержащий информацию о недопустимости совершения действий, которые могут привести к нарушению антимонопольного законодательства (курсив мой – А.С.)»[301].

А.Я. Рыженков, напротив, считает, что предостережение антимонопольного органа «является не правоприменительным, а скорее информационным актом»[302]. Схожей позиции придерживается и Е.Ю. Борзило, по мнению которой рассматриваемый документ представляет собой способ доведения информации до хозяйствующих субъектов, не являясь при этом реальным инструментом регулирования общественных отношений[303].

Вторая из приведенных точек зрения видится более обоснованной, поскольку в теории административного права выработаны определенные признаки ненормативного (индивидуального) правового акта, которым предостережение антимонопольного органа не отвечает. Так, Л.Л. Попов и Ю.И. Мигачев указывают: «По своему юридическому содержанию [индивидуальные правовые акты] – это распорядительные правовые акты, в которых находит выражение конкретное юридически властное волеизъявление субъект исполнительной власти»[304]. При этом никаких обязательных к

---

[300] Пузыревский С.А., Груничев А.С. Некоторые итоги реформы антимонопольного регулирования [Электронный ресурс] // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 3. С. 3–9. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2025).

[301] Хохлов Е.С. Меры предупредительного воздействия на хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение [Электронный ресурс] // Закон. 2017. № 4. С. 132–140. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2025).

[302] Рыженков А.Я. Право и монополии в современной России... С. 142.

[303] Борзило Е.Ю. Предупреждения и предостережения антимонопольного органа как инструмент правового регулирования в России // Бизнес. Образование. Право. 2016. № 1 (34). С. 194.

[304] Попов Л.Л., Мигачев Ю.И. Административное право Российской Федерации : учебник : в 2 т. Т.1 / отв. ред. С.М. Зубарев, Л.Л. Попов. Москва : Проспект, 2024. С. 180.

исполнению требований в отношении хозяйствующих субъектов предостережение не содержит.

Тем не менее, дискуссия относительно правовой природы предостережения антимонопольного органа носит на данный момент скорее теоретический характер. Практический же смысл ее заключается в ответе на вопрос, можно ли обжаловать такие документы в судебном порядке. На данный вопрос Верховный Суд РФ ответил отрицательно[305], так что дальнейшее его обсуждение не имеет смысла.

В то же самое время вызывают интерес отдельные предложения относительно изменения оснований для выдачи предостережений. В соответствии с частью 2 статьи 25^7 ФЗ «О защите конкуренции», в качестве такого основания выступает публичное заявление должностного лица хозяйствующего субъекта либо иная достоверная информация о планируемом поведении на товарном рынке, если такое поведение может привести к нарушению антимонопольного законодательства.

Так, М.А. Егорова высказывала позицию, в соответствии с которой было бы целесообразно предусмотреть в законе еще одно основание для направления предостережения – параллельное поведение хозяйствующих субъектов[306].

Мы согласны с тем, что единообразное и синхронное поведение конкурентов является одним из индикаторов согласованных действий. Однако выдача предостережения предполагает, что лицо, которому оно адресовано, еще не приступило к осуществлению планируемых действий. Параллелизм же свидетельствует о том, что фактически хозяйствующие субъекты уже реализуют определенную модель поведения, а следовательно, есть основания для возбуждения в отношении них дела о нарушении антимонопольного

---

[305] Определение Верховного Суда РФ от 05 августа 2015 г. № 307-КГ15-8870 по делу № А21-7325/2014; Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 07 мая 2015 г. по делу № А21-7325/2014; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 09 февраля 2015 г. по делу № А21-7325/2014; Постановление Арбитражного суда Калининградской области от 13 октября 2014 г. по делу № А21-7325/2014.

[306] Егорова М.А. Современные подходы к правовому регулированию согласованных действий хозяйствующих субъектов товарных рынков // Конкурентное право. 2012. № 3. С. 13.

законодательства. В таком случае можно поставить вопрос о том, целесообразно ли распространить на согласованные действия хозяйствующих субъектов институт предупреждения.

В соответствии со статьей 39^1 ФЗ «О защите конкуренции», предупреждение выдается хозяйствующим субъектам в целях пресечения действий, которые приводят в т.ч. к недопущению, ограничению, устранению конкуренции. При условии выполнения предупреждения дело о нарушении антимонопольного законодательства не возбуждается и лицо, выполнившее предупреждение, не подлежит административной ответственности.

Фактически антимонопольный орган выдает предупреждение в том случае, если обнаруживает отдельные признаки нарушения антимонопольного законодательства. В случае согласованных действий таким признаком, несомненно, выступает повышение цен на товар несколькими участниками товарного рынка. Однако такой же признак присущ и антиконкурентным соглашениям. В этой связи распространение института предупреждения на согласованные действия фактически будет означать распространение его и на картели. При этом жесткость правового режима картеля, которой привержена российская правовая система, не позволяет прийти к выводу, что на сегодняшний день законодатель готов распространить на картель подобные механизмы мягкого реагирования. Следовательно, и на согласованные действия хозяйствующих субъектов их распространять не стоит.

Необходимо также отметить, что до недавнего времени часть 2 статьи 25^7 ФЗ «О защите конкуренции» предусматривала, что основанием для выдачи предостережения антимонопольного органа являлось исключительно публичное заявление должностного лица хозяйствующего субъекта. Однако на данный момент закон указывает также на любую достоверную информацию о планируемом поведении на товарном рынке[307].

[307] Указанные изменения внесены Федеральным законом от 14 октября 2024 г. № 344-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» // http://www.pravo.gov.ru

На наш взгляд, внесенные в закон изменения стоит оценить положительно. Они расширяют круг источников, из которых антимонопольные органы могут почерпнуть информацию о возможном будущем нарушении, что в целом создает условия для более активной превенции незаконного поведения хозяйствующих субъектов. К тому же ранее диссертант уже предложил рассматривать публичное заявление как один из возможных, но не единственный способ доведения информации о своем будущем поведении до конкурентов.

Конечно, отдельные исследователи могут счесть подобное расширение оснований для выдачи предостережения чрезмерным. Например, А.Н. Варламова еще на момент появления в отечественном законодательстве института предостережения высказывала позицию о его излишности. Автор указывала, что в результате нововведений антимонопольный орган получит возможность осуществлять контроль не только за поведением хозяйствующих субъектов, но и за заявлениями их должностных лиц. При этом, по мнению А.Н. Варламовой, «за заявлениями далеко не всегда следуют действия, соответствующие данным заявлениям»[308].

В то же время видится, что сейчас – по истечении более 10 лет с момента внесения в закон соответствующих изменений – выдача предостережений в адрес хозяйствующих субъектов приобрела бóльшую актуальность, нежели ранее. Так, в непростых экономических условиях, связанных с распространением коронавирусной инфекции, а также внешнеполитической обстановкой, антимонопольные органы уделяли и продолжают уделять повышенное внимание мониторингу ценообразования на социально значимых товарных рынках, продолжает работу «горячая линия» ФАС России[309].

В силу этого свое применение институт предостережения о недопустимости нарушения антимонопольного законодательства нашел применение в сферах

---

[308] Интервью с Аллой Николаевной Варламовой, доктором юридических наук, профессором кафедры коммерческого права и основ правоведения юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс] // Конкурентное право. 2012. № 2. С. 36–41. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2025).

[309] См. сообщение на официальном сайте ФАС России. URL: https://fas.gov.ru/news/33262 (дата обращения: 15.11.2025).

реализации продовольственных товаров[310], лекарственных препаратов[311], туристских продуктов и услуг[312] и т.д. Об увеличении общего количества выдаваемых предостережений свидетельствует статистика, приведенная в Докладах о состоянии конкуренции в Российской Федерации[313].

Более того, необходимость быстрого реагирования на заявления должностных лиц хозяйствующих субъектов потребовала от ФАС России сократить сроки подготовки и направления предостережений[314]. Все это свидетельствует о том, что антимонопольные органы признают ценность и эффективность рассматриваемого механизма в нынешних условиях.

Помимо прочего, хотелось бы отметить следующее. Стоит согласиться: должностное лицо организации, делая в публичной сфере заявление относительно возможного увеличения цены на определенные товары в будущем, может и не иметь умысла на совершение правонарушения. Тем не менее, вследствие подобных прогнозов на товарном рынке может возникнуть ажиотажный спрос, что закономерно приведет к дефициту и росту стоимости соответствующей продукции. В таких случаях институт предостережения также может быть полезен: он способен воспрепятствовать повышению цены товара, даже если нарушение антимонопольного законодательства отсутствует.

Разумеется, предприниматели могут делать подобные высказывания вполне осознанно с целью максимизации прибыли. А вот для хозяйствующих субъектов,

---

[310] Например, Предостережение ФАС России от 25 августа 2023 г. № МШ/68614/23; Предостережение ФАС России от 30 августа 2023 г. № МШ/70121/23; Предостережение ФАС России от 26 мая 2020 г. № ИА/44066/20; Предостережение ФАС России от 07 августа 2020 г. № АЦ/67653/20.

[311] Например, Предостережение ФАС России от 25 мая 2020 г. № ИА/43667/20; Предостережение ФАС России от 25 мая 2020 г. № ИА/43669/20.

[312] Например, Предостережение ФАС России от 17 марта 2022 г. № МШ/21937/22; Предостережение ФАС России от 17 марта 2022 г. № МШ/21935/22.

[313] Если за 2017 г. было выдано 95 предостережений, то в 2023 г. их число достигло 329, в 2024 г. – 182. См. Доклад о состоянии конкуренции в РФ за 2024 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАС России. URL: https://fas.gov.ru/documents/689965 (дата обращения: 15.11.2025).

[314] Приказ ФАС России от 12 апреля 2022 г. № 285/22 «Об утверждении порядка направления предостережения о недопустимости совершения действий, которые могут привести к нарушению антимонопольного законодательства, и его формы» (зарег. в Минюсте России 21 июля 2022 г. № 69331) // http://pravo.gov.ru

которые действительно не могут полноценно оценить возможные последствия своего поведения, в т.ч. публичных заявлений, может быть крайне полезным внедрение «антимонопольного комплаенса».

2. Легальная дефиниция понятия «система внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства» появилась относительно недавно[315].

В соответствии с пунктом 24 статьи 4 ФЗ «О защите конкуренции», под такой системой понимается совокупность правовых и организационных мер, предусмотренных внутренним актом (внутренними актами) хозяйствующего субъекта либо другого лица из числа лиц, входящих в одну группу лиц с этим хозяйствующим субъектом, если такой внутренний акт (внутренние акты) распространяется на этого хозяйствующего субъекта, и направленных на соблюдение им требований антимонопольного законодательства и предупреждение его нарушения.

Помимо легальной дефиниции, существуют и доктринальные определения рассматриваемого понятия. Однако перед их анализом необходимо оговориться, что зачастую авторы используют в качестве синонима термину, раскрытому выше, словосочетание «антимонопольный комплаенс» (от англ. compliance – соответствие), которое уже прочно вошло в юридический лексикон. Соответственно, и оценку приведенным ниже определениям нужно давать исходя из этих позиций.

Так, Д.М. Ашфа при раскрытии содержания термина «система внутреннего предупреждения нарушений антимонопольного законодательства» делает упор на два основных аспекта: (а) такая система является частью системы корпоративного управления в организации; (б) эта система направлена на снижение антимонопольных рисков и развитие правовой культуры работников юридического лица[316].

---

[315] Федеральный закон от 01 марта 2020 г. № 33-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» // http://www.pravo.gov.ru

[316] Ашфа Д.М. Корпоративные механизмы предупреждения нарушений антимонопольного законодательства : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2021. С. 10.

В.А. Бодренков и Ю.Г. Прохорова, рассматривая антимонопольный комплаенс с практических позиций, определяют его как «добровольную деятельность компании по изучению антимонопольного закона, распространению этих знаний среди сотрудников и принятие мер, направленных на предотвращение нарушений антимонопольного закона…»[317].

Таким образом, приведенные выше дефиниции акцентируют внимание на направленности системы антимонопольного комплаенса на соответствие деятельности хозяйствующего субъекта обязательным требованиям, установленным на законодательном уровне. В этом смысле можно утверждать, что многие авторы отождествляют понятие «антимонопольный комплаенс» и термин «система внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства», использованный в статье 4 ФЗ «О защите конкуренции».

Тем не менее, анализ работ отдельных исследователей показывает, что содержание понятия «антимонопольный комплаенс» несколько шире, ведь его предназначение не исчерпывается лишь соблюдением законности.

Так, А.Н. Варламова полагает, что данный правовой институт также включает аспект наиболее рационального решения хозяйственных задач: «Другими словами, комплаенс позволяет предпринимателям избрать такие способы правовых действий, которые наиболее удовлетворяют их экономические интересы, но при этом позволяют оставаться в рамках правового поля»[318].

А.Г. Цыганов также указывает, что внедрение хозяйствующими субъектами системы антимонопольного комплаенса может предотвратить ошибки в

---

[317] Бодренков В.А., Прохорова Ю.Г. Антимонопольный комплаенс: конкурентное преимущество и гарант развития бизнеса // Антимонопольный комплаенс как эффективный инструмент профилактики нарушений / под общ. ред. С.А. Пузыревского : монография. М. : ИГ Юрист, 2019. С. 113.

[318] Варламова А.Н. Правовые средства осуществления антимонопольного комплаенса [Электронный ресурс] // Конкурентное право. 2019. № 1. С. 5–9. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2025).

правоприменении: компании, использующие данный механизм, имеют больше возможностей для отстаивания своей позиции в споре с регулятором[319].

Но наиболее широко понятие антимонопольного комплаенса, на наш взгляд, трактуют В.Ф. Попондопуло и Д.А. Петров. По мнению ученых, задача рассматриваемого института состоит в том, чтобы деятельность хозяйствующего субъекта отвечала не только положениям нормативных и индивидуальных правовых актов, но также иным факторам, в число которых входят обыкновения делового оборота, акты толкования норм права, требования добросовестности, разумности и справедливости[320] и т.д.

Таким образом, на взгляд ряда исследователей, понятие антимонопольного комплаенса по своему содержанию значительно шире, чем легальный термин «система внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства».

Представляется, такое понимание комплаенса, будучи излишне широким для закрепления на законодательном уровне, тем не менее, содержательно как нельзя лучше описывает идеальную модель добросовестного поведения участников гражданского оборота.

Вернемся к приведенному ранее примеру создания искусственного ажиотажного спроса. Строго говоря, такое поведение четко нельзя квалифицировать как нарушение какого-либо антимонопольного запрета. При этом, однако, добросовестный участник товарного рынка, который, к тому же, располагает необходимыми знаниями в сфере защиты конкуренции, не должен позволять себе таких действий.

---

[319] Комплаенс – стимул, принуждение или инструмент контроля? Интервью с Андреем Геннадьевичем Цыгановым [Электронный ресурс] // Конкуренция и право. 2016. № 2. С. 5–9. URL: https://cljournal.ru/interview/150/ (дата обращения: 15.11.2025).
О справедливость тезиса, выдвинутого А.Г. Цыгановым, свидетельствуют публикации практикующих юристов. См. Абдульменов А., Пружанский В. Процедура комплаенса при установлении цен: случай из практики // Конкуренция и право. 2015. № 5. С. 47–52.

[320] Попондопуло В.Ф., Петров Д.А. Комплаенс как система управления рисками в сфере предпринимательства // Антимонопольный комплаенс как эффективный инструмент профилактики нарушений / под общ. ред. С.А. Пузыревского : монография. М. : ИГ Юрист, 2019. С. 24.

В этой связи предпочтительно, чтобы при формировании и развитии правовой культуры предприниматели руководствовались широким толкованием понятия «комплаенс». Будучи явлением многогранным, он служит интересам всех: хозяйствующих субъектов, конечных потребителей, государства. Очевидно, именно поэтому В.В. Кванина называет антимонопольный комплаенс публично-частным правовым институтом[321].

Переходя к вопросу практической реализации рассматриваемого механизма, хотелось бы отметить: грамотное определение антимонопольных рисков конкретного хозяйствующего субъекта является одним из важнейших этапов внедрения антимонопольного комплаенса.

В литературе справедливо отмечают, что хозяйствующие субъекты нередко затрудняются определить, является ли их поведение допустимым. Это объясняется тем, что «… применение многих положений антимонопольного законодательства сопряжено с непростой оценкой рыночной ситуации и последствий для товарного рынка тех или иных действий компании»[322]. Проводит такую оценку каждый хозяйствующий субъект самостоятельно, исходя из многих факторов, в том числе: специфики товарного рынка, характера своей деятельности, предшествующей истории взаимоотношений с регулятором и т.д.

Какие же участники товарного рынка несут риски осуществления согласованных действий, ограничивающих конкуренцию? Стоит отметить, что значительному риску соглашений и согласованных действий подвержены не только крупные, но и малые фирмы[323].

Опираясь на сделанные нами ранее выводы, можно заключить, что наибольшие риски вовлечения в антиконкурентные согласованные действия

---

[321] Кванина В.В. Антимонопольный комплаенс: что нового? [Электронный ресурс] // Конкурентное право. 2019. № 4. С. 45–48. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2025).

[322] Пузыревский С.А. Комплаенс как способ предупреждения нарушений антимонопольного законодательства // Конкуренция и право. 2014. № 5. С. 6.

[323] И.В. Князева и К.В. Дозмаров отмечают, что высокая вероятность нарушения запрета на картели присуща хозяйствующим субъектам любого размера. См. Князева И.В., Дозмаров К.В. Антимонопольный комплаенс – профилактика компаниями рисков нарушения конкурентного законодательства // ЭКО. 2020. № 4. С.115.

лежат на компаниях, осуществляющих деятельность в условиях олигополии. Тем не менее, только ими круг таких субъектов не ограничивается, поскольку даже участники высококонкурентных товарных рынков могут способствовать повышению уровня информационной прозрачности. Таким образом, меры по снижению рисков нарушения требований статьи 11^1 ФЗ «О защите конкуренции» желательно включить в свой внутренний (локальный) акт любому хозяйствующему субъекту.

На наш взгляд, положения комплаенс-политики, направленные на снижение риска совершения согласованных действий, можно сформулировать следующим образом.

Сотрудникам следует:

- самостоятельно, т.е. не ориентируясь на конкурентов, принимать коммерчески значимые решения относительно установления цен и объемов производства/продаж товара, а также территории его реализации;
- при принятии коммерчески значимых решений руководствоваться экономическим обоснованием, которое в случае необходимости можно представить антимонопольному органу;
- воздержаться от совместных с конкурентами синхронных и единообразных действий по установлению цен, изменению объемов производства или территории реализации товара, если таким действиям нет экономического обоснования;
- воздержаться от распространения сведений относительно поведения Компании на товарном рынке (в т.ч. посредством размещения таких сведений в СМИ, сети «Интернет», сообщения их на собраниях ассоциаций или иных мероприятиях с участием конкурентов, в личной переписке, на переговорах и т.п.);
- воздержаться от оглашения прогнозов относительно изменения рыночной ситуации в будущем (в т.ч. изменения цен, спроса на товар);

- воздержаться от передачи конкурентам информации относительно коммерческой политики Компании (в т.ч. если такая передача осуществляется опосредованно, через третьих лиц);
- воздержаться от следования рекомендациям третьих лиц относительно цен на товар, объема производства или продажи продукции и т.п.

3. Осуществление государственного контроля за экономической концентрацией также является одним из механизмов предупреждения антиконкурентных согласованных действий.

Пункт 21 статьи 4 ФЗ «О защите конкуренции» определяет экономическую концентрацию как сделки, иные действия, осуществление которых оказывает влияние на состояние конкуренции.

При этом очевидно, что приведенная дефиниция содержательно не раскрывает анализируемое понятие. В этой связи представляется удачным определение, предложенное К.Б. Овакимяном. Автор указывает, что экономическая концентрация – это «сделки, решения собраний, а также иные действия физических и юридических лиц, государственных и муниципальных органов, осуществление которых влечет перераспределение объектов гражданских прав таким образом, что возможности одного или нескольких хозяйствующих субъектов в одностороннем порядке оказывать влияние на общие условия обращения товаров на рынке увеличиваются или уменьшаются»[324].

Указанное определение удачно тем, что акцентирует внимание на возможных последствиях реализации действий и сделок, составляющих объект государственного контроля. Такие последствия могут заключаться в т.ч. в возникновении на товарном рынке коллективного доминирующего положения, которое само по себе нарушением антимонопольного законодательства не является, но может привести к возникновению т.н. координационных эффектов. В

[324] Овакимян К.Б. Правовое регулирование государственного контроля за экономической концентрацией: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2021. С. 9–10.

сущности, наличие координационных эффектов означает повышенную подверженность товарного рынка явному и молчаливому сговору[325].

Предотвращение указанных негативных явлений на товарных рынках – одна из основных задач антимонопольного органа при согласовании соответствующих действий и сделок, в ходе которого последовательно необходимо ответить на три ключевых вопроса: (а) подлежит ли сделка контролю; (б) если да, то может ли она нести в себе угрозу для конкуренции; (в) если да, то можно ли такую угрозу устранить[326].

Ответ на первый из обозначенных вопросов сформулирован законодателем и отражен в главе 7 ФЗ «О защите конкуренции». Второй – вызывает гораздо больше сложностей, поскольку предполагает построение прогноза относительно будущего изменения состояния конкуренции на товарном рынке.

Ранее мы уже касались того, что применительно к возможному возникновению координационных эффектов крайне полезной может оказаться концепция коллективного доминирования. Тем не менее, в литературе высказывается и противоположная точка зрения. Она заключается в том, что в процессе согласования сделок экономической концентрации антимонопольный орган в состоянии построить прогноз лишь относительно изменения размера долей хозяйствующих субъектов на рынке, в то же время установить, возникнут ли в будущем качественные критерии коллективного доминирования (пункты 2-3 части 3 статьи 5 ФЗ «О защите конкуренции»), невозможно. Соответственно, норму о коллективном доминирующем положении нельзя использовать в процессе согласования сделок экономической концентрации[327].

Тем не менее, хотелось бы отметить, что в конкурентном праве ЕС концепция коллективного доминирования уже давно применяется именно в этих

---

[325] Шаститко А.Е. Экономико-правовые аспекты коллективного доминирования… С. 186.

[326] Редькина А. Использование предписаний в российском контроле экономической концентрации: модели дискретного выбора // Современная конкуренция. 2015. Том 9. № 5 (53). С. 6.

[327] Башлаков-Николаев И.В. Коллективное доминирование: вопросы теории и практики... С. 14–15.

целях. Так, впервые с вопросом о возможности расширения контроля ex ante[328] на олигополистические товарные рынки Суд ЕС столкнулся в рамках разбирательства Kali und Salz[329]. Обстоятельства дела заключались в том, что Европейская комиссия одобрила слияние предприятий, результатом которого могло стать образование дуополии. По мнению регулятора, Регламент Совета ЕС по контролю экономической концентрации напрямую предусматривал возможность оценки возникновения лишь индивидуальной, но не коллективной рыночной власти компаний[330].

Тем не менее, Суд ЕС пришел к иному выводу: «В случае предположения о коллективном доминирующем положении Комиссия обязана оценить…, приводит ли сделка экономической концентрации, находящаяся на согласовании, к ситуации, при которой эффективной конкуренции на соответствующем рынке существенно препятствуют предприятия – участники сделки, а также одно или несколько других предприятий, которые совместно (в частности, в силу факторов, порождающих связь между ними) способны придерживаться единой рыночной стратегии и действовать в значительной степени независимо от своих конкурентов, покупателей и потребителей»[331].

Таким образом, в конкурентном праве ЕС была признана возможность применения концепции коллективного доминирования ex ante. В последующем данная идея получила свое дальнейшее развитие.

В деле Gencor Суд ЕС акцентировал внимание на связях между хозяйствующими субъектами, которые могут благоприятствовать координации их поведения. В данном отношении особый интерес для нас представляют два вывода, отраженные в решении по рассматриваемому делу.

---

[328] Ex-ante (от лат. «до события») – предварительный, или перспективный, контроль.

[329] Joined cases C-68/94 and C-30/95, French Republic and Société commerciale des potasses et de l'azote (SCPA) and Entreprise minière et chimique (EMC) v Commission of the European Communities // ECR. 1998. I-01375.

[330] Council Regulation (EEC) № 4064/89 of 21 December 1989 on the control of concentrations between undertakings // OJ L 395. 1989. P. 1–12 (на данный момент документ утратил силу).

[331] Joined cases C-68/94 and C-30/95… Para 221.

Первый заключается в том, что, по мнению суда, при олигополистической структуре рынка размер долей предприятий необязательно имеет столь большое значение, как в случае индивидуального доминирования. Фактически Суд ЕС указал на то, что при использовании концепции коллективного доминирующего положения могут играть значительную роль качественные критерии рыночной власти.

Соответственно, в продолжение своих размышлений Суд ЕС прокомментировал один из таких качественных критериев, а именно наличие связи между участниками товарного рынка. Как указано в решении, «нет никаких оснований – ни с правовой, ни с экономической точки зрения – исключать из понятия экономических связей отношения взаимозависимости, существующие между участниками чистой олигополии…». Таким образом, Суд ЕС стал рассматривать взаимозависимость участников олигополистического товарного рынка в качестве фактора, который необходимо учитывать и, при возможности, предотвращать при анализе сделок экономической концентрации.

Стоит отметить, что приведенная правовая позиция стала только первым шагом европейского наднационального антимонопольного регулирования на пути к раскрытию понятия «коллективное доминирование», а также рамок его применения при осуществлении контроля за экономической концентрацией. Появившееся вслед за этим решение по делу Airtors еще более четко очертило границы использования рассматриваемой категории, чем оказало значительное влияние на правоприменительную практику[332].

Таким образом, в рамках наднационального европейского права уже сложились подходы к перспективной оценке вероятности возникновения координационных эффектов между предприятиями. Следовательно, не представляется возможным согласиться с приведенным выше суждением относительно невозможности применения концепции коллективного доминирования при анализе сделок экономической концентрации.

---

[332] Подробнее о деле Airtours см. на стр. 130.

Возвращаясь к отечественному правовому полю, хотелось бы отметить следующее. Несмотря на отдельные проблемы в вопросах анализа качественных характеристик товарного рынка, ФАС России прилагает немалые усилия к тому, чтобы оценка влияния сделок экономической концентрации на конкуренцию не носила формального характера.

В частности, в Разъяснении Президиума ФАС России № 19 отражено, что рыночная доля хозяйствующих субъектов является лишь одним из индикаторов угрозы возникновения рыночной власти у сторон сделки. В этой связи анализу подлежат, в т.ч.:

- «соотношение рыночных долей участников сделки с рыночными долями иных участников рынка, степени изменения рыночных долей в исследуемый период, в том числе и в перспективе с учетом наличия барьеров входа на рынок и преодолимости выявленных барьеров входа»[333];
- возможность «переключения потребителей на альтернативных поставщиков и степень рыночной власти покупателей»[334].

Перечисленные показатели соотносятся с отдельными качественными критериями коллективного доминирования, указанными в пунктах 2–3 части 3 статьи 5 ФЗ «О защите конкуренции», такими как: относительные размеры долей хозяйствующих субъектов, возможность доступа на товарный рынок новых конкурентов, возможность заменить товар другим при потреблении. Потому соискатель не стал бы принципиально отрицать осуществимость прогноза в отношении возникновения на товарном рынке указанных показателей.

В то же время, по мнению А.Е. Шаститко, в целях наиболее эффективного применения нормы о коллективном доминирующем положении целесообразно было бы учитывать при анализе сделок экономической концентрации гораздо бóльшее число факторов, нежели то, которое отражено в законе на сегодняшний

---

[333] Разъяснения Президиума ФАС России от 11 июня 2021 г. № 19 «Об особенностях осуществления государственного антимонопольного контроля за экономической концентрацией» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАС России. URL: https://fas.gov.ru/documents/687797 (дата обращения: 15.11.2025). С. 71.

[334] Там же. С. 75–76.

день (например, равномерность и частота заказов, рыночная власть покупателя, эволюция спроса, однородность продукции, запасы и избыточные мощности предприятий и т.д.)[335].

Вместе с тем возможность указанных факторов, в зависимости от контекста, действовать разнонаправленно требует детального анализа их влияния на состояние товарного рынка в каждом конкретном случае[336]. Более того, как указывают С.Б. Авдашева и Т.В. Антонова, отдельные отрасли экономики могут быть достаточно специфичны, что обусловливает необходимость особого подхода к антимонопольной политике на отдельных товарных рынках[337].

Тем не менее, развитие подходов к использованию концепции коллективного доминирующего положения при перспективной оценке координационных эффектов необходимо. В этой связи данный вопрос требует дополнительного изучения в рамках будущих исследований – как экономических, так и правовых.

Третий вопрос, на который необходимо ответить антимонопольному органу в рамках контроля за экономической концентрацией, – можно ли устранить потенциальный негативный эффект от осуществления соответствующей сделки. Утвердительный ответ на данный вопрос предполагает, что регулятор может выдать заявителям предписание, содержащее определенные условия, выполнение которых влечет за собой принятие решения об удовлетворении ходатайства.

Подробный анализ применения института предписания при осуществлении ex-ante контроля не входит в предмет настоящего диссертационного исследования. Однако стоит обозначить ряд проблемных аспектов, которые выделяют авторы в этой связи.

- Как подчеркивает В. Пружанский, при выдаче предписания антимонопольный орган должен грамотно идентифицировать проблему, на

---

[335] Шаститко А.Е. Экономико-правовые аспекты коллективного доминирования // Экономическая политика. 2011. № 3. С. 187–190.

[336] Там же. С. 189.

[337] Яркая специфика, в частности, присуща нефтяному сектору. См. Авдашева С.Б., Антонова Т.В. Бензин ваш, идеи наши: согласование сделок слияний в российском секторе моторного топлива // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2017. № 6. С. 42–64.

решение которой оно направлено. При этом меры, прописанные в тексте документа, «не должны выходить за рамки того, что было бы достаточным для исправления ситуации»[338]. В противном случае свобода хозяйственной деятельности участников товарного рынка будет необоснованно ограничена.

- Д.А. Гаврилов указывает, что в рамках анализа сделок экономической концентрации целесообразно более активно применять т.н. добровольные обязательства (commitments). В частности, «необходимо предоставить возможность компаниям самим взять добровольные обязательства на себя для обеспечения конкуренции и выработать механизм рассмотрения и обсуждения таких добровольных предложений»[339].
- Также в целях оценки эффективности государственной политики в части контроля за экономической концентрацией А.Е. Шаститко предлагает проводить последующий ex-post анализ товарных рынков. Указанная мера, по мнению автора, позволит определить, какой эффект на состояние конкуренции оказали решения, принятые антимонопольным органом[340].

Таким образом, анализ сделок экономической концентрации является крайне эффективным механизмом превенции согласованных действий на товарных рынках, в связи с чем в процессе такого анализа необходимо уделять бóльшее внимание перспективной оценке возникновения качественных критериев коллективного доминирования.

---

[338] Пружанский В. Анализ допустимости сделок экономической концентрации: анализ лучших практик // Российское конкурентное право и экономика. 2019. № 3 (19). С. 66.

[339] Гаврилов Д.А. Предписания как ключевой правовой инструмент для эффективного антимонопольного контроля // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 7. С. 27.

[340] Шаститко А.Е. Ошибки I и II рода в сфере антимонопольного контроля сделок экономической концентрации // Экономическая политика. 2012. № 1. С. 97.

§2. Особенности установления согласованных действий, ограничивающих конкуренцию

Механизм пресечения правонарушений, наряду с рассмотренным выше элементом превенции, является частью системы противодействия антиконкурентным согласованным действиям[341].

В литературе отмечают, что пресечение антимонопольного правонарушения включает в себя два основных этапа – установление факта нарушения, а также последующее воздействие на нарушение и его субъектов[342]. В рамках настоящего параграфа хотелось бы уделить внимание первому из указанных компонентов. Причем наиболее целесообразно, на наш взгляд, миновать обсуждение общих вопросов рассмотрения антимонопольных споров и сконцентрироваться на проблеме доказывания согласованных действий, ограничивающих конкуренцию. Именно доказывание, являясь одним из неотъемлемых элементов пресечения правонарушений, вызывает наибольшие трудности в процессе применения запрета на согласованные действия.

В общих чертах доказывание можно определить как деятельность по представлению, собиранию, исследованию и оценке доказательств, направленную на формирование верного знания о фактических обстоятельствах дела, которые имеют юридическое значение для его разрешения[343].

Достижение такого верного знания в спорах о согласованных действиях достаточно проблематично, ведь факт совершения рассматриваемого правонарушения может быть установлен лишь на основе косвенных

---

[341] Антимонопольно-конкурентное право : учебник / под. ред. К.А. Писенко, И.А. Цинделиани. Москва : Проспект, 2022. С. 250.

[342] Плеханов Д.А. Защита конкуренции от антиконкурентных актов, действий и соглашений органов государственной власти и местного самоуправления (правовой аспект): дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2019. С. 151.

[343] См. Боннер А.Т. Избранные труды : в 7 т. Т. V. Проблемы теории судебных доказательств. – Москва : Проспект, 2017. С. 9. Хотя А.Т. Боннер в указанном источнике исследует вопросы именно судебного доказывания, приведенное определение, на наш взгляд, справедливо также и в отношении доказывания, которое осуществляется в процессе рассмотрения антимонопольных дел ФАС России и ее территориальными органами.

доказательств, интерпретация которых является непростой задачей для правоприменительных органов. Связь между косвенным доказательством и искомым фактом неоднозначна, вследствие чего достоверный вывод о наличии или отсутствии обстоятельства можно сделать только на основе совокупности нескольких таких доказательств[344].

Как показывает анализ практики, основными косвенными доказательствами антиконкурентных согласованных действий являются: синхронное и единообразное поведение хозяйствующих субъектов; публичное заявление одного из них; отсутствие факторов экономического характера, которые бы оказывали влияние на всех участников конкретного товарного рынка; наступление определенных негативных последствий для товарного рынка вследствие соответствующего поведения. При этом параллелизм действий, а также отсутствие обоснования для повышения цен также являются на данный момент важнейшими индикаторами горизонтального соглашения между хозяйствующими субъектами в том случае, если получить прямые доказательства достижения ими договоренности не представляется возможным. На этом основании в литературе указывают, что фактически доказывание двух рассматриваемых составов правонарушений производится по одной схеме – методом «от противного», что не способствует разграничению смежных категорий конкурентного права[345].

Потребность в выработке методов доказывания двух обозначенных форм монополистической деятельности назрела давно. На практике действительно крайне затруднительно отличить согласованные действия от действий по реализации достигнутой договоренности.

Тем не менее, ранее мы уже отмечали, что антиконкурентное соглашение, в отличие от согласованных действий, включает элемент согласования воль сторон. Соответственно, задача антимонопольных органов заключается в доказывании

---

[344] Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе : учебно-практическое пособие для вузов / И.В. Решетникова. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. С. 78–80; Гражданский процесс : учебник / под ред. М.К. Треушникова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2014. С. 266.

[345] Хохлов Е.С. Некоторые вопросы совершенствования понятия согласованных действий в российском конкурентном праве… С. 90–92.

факта такого согласования. Свидетельствовать о наличии антиконкурентного соглашения между хозяйствующими субъектами могут следующие доказательства:

- прямые доказательства (тексты соглашений и договоров, протоколы собраний, переписка сторон)[346];
- факт проведения личных встреч и переговоров между предполагаемыми участниками соглашения.

Доказывание согласованных действий должно строиться по иному принципу. Поскольку такое неправомерное поведение имеет исключительно фактическую форму, т.е. может быть установлено лишь по факту совершения определенных действий, то в процессе правоприменения основное внимание необходимо уделять анализу содержания таких действий.

Так как параллелизм, являющийся одним из индикаторов нарушения запрета на согласованные действия, может быть вызван объективными причинами, то существует риск привлечения к юридической ответственности невиновных лиц. В этой связи необходимо согласиться с А.Е. Шаститко в том, что для избежания ошибок в правоприменении косвенные доказательства должны быть основаны на полноценном экономическом анализе[347].

Такой экономический анализ включает установление наличия либо отсутствия факторов, повлиявших на поведение участников товарного рынка. Неисчерпывающий перечень данных факторов, которые воздействуют на всех конкурентов одновременно, содержится в пункте 3 части 1 статьи 8 ФЗ «О защите конкуренции» и включает изменения в тарифном регулировании, стоимости сырья, спросе на товар, цене на товар на мировых рынках. Помимо того, на деятельность хозяйствующих субъектов могут оказывать влияние и экономические факторы индивидуального характера: допустим, компания учла в

---

[346] Разъяснение Президиума ФАС России от 17 февраля 2016 г. № 3 «Доказывание недопустимых соглашений (в том числе картелей) и согласованных действий на товарных рынках, в том числе на торгах» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАС России. URL: https://fas.gov.ru/documents/562597 (дата обращения: 15.11.2025).

[347] Войченко С., Елаев А., Рябов А., Шаститко А. Мартовский Пленум ВС. Палитра мнений // Конкуренция и право. 2021. № 2. С. 33–34.

конечной стоимости своей продукции произведенные ранее инвестиционные затраты, что привело к увеличению цены. Если данный факт находит свое подтверждение, то указанное лицо должно быть исключено из числа предполагаемых участников согласованных действий.

Также для оценки поведения хозяйствующих субъектов с точки зрения законности большое значение могут иметь его отдельные характеристики. В литературе указывают, что о координации действий участников товарного рынка могут свидетельствовать: аномальные тренды в ценовой политике хозяйствующих субъектов, аномальное увеличение объемов производства, отступление компаний от долгосрочной рыночной стратегии[348] и т.п.

Тем не менее, в процессе правоприменения необходимо дать оценку не только обоснованности и обусловленности поведения хозяйствующих субъектов, но и отдельным характеристикам товарного рынка, которые ему благоприятствуют. При анализе рыночной структуры вероятность достоверного вывода о наличии либо отсутствии факта антимонопольного правонарушения значительно увеличивается.

Ранее мы уже отмечали, что значительность долей хозяйствующих субъектов, высокий уровень экономической концентрации, наличие барьеров входа во многом обусловливают предрасположенность товарного рынка к молчаливой координации. Установление этих и других факторов, предусмотренных Порядком анализа состояния конкуренции на товарном рынке[349], действительно способно внести в копилку антимонопольных органов дополнительные доводы в пользу либо в опровержение вывода о совершения правонарушения.

В то же время спектр стимулов к молчаливой координации, которые выделяет экономическая наука, гораздо шире, нежели перечень тех показателей,

---

[348] Filippelli M. Collective Dominance and Collusion. Parallelism in EU and US Competition Law... P. 214–218; Хамуков М.А. Экономические методы идентификации картелей и иных антиконкурентных соглашений // Государственный аудит. Право. Экономика. 2016. № 2. С. 52.

[349] Приказ ФАС России от 28 апреля 2010 г. № 220 «Об утверждении порядка анализа состояния конкуренции на товарном рынке» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 34.

которые устанавливаются антимонопольными органами в процессе анализа состояния конкуренции. Например, уровень информационной прозрачности напрямую влияет на предрасположенность товарного рынка к согласованным действиям и должен также подлежать оценке.

Первый из возможных вариантов разрешения указанной проблемы может заключаться в дополнении действующего Порядка анализа состояния конкуренции. Так, в нем можно предусмотреть отдельные положения относительно исследования олигополистических товарных рынков, которые наиболее предрасположены к координации поведения хозяйствующих субъектов. Такие положения, в частности, могли бы содержать указание на необходимость установления: степени информационной прозрачности товарного рынка и однородности реализуемого конкурентами товара, оценки темпов и цикличности изменения спроса, наличия либо отсутствия у продавцов избыточных производственных мощностей[350].

С другой стороны, необходимо учитывать, что многообразие и сложность способствующих согласованным действиям факторов обусловливают возможное возникновение в будущем трудностей, связанных с закреплением соответствующих положений на нормативном уровне. В частности, А.Е. Шаститко подчеркивает, что данные факторы могут действовать разнонаправленно и между многими из них наблюдаются отношения зависимости и взаимообусловленности. В этой связи автор приходит к выводу, что подходы к установлению и оценке рассматриваемых характеристик товарных рынков более целесообразно было бы изложить в виде методических рекомендаций[351].

Следует согласиться с данной позицией: в рамках нормативного правового акта невозможно изложить все многообразные аспекты экономического анализа стимулов к согласованным действиям, каждый из которых к тому же может быть

---

[350] Указанные выводы основаны на анализе факторов, способствующих молчаливому сговору. См. Ivaldi, M., Jullien, B., Rey, P., Seabright, P., Tirole, J. The Economics of Tacit Collusion : Final Report for DG Competition, European Commission. 2003 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.bateswhite.com/assets/htmldocuments/media.730.pdf

[351] Шаститко А.Е. Экономико-правовые аспекты коллективного доминирования... С. 188–189.

истолкован по-разному в зависимости от конкретной рыночной ситуации. С этой точки зрения, методические рекомендации для сотрудников антимонопольных органов являются адекватным механизмом закрепления рассматриваемых правил.

Наконец, крайне актуальным остается вопрос относительно того, необходимо ли при доказывании согласованных действий использовать режим запретов per se, который презюмирует факт ограничения конкуренции соответствующими действиями хозяйствующих субъектов.

На данный счет в литературе высказываются диаметрально противоположные точки зрения: одни авторы вовсе не видят альтернативы запретам per se и считают отход от данного режима опасным[352], другие же – напротив, указывают на желательность оценки последствий соглашений и согласованных действий с позиций взвешенного подхода[353].

Необходимо признать, что установление и анализ негативного влияния антиконкурентного поведения на товарный рынок является одной из составляющих полноценного экономического анализа при расследовании антимонопольных правонарушений. С этой точки зрения, применение правила взвешенного подхода действительно является предпочтительным.

Однако одна из веских причин укоренения в российском правоприменении режима per se состоит не только в том, что соглашения и согласованные действия являются крайне опасными формами монополистической деятельности, но и в стремлении антимонопольных органов к процессуальной экономии. На наш взгляд, вследствие этого отход от режима per se на данный момент является маловероятным.

---

[352] Мосунова Н.Н. Картели в России: per se или эффект? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 2. С. 95–109; Тенишев А.П., Хамуков М.А. Новый "антикартельный пакет": защита общественных интересов или мифы о давлении на бизнес? // Закон. 2020. № 2. С. 72.

[353] Башлаков-Николаев И.В. Новый антикартельный пакет и вероятные последствия его принятия // Закон. 2020. № 10. С. 109–119; Рубцова Н.В. Картель как элемент системы нормативного регулирования предпринимательской деятельности // Конкурентное право. 2020. № 2. С. 21–24.

Более того, применение запретов per se поддерживает и судебная система. Данный вывод следует из содержания пункта 22 Постановления Пленума ВС РФ № 2, который гласит: «Ограничение конкуренции картелем в случаях, упомянутых в пунктах 1-5 части 1 статьи 11 Закона, в силу закона предполагается».

Тем не менее, отдельные авторы усмотрели в некоторых положениях рассматриваемого Постановления наметившуюся тенденцию к постепенному отказу правоприменителя от безусловного режима per se. По мнению, И.В. Башлакова-Николаева и С.В. Максимова, о такой тенденции говорит правовая позиция высшей судебной инстанции относительно т.н. закупочных союзов[354]. В частности, согласно пункту 23 Постановления Пленума ВС РФ № 2, «само по себе согласование ценовых условий приобретения товаров (условий получения скидок с цены) между несколькими хозяйствующими субъектами – потребителями и поставщиком (поставщиками) не является основанием для вывода о достижении такими потребителями между собой соглашения об установлении (о поддержании) определенного уровня цен, запрещенного согласно пункту 1 части 1 статьи 11 Закона».

Представляется, что приведенная цитата не свидетельствует об отходе российского правоприменителя от режима per se. Анализируемые разъяснения, на наш взгляд, касаются оценки не последствий поведения хозяйствующих субъектов, а его содержания. Так, договоренности, существующие между участниками закупочных союзов, трудно назвать антиконкурентными в том случае, если их сущность состоит не в установлении цен, а в формировании объединения, которое бы имело возможность эффективно взаимодействовать с поставщиками, обладающими значительной рыночной властью по отношению к каждому из участников такого союза в отдельности.

---

[354] Башлаков-Николаев И.В., Максимов С.В. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации о применении судами антимонопольного законодательства : научно-практический комментарий [Электронный ресурс]. Москва: Проспект, 2022. 184 с. (§ 46). СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2025).

Таким образом, правовой режим запретов per se все-таки достаточно прочно укоренился в отечественной правоприменительной практике. В ближайшее время мы не видим смысла настаивать на переходе к правилу взвешенного подхода в вопросах оценки последствий соглашений и согласованных действий.

Однако это не обесценивает выводы, сделанные нами ранее в рамках настоящего параграфа. В частности, применение запретов per se не исключает проведения экономического анализа структурных и поведенческих аспектов соглашений и согласованных действий при установлении факта правонарушения. На данный счет А.Е. Шаститко указывает: «Возвращаясь к вопросу о запрете картеля согласно букве закона (per se), важно обратить внимание на то, что такой запрет не означает отсутствия набора условий, существование которых должно быть установлено для корректной правовой квалификации»[355].

Следовательно, несмотря на сохранение правового режима per se, описанные выше подходы к доказыванию соглашений и согласованных действий, ограничивающих конкуренцию, сохраняют свою актуальность.

§3. Юридическая ответственность за осуществление хозяйствующими субъектами антиконкурентных согласованных действий

В соответствии со статьей 37 ФЗ «О защите конкуренции», нарушение требований антимонопольного законодательства влечет за собой привлечение виновных лиц к юридической ответственности. За совершение хозяйствующими субъектами согласованных действий таковая на данный момент предусмотрена частью 6 статьи 14.32 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях[356] (далее – КоАП РФ). Помимо прочего, пострадавшие лица

[355] Шаститко А.Е. Картель: организация, стимулы, политика противодействия // Российский журнал менеджмента. 2013. Т. 11. № 4. С. 45.
[356] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. № 256.

также имеют возможность обратиться в суд с гражданско-правовыми исками, в том числе о восстановлении нарушенных прав и о возмещении убытков.

Меры принудительного воздействия на нарушителей антимонопольного законодательства были значительно реформированы после принятия «третьего антимонопольного пакета», которым запреты на антиконкурентные соглашения и согласованные действия были отделены друг от друга. В частности, произошла дифференциация административно-правовой ответственности за рассматриваемые виды правонарушений[357], а согласованные действия, ограничивающие конкуренцию, были декриминализованы[358] в силу либерализации подхода законодателя к экономическим преступлениям[359].

Внесение указанных поправок в КоАП РФ и Уголовный Кодекс Российской Федерации[360] (далее – УК РФ) мы рассматриваем как общую тенденцию к ослаблению мер юридической ответственности в отношении антиконкурентных согласованных действий. В этой связи представляется справедливым рассмотреть изменения, коснувшиеся административного и уголовного законодательства, в их взаимосвязи, а также проанализировать, чем были вызваны такие изменения и обоснованны ли они.

1. Обычно в качестве основного критерия дифференциации правонарушений и, как следствие, санкций за их совершение рассматривается

---

[357] Ранее статья 14.32 КоАП предусматривала, что за заключение антиконкурентного соглашения и за осуществление согласованных действий на юридическое лицо мог быть наложен «оборотный» штраф в размере от 1/100 до 15/100 суммы выручки правонарушителя. Сейчас же «оборотный» штраф за согласованные действия установлен в размере от 1/100 до 3/100 суммы выручки правонарушителя, а за картели (за исключением картеля на торгах) – от 3/100 до 15/100. Дифференциация ответственности имеет место и в отношении должностных лиц. Соответствующие изменения были внесены Федеральным законом от 17 апреля 2017 г. № 74-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // http://www.pravo.gov.ru

[358] Данные изменения в УК РФ были внесены непосредственно «третьим антимонопольным пакетом». При этом статья 178 УК РФ сохранила уголовную ответственность за заключение картельного соглашения.

[359] Тесленко А.В. Долгий путь к эффективной уголовно-правовой защите конкуренции в современной России: 30 лет реформ [Электронный ресурс] // Закон. 2021. № 5. С. 101–124. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2025).

[360] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

общественная опасность, или вредность, соответствующих противоправных деяний. При этом отметим, что среди исследователей есть разночтения относительно соотношения двух обозначенных категорий: одни авторы утверждают, что общественная опасность свойственна любым неправомерным действиям (бездействиям)[361], другие же полагают, что это – отличительная черта преступлений, в то время как для всех остальных правонарушений характерна именно общественная вредность, которая не достигает уровня опасности[362].

Позволим себе остаться в стороне от развернувшейся дискуссии, поскольку ее итог не принципиален для настоящего диссертационного исследования. Основное же значение для нас имеет тот факт, что оба термина – и общественная опасность, и общественная вредность – независимо от их соотношения касаются негативного воздействия того или иного поведения лица на охраняемые законом отношения[363]. Следовательно, характер и тяжесть такого негативного воздействия влияют на квалификацию поведения хозяйствующего субъекта или должностного лица в качестве административного правонарушения либо преступления, а также на дифференциацию ответственности за различные деяния в рамках одной отрасли права.

Таким образом, можно предположить, что посредством декриминализации согласованных действий, а также ослабления административной ответственности за данное правонарушение законодатель констатировал меньшую общественную

---

[361] См., например, Гузеева О.С. Общественная опасность преступления: конституционно-правовой и уголовно-правовой анализ // Lex russica. 2021. Т. 74. № 3. С. 103; Хилюта В.В. Преступление и его признаки: проблемы доктринальной оценки // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 3 (124). С. 115.

[362] См., например, Лопашенко Н.А., Голикова А.В., Кобзева Е.В., Ковлагина Д.А., Лапунин М.М., Хутов К.М. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 4. С. 130; Жеребцов А.Н., Вертинская А.Н. Дифференциация административной ответственности: понятие, критерии, значение [Электронный ресурс] // Современное право. 2018. № 9. С. 24–29. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2025).

[363] Это отражено в базовой литературе по административному и уголовному праву. См., например, Попов Л.Л., Мигачев Ю.И. Административное право Российской Федерации : учебник : в 2 т. Т.1 / отв. ред. С.М. Зубарев, Л.Л. Попов. Москва : Проспект, 2024. С. 253; Российское уголовное право: в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. – 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2015. С. 58.

опасность согласованных действий по сравнению с картелями. Однако ранее мы уже подчеркивали, что как явный, так и «молчаливый» сговор могут привести к идентичным негативным последствиям для товарного рынка[364]. В этой связи возникает вопрос, обоснованны ли внесенные в законодательство изменения. Представляется, что на данный вопрос следует ответить положительно в силу ряда причин.

Во-первых, в литературе отмечают, что общественная опасность деяния не исчерпывается лишь тяжестью и характером его последствий, но включает также субъективное отношение лица к собственному поведению. Так, к обязательным признакам общественной опасности авторы относят виновное отношение субъекта к содеянному, поскольку оно выражает «антисоциальность внутренних установок» лица[365].

При этом интересно, что Д.И. Серегин утверждает следующее: «Прогноз поведения других хозяйствующих субъектов [при осуществлении согласованных действий] строится исходя из публичного заявления одного из них. Следовательно, такой прогноз в значительной степени носит вероятностный характер и потенциальный вред от осуществления согласованных действий ниже, чем от антиконкурентных соглашений»[366].

На наш взгляд, в данном случае речь должна вестись не столько о вредоносности рассматриваемого правонарушения (т.е. о степени тяжести его последствий), которая настолько же высока, как и при реализации картельного соглашения, сколько о вероятностном характере достижения участниками согласованных действий антиконкурентного результата. Поскольку хозяйствующие субъекты действуют согласованно без предварительной договоренности, то им действительно сложнее добиться взаимопонимания, чем

---

[364] Авдашева С.Б., Шаститко А.Е., Калмычкова Е.Н. Экономические основы антимонопольной политики: российская практика в контексте мирового опыта… С. 235.

[365] Лопашенко Н.А., Голикова А.В., Кобзева Е.В., Ковлагина Д.А., Лапунин М.М., Хутов К.М. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 4. С. 133.

[366] Антиконкурентные соглашения и недобросовестная конкуренция : учебное пособие / отв. ред. С.А. Пузыревский. Москва : Проспект, 2016. С. 9.

при достижении договоренности. Фактически они не могут быть уверены в том, что им удастся реализовать такую незаконную схему. В некотором роде можно утверждать, что их умысел на совершение правонарушения является косвенным. В литературе указывают: «При прямом умысле возможна ситуация, когда лицо предвидит *неизбежность* наступления общественно опасных последствий, что для косвенного умысла нехарактерно (курсив мой – А.С.)»[367].

Соответственно, исходя из подобного психического отношения лиц, принимающих решение об осуществлении согласованных действий, к собственному поведению и его результатам, можно утверждать, что в целом общественная опасность анализируемой формы монополистической деятельности ниже, чем при заключении антиконкурентного соглашения.

Более того, А.Ю. Кинев и А.П. Тенишев подчеркивают, что со временем картели становятся более высокоорганизованными и начинают походить на организованные преступные группы или сообщества[368]. Все это опять же свидетельствует о бóльшей общественной опасности картелей, поскольку при согласованных действиях невозможно достичь подобного уровня сплоченности участников.

Во-вторых, помимо общественной опасности, существуют также иные критерии криминализации деяний, среди которых можно выделить: распространенность (массовость) соответствующего поведения, а также невозможность противодействия ему иными правовыми средствами[369].

В этом отношении обращает на себя внимание следующее:

- еще на этапе разработки «третьего антимонопольного пакета» предполагалось, что вследствие введения признака публичного заявления число

---

[367] Лаптев Д.Б. Уголовная ответственность за ограничение конкуренции: монография. М. : РГУП, 2019. С. 106.

[368] Кинев А.Ю., Тенишев А.П. Об уголовной ответственности за картели [Электронный ресурс] // Юрист. 2017. № 1. С. 7–13. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2025).

[369] Цепелев В.Ф. Конъюнктура в контексте оснований криминализации деяний и ее отражение в российском уголовном законе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 12. С. 19; Ответственность за нарушения антимонопольного законодательства: проблемы теории и практики : монография / отв. ред. С.В. Максимов, С.А. Пузыревский. М. : Норма : ИНФРА –М. С. 116.

дел, возбуждаемых по признакам нарушения запрета на согласованные действия, сократится[370];

• «третий антимонопольный пакет» одновременно с исключением уголовной ответственности за согласованные действия предусмотрел введение такого механизма предупреждения нарушений, как предостережение.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что при декриминализации согласованных действий, ограничивающих конкуренцию, законодатель также учитывал, что рассматриваемое правонарушение может быть искоренено другими методами и уголовно-правовое регулирование в данном случае необязательно.

В-третьих, относительно возможности повышения размера административного наказания за согласованные действия хотелось бы отметить следующее. Как известно, в России возможность привлечения к уголовной ответственности юридических лиц не предусмотрена. Тем не менее, в юридическом сообществе существует мнение, что меры административной ответственности, применяемые в отношении организаций, фактически подменяют собой уголовные наказания[371].

Учитывая такую суровость административных санкций, А.Н. Кокотов указывает, что повышение их размера «должно сопровождаться дополнительными законодательными и правоприменительными мерами, направленными на обеспечение надлежащего уровня гарантий прав привлекаемых к административной ответственности лиц»[372]. Данная точка зрения представляется нам обоснованной. При этом антимонопольное законодательство

---

[370] Данный тезис нашел свое отражение в публикации А.Ю. Кинева. См. Кинев А.Ю. Третий антимонопольный пакет и борьба с картелями [Электронный ресурс] // Закон. 2012. № 2. С. 139–147. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2025).

[371] См. Гаджиев Г.А. Конституционные основы юридической ответственности и конституционно-правовая ответственность // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 12; Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц [Электронный ресурс] // Закон. 2017. № 6. С. 62–69. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2025).

[372] Особое мнение судьи КС РФ А.Н. Кокотова к Постановлению КС РФ от 17 января 2013 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения части 5 статьи 19.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Маслянский хлебоприемный пункт» // http://www.pravo.gov.ru

и практика его применения, на наш взгляд, таких гарантий на данный момент предоставить не могут.

Во-первых, сложности в отграничении согласованных действий от непреднамеренного параллелизма создают угрозу привлечения к ответственности лиц, которые на самом деле не нарушали требований ФЗ «О защите конкуренции». Данный тезис находит свое отражение и в юридической, и в экономической литературе. Например, С.Б. Авдашева приветствовала декриминализацию согласованных действий именно в силу риска привлечения к уголовной ответственности невиновных лиц[373]. М.А. Егорова и А.Ю. Кинев также указывают, что соответствующая норма была изъята из УК РФ в целях недопущения объективного вменения[374].

Во-вторых, проблема смешения антиконкурентных согласованных действий с соглашениями несет в себе риск неверной квалификации поведения хозяйствующих субъектов. При этом российское законодательство предусматривает весьма строгое наказание для участников картеля, в связи с чем в литературе, на наш взгляд, справедливо отмечают, что некорректное применение запрета на картели «способно повлечь экономические последствия, обратные тем, которые имел ввиду законодатель, а именно – к сокращению количества участников рынка, снижению их предпринимательской активности…»[375]. Соответственно, в силу неразрешенности вопроса о соотношении антиконкурентных соглашений и согласованных действий повышение размера административных наказаний и установление уголовных санкций за последние представляется нежелательным.

---

[373] Авдашева С.Б. Незаконность молчаливого сговора в российском антимонопольном законодательстве… С. 102.

[374] Конкурентное право : учебник / под общ. ред. М.А. Егоровой, А.Ю. Кинева. М. : Юстицинформ, 2018. С. 522.

[375] Бузин М.А. Картель или не картель: проблемы доказывания соглашений между конкурентами после принятия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 марта 2021 года № 2 // Российское конкурентное право и экономика. 2022. Спец. выпуск. С. 72.

В конце концов, многие специалисты в области уголовного права говорят об излишней криминализации в сфере экономических преступлений[376].

Таким образом, криминализация согласованных действий, а также ужесточение административного наказания за их совершение на данный момент нежелательны.

Однако в литературе высказывается и противоположная точка зрения. Так, А.И. Биленко считает, что административная ответственность за рассматриваемые правонарушения должна быть одинаковой. При этом аргументация автора строится на том, что антиконкурентные согласованные действия «могут быть опаснее, чем картельный сговор, ибо соглашение может не исполняться, а действия уже совершены…»[377].

Тем не менее, картели в подавляющем большинстве случаев выявляются уже в процессе либо после их реализации, так как пресечение антиконкурентного соглашения еще до его исполнения может осуществляться исключительно при условии наличия прямых доказательств[378]. В то же самое время сбор таких доказательств в практике антимонопольных органов является скорее исключением из правил, нежели нормой[379]. В таком случае нельзя считать приведенный довод достаточным для обоснования необходимости уравнять

---

[376] См., например, Смирнов Г.К. Об общей проблеме модернизации государственной политики в области противодействия экономической преступности // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 2. С. 35; Наумов А.В. Законодательные основы реализации в уголовном судопроизводстве принципа определенности уголовно-правовых запретов [Электронный ресурс] // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 3. С. 5–15. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2025).

[377] Биленко А.И. Проблемы разграничения картельных соглашений и согласованных действий, запрещенных антимонопольным законодательством Российской Федерации [Электронный ресурс] // Законодательство. 2022. № 5. С. 24–29. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2025).

[378] Данный вывод основан на том, что косвенные доказательства могут быть собраны только в том случае, если соглашение уже реализовано, так как они предполагают анализ характера и обусловленности действий хозяйствующих субъектов.

[379] Кинев А.Ю., Егорычев Н.Н., Самолысов П.В., Тенишев А.П. Картели. Система доказывания и судебная практика [Электронный ресурс] // Закон. 2013. № 4. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.11.2025).

административные санкции за картели и согласованные действия, ограничивающие конкуренцию[380].

2. Гражданско-правовая ответственность, в отличие от уголовной и административной, носит компенсаторно-восстановительный характер[381] и оттого приобретает особую значимость для лиц, пострадавших вследствие нарушения правил конкуренции. В литературе справедливо отмечают, что восстановление имущественных прав таких лиц является не менее значимой задачей правового регулирования, чем защита публичных интересов[382].

Вместе с тем применение мер гражданско-правовой ответственности к нарушителям антимонопольного законодательства в российском праве развито в недостаточной степени. Подобные прецеденты применительно к участникам согласованных действий и подавно неизвестны.

При этом ни антимонопольные органы, ни суды нельзя упрекнуть в том, что они не уделяют должного внимания указанной проблеме: попытки изменить ситуацию предпринимались ими не единожды.

В свое время ФАС России разработала законопроект, предусматривавший введение альтернативного возмещению убытков способа защиты – взыскания компенсации с правонарушителя[383]. Особого внимания заслуживают также появившиеся позже Разъяснения Президиума ФАС России относительно доказывания и определения размера убытков, причиненных в результате нарушения антимонопольного законодательства, которые не только обозначили

---

[380] Криминализовать согласованные действия А.И. Биленко при этом не предлагает, поскольку считает уголовную ответственность за любое антимонопольное правонарушение чрезмерной. См. Биленко А.И. Указ. соч.

[381] Радько Т.Н. Проблемы теории государства и права : учебник. – Москва : Проспект, 2015. С. 518–519; Чернявский А.Г. Юридическая ответственность : учебное пособие / А.Г. Чернявский. – М. : ИНФРА-М, 2019. С. 326.

[382] Истомин В.Г. Современное состояние и перспективы развития гражданско-правовых способов защиты прав участников отношений, регулируемых антимонопольным законодательством // Журнал российского права. 2025. № 6. С. 104.

[383] Указанная инициатива так и осталась нереализованной, хотя вызвала полемику в научной литературе. См., например, Егорова М.А., Кинев А.Ю. Восстановительная антимонопольная компенсация // Предпринимательское право. 2015. № 2. С. 30–35; Белов В.А. Антимонопольная компенсация (юридические аспекты новой инициативы ФАС России) // Законодательство. 2014. № 12. С. 32–43.

«каркас» для подачи частного иска[384], но и подробным образом изложили методики расчета размера понесенного ущерба[385]. Рассматриваемая проблематика была затронута и в Постановлении Пленума ВС РФ № 2. Но все же, несмотря на приложенные усилия, дела о взыскании антимонопольных убытков, как указывают в литературе, продолжают оставаться малоперспективными[386].

Более того, по мнению В.А. Белова, частноправовые средства защиты в принципе не применимы к антимонопольной сфере, поскольку не представляется возможным определить конкретное субъективное право, которое было бы затронуто в результате нарушения правил конкуренции[387].

Тем не менее, с приведенной позицией согласны не все исследователи. Например, М.А. Егорова и А.Ю. Кинев настаивают на том, что применение частно-правовых средств защиты в антимонопольной сфере возможно, так как основанием тому является «не публичное правонарушение (нарушение антимонопольного законодательства), а экономические убытки, фактически возникшие в результате ограничения конкуренции…»[388].

Соглашаясь со второй из обозначенных точек зрения, отметим также, что ряд исследователей все-таки выделяют особое субъективное право участников гражданского оборота – право на конкуренцию. Обозначенную позицию можно

---

[384] Разъяснения Президиума ФАС России от от 25 мая 2016 г. № 6 «Доказывание и расчет убытков, причиненных нарушением антимонопольного законодательства» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАС России. URL: https://fas.gov.ru/documents/562227 (дата обращения: 15.11.2025).

[385] Разъяснения Президиума ФАС России от 11 октября 2017 г. № 11 «По определению размера убытков, причиненных в результате нарушения антимонопольного законодательства» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАС России. URL: https://fas.gov.ru/documents/587995 (дата обращения: 15.11.2025).

[386] Денченкова О.Е., Нумерова А.А. Антитраст после принятия антимонопольного Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Российское конкурентное право и экономика. 2022. № 4. С. 13.

[387] Белов В.А. Антимонопольная компенсация (юридические аспекты новой инициативы ФАС России)… С. 34.

[388] Егорова М.А., Кинев А.Ю. К вопросу о связи частноправовых убытков с нарушением антимонопольного законодательства // Сборник научных статей III Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом» / Е.А. Абросимова, В.К. Андреев, Л.В. Андреева и др. ; под общ. ред. С.Д. Могилевского, М.А. Егоровой. М. : Юстицинформ, 2016. С. 270–292.

обнаружить в работах С.А. Паращука[389], К.Ю. Тотьева[390] и М.Н. Громовой[391]. Более того, на наш взгляд, даже если не признавать право на конкуренцию самостоятельным субъективным правом, то его все равно можно рассматривать как правомочие в составе права на занятие предпринимательской деятельностью, которое предполагает функционирование хозяйствующих субъектов на немонополизированном рынке.

В конце концов, отходя от полемики относительно субъективных гражданских прав, которая носит теоретический характер, хотелось бы обратить внимание на практическую сторону вопроса. Вследствие нарушений антимонопольного законодательства добросовестные участники оборота могут нести колоссальные имущественные потери. В этой связи право не может оставить без внимания сложившуюся ситуацию, ведь основной целью любой области права, в том числе гражданского и антимонопольного законодательства, является повышение благосостояния населения страны.

Таким образом, мы стоим на позициях возможности и даже необходимости использования частноправовых средств защиты в антимонопольной сфере. Однако необходимо разобраться, чем вызвано их скупое применение в российском праве.

Зачастую в качестве основной причины авторы называют сложность определения и доказывания размера понесенных убытков[392]. С указанным тезисом можно согласиться. Как мы уже указывали ранее, Президиум ФАС России внес определенный вклад в решение обозначенной проблемы – в систематизированном

---

[389] Паращук С.А. Право на свободную конкуренцию как правовой принцип и субъективное право // Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности: монография / В.К. Андреев, Л.В. Андреева, К.М. Арсланов и др. ; отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М. : Юстицинформ, 2016. С. 188–189.

[390] Тотьев К.Ю. Конкурентное право (правовое регулирование деятельности субъектов конкуренции и монополий): учебник для вузов. – 2 изд., перераб. и доп. – М. : Издательство РДЛ, 2003. С. 35.

[391] Громова М.Н. Субъекты и содержание права на занятие предпринимательской деятельностью: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 15.

[392] Молчанов А.В., Лобанов Р.М. Возмещение убытков, причиненных нарушением антимонопольного законодательства [Электронный ресурс] // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 4. С. 42–47. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2025);

виде изложил методики определения размера ущерба, сложившиеся в российской и зарубежной правоприменительной практике[393]. Однако данная мера не возымела должного положительного эффекта. Стоит признать, что одним из возможных объяснений тому могут служить трудности в применении соответствующих методик. Их использование сопряжено с рядом издержек для потерпевших, поскольку зачастую требует привлечения лиц, обладающих специальными знаниями. Более того, возможность применения каждой из таких методик в той или иной степени ограничена.

Проиллюстрируем справедливость данного тезиса на примере одного из самых знаковых дел в практике Федеральной торговой комиссии США (ФТК), а именно на примере дела в отношении производителей лизина, заключивших картельное соглашение[394]. При этом сразу же оговоримся, что данный пример использован постольку, поскольку и картельное соглашение, и согласованные действия относятся к т.н. «эксплуатационным» правонарушениям, т.е. приводят к необоснованному повышению цен или поддержанию цен на завышенном уровне[395]. Следовательно, для двух указанных правонарушений механизм возникновения убытков, а также методики их расчета схожи[396].

Итак, в период с 1992 г. по 1995 г. компании Ajinomoto, Kyowa Hakko, Sewon и ADM состояли в сговоре, приведшем к разделу товарного рынка по объему продажи и необоснованному повышению цен. Впоследствии лица, которые понесли убытки в связи с совершением указанного правонарушения, подали череду гражданско-правовых исков. Особый интерес вызывает тот факт, что для определения размера понесенных имущественных потерь истцы

---

[393] Разъяснения Президиума ФАС России от 11 октября 2017 г. № 11 «По определению размера убытков, причиненных в результате нарушения антимонопольного законодательства».

[394] Лизин – незаменимая аминокислота, участвующая в процессе биосинтеза белка в организме человека. См. статью о лизине в Большой российской энциклопедии. URL: https://bigenc.ru/c/lizin-4a0cb7 (дата обращения: 20.11.2025).

[395] Разделение антимонопольных правонарушений в зависимости от того, к каким типам финансовых потерь они приводят, производит сам антимонопольный орган. См. Разъяснения Президиума ФАС России от 11 октября 2017 г. № 11.

[396] Соглашения и согласованные действия, приводящие к отказу от заключения договоров с определенными продавцами или покупателями (заказчиками), к «эксплуатационным» нарушениям не относятся.

использовали многочисленные методики исчисления размера убытков, которые указаны в т.ч. в пункте 63 Постановления Пленума ВС РФ № 2 и в Разъяснениях Президиума ФАС России № 11. При этом заявителям пришлось столкнуться с рядом ограничений применения этих методик[397].

Так, при использовании анализа «до и после» (т.е. при сравнении цены на лизин в период нарушения с контрфактуальной ценой – ценой, которая могла бы сформироваться в отсутствие нарушения) истцы испытали затруднения с определением периода, в течение которого ответчики осуществляли неправомерное поведение. Указанная сложность была вызвана преимущественно тем, что первые истцы обратись за судебной защитой, не дожидаясь вынесения решения ФТК.

Российской правоприменительной практике также известны сложности в определении периода осуществления неправомерного поведения в делах о взыскании убытков. В частности, на практике суды рассматривают в качестве периода нарушения исключительно период, обозначенный в решении антимонопольного органа, которым установлен факт нарушения. То, что ответчик в течение какого-то времени не исполнял предписание антимонопольного органа о прекращении нарушения, не принимается во внимание на следующем основании: в период после вынесения решения и предписания анализ товарного рынка не проводился и квалифицирующие признаки нарушения не устанавливались[398]. В таком случае истцы вынуждены самостоятельно доказывать факт нарушения антимонопольного законодательства ответчиком в период, не

---

[397] Описание деталей разбирательств приводится в соответствии со статьей Дж. М. Коннора, который готовил экспертные заключения для юридической фирмы, представлявшей интересы истцов в суде. Connor John M. Global Cartels Redux: The Lysine Antitrust Litigation [Электронный ресурс] // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2520151 (дата обращения: 20.11.2025).

[398] См., например, Решение Арбитражного суда города Москвы от 09 февраля 2022 г. по делу № А40-60353/2021 (оставлено без изменений Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 18 июля 2022 г. № Ф05-16709/2022); Решение Арбитражного суда города Москвы от 28 декабря 2021 г. по делу № А40-63512/2021 (оставлено без изменений Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 15 июля 2022 г. № Ф05-16370/2022); Решение Арбитражного суда города Москвы от 18 февраля 2022 г. по делу № А40-152921 (оставлено без изменений Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 23 сентября 2022 г. № Ф05-20471/2022).

исследованный антимонопольным органом. Для этого, в свою очередь, необходим анализ товарного рынка, проведение которого крайне затруднительно с учетом того, что истцу недоступна вся необходимая для этого информация. Таким образом, пострадавшее лицо, вероятно, сможет возместить только часть понесенных убытков.

Отметим также, что применительно к согласованным действиям, ограничивающим конкуренцию, определить период осуществления неправомерного поведения достаточно сложно, ведь договоренности относительно времени его осуществления между хозяйствующими субъектами отсутствуют.

В череде разбирательств о взыскании убытков с производителей лизина занятно также и то, как был выбран временной интервал, цена в течение которого могла рассматриваться в качестве контрфактуальной. Цена, сформировавшаяся на рынке лизина до периода нарушения (до августа 1992 г.), была подвержена значительному влиянию входа на рынок нового крупного игрока – американской компании ADM, открывшей крупнейший завод по производству лизина. Следовательно, производить расчет убытков на основании этой цены не представлялось возможным. Экономические показатели, сложившиеся после окончания реализации соглашения (после декабря 1995 г.), также были неподходящими, поскольку ценообразование до сих претерпевало последствия совершенного на рынке правонарушения.

В сложившейся ситуации обратил на себя внимание тот факт, что в период реализации картельного соглашения были непродолжительные промежутки времени (май–июнь 1992 г. и апрель–июль 1993 г.), когда участники соглашения не смогли достичь договоренности относительно производственных квот и перешли в состояние т.н. ценовой войны, что в обоих случаях приводило к снижению стоимость лизина. Не располагая бóльшим объемом сведений, истцы решили использовать эту цену для расчета размера понесенных убытков.

Таким образом, цены, имевшие место до или после нарушения, не всегда бывают репрезентативны, что ограничивает возможности применения метода расчета убытков «до и после».

Истцы использовали также метод финансового моделирования, который основан на оценке себестоимости производства товара и нормы прибыли нарушителей. Однако впоследствии контрфактуальная цена, в которой учитывались себестоимость производства лизина и торговая наценка в размере 6% (именно такая наценка была установлена компанией ADM до нарушения), была подвергнута критике. По мнению ученых, торговая наценка компании ADM до 1992 г. также была завышена вследствие совершения ей ряда других антимонопольных правонарушений. К тому же размер наценки в 6% превышал среднее значение этого экономического показателя на сопоставимых рынках.

Необходимо коснуться и метода экономического моделирования, который также был использован для расчета размера убытков, возникших вследствие реализации картельного соглашения на рынке лизина. Данный метод предполагает, что величина контрфактуальных экономических показателей рассчитывается на основе той или иной экономической модели взаимодействия компаний на товарном рынке. При этом отдельно необходимо подчеркнуть, что метод экономического моделирования широко применим именно к олигополистическим товарным рынкам, которые, как мы указывали ранее, наиболее подвержены согласованным действиям хозяйствующих субъектов.

Поскольку в рамках контрфактуального анализа формируется представление о состоянии рынка в условиях отсутствия нарушения, то внимание исследователей привлекли т.н. некооперированные экономические модели олигополии, т.е. те, которые предполагают отсутствие сговора между участниками товарного рынка. Их описание выходит за рамки настоящего

исследования, но отметим, что основными из них являются модель Курно и модель Бертрана[399].

В делах о взыскании убытков с производителей лизина использовалась модель Курно. Однако при этом из всех показателей, необходимых для расчета контрфактуальной цены по рассматриваемой методике, надлежащим образом был определен только индекс Герфиндаля–Гиршмана. Остальные параметры (предельные издержки, значение эластичности спроса) были установлены приблизительно. В итоге были получены следующие результаты: в случае отсутствия нарушения стоимость товара была бы еще выше, нежели та цена, которую установили участники картельного соглашения.

На основании изложенного можно сделать вывод относительно недостатков метода экономического моделирования. В частности, усредненная модель не всегда с точностью соответствует реальному товарному рынку. К тому же для применения рассматриваемого аналитического подхода требуется достаточно большой объем исходных данных, величина которых должна быть установлена надлежащим образом.

Итак, из разбирательств в отношении производителей лизина явствует, что применение любого метода определения размера убытков, возникших вследствие нарушения антимонопольного законодательства, сопряжено с определенными сложностями. Однако мы не отрицаем ценности обозначенных методик и отмечаем, что для достижения наиболее адекватных результатов расчета убытков желательно использовать несколько методик одновременно, что значительно снижает вероятность ошибки.

Однако этим перечень причин, по которым случаи удовлетворения исков о взыскании антимонопольных убытков редки, не исчерпывается. На наш взгляд, еще одной проблемой в данном отношении является сложность доказывания

---

[399] Подробнее с моделями Курно, Бертрана и др. можно ознакомиться в базовых учебниках по теории отраслевых рынков. См., например, Розанова Н.М. Теория отраслевых рынков… С. 70–74.

причинно-следственной связи между нарушением и его последствиями в виде понесенного ущерба.

Так, в литературе по гражданскому праву указывают, что «причинная связь должна иметь *прямой и ближайший характер*, т.е. увязывать друг с другом противоправное деяние и имущественный вред *непосредственно*»[400].

Отдельные исследователи считают указанный подход излишне ограничительным. Так, А.В. Егоров, критикуя сложившееся в отечественной цивилистике понимание связи причины и следствия, отмечает, что значительное влияние на российскую судебную практику в данном отношении оказали идеи, господствовавшие еще в советское время. В частности, государство опасалось, «как бы потерпевший не получил больше, чем ему причитается (и для этого выводились жесткие требования к причинно-следственной связи)»[401].

При этом подход к установлению причинно-следственной связи влияет сразу на несколько важнейших аспектов предъявления и удовлетворения исков о взыскании убытков в антимонопольной сфере: (а) объем тех убытков, которые могут быть возмещены в судебном порядке; (б) круг лиц, которые могут инициировать разбирательства о взыскании убытков; (в) определение надлежащего ответчика, к которому можно предъявить требование о возмещении убытков.

- Относительно объема убытков, которые может взыскать прямой контрагент участника согласованных действий, следует отметить, что в Постановлении Пленума ВС РФ № 2 упомянуты исключительно те убытки, которые представляют собой излишне уплаченную за товар цену. Учитывается при этом и факт переноса издержек на косвенных приобретателей товара. В

---

[400] Гражданское право. В 4 т. Том II. Общая часть. В 2 кн. Книга 2. Факты : учебник для бакалавриата и магистратуры / В.А. Белов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2019. С. 346.
Схожего понимание причинно-следственной связи придерживается и Е.А. Суханов. См. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. – 4-е изд., стереотип. – М. : Статут, 2016. С. 459–460.

[401] Егоров А.В. Упущенная выгода: проблемы теории и противоречия практики // Убытки и практика их возмещения. Сборник статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. – М. : Статут, 2006. С. 80.

частности, согласно абзацу 4 пункта 63 Постановления Пленума ВС № 2, перенос хозяйствующим субъектом – потерпевшим на покупателей полностью или в части издержек, возникших вследствие антимонопольного нарушения, например завышенной цены на перепродаваемый товар, сам по себе не означает отсутствие у него убытков вследствие данного нарушения. Возмещению в подобном случае подлежит разница между завышенной ценой, уплаченной хозяйствующим субъектом, и издержками, переложенными на покупателей.

Тем не менее, последствия осуществления согласованных действий (как и иных антимонопольных правонарушений, приводящих к увеличению цены товара) не исчерпываются эффектом завышенных цен, а включают также эффект упущенных объемов. В частности, повышение цены на товар приводит к тому, что прямой контрагент приобретает у нарушителя меньшее количество товара, чем мог бы себе позволить при условии отсутствия правонарушения.

Эффект упущенных объемов учитывается при определении размера убытков, возникших вследствие нарушения правил конкуренции, в праве ЕС[402], в рамках которого пострадавшим лицам гарантировано полное возмещение понесенных вследствие антимонопольного правонарушения имущественных потерь[403].

Однако, с учетом особенностей подхода к установлению причинно-следственной связи в российской правоприменительной практике, возникают сомнения относительно того, возможно ли взыскание убытков, вызванных эффектом упущенных объемов, в России. Среди немногочисленных судебных актов по делам о взыскании убытков, возникших вследствие необоснованного увеличения цены товара, нам не удалось обнаружить ни одного, в котором производился бы анализ эффекта упущенных объемов для прямого покупателя. Однако такой эффект может возникнуть и для хозяйствующих субъектов,

---

[402] Practical guide on the quantification of harm in actions for damages based on breaches of Article 101 or 102 TFEU.

[403] Directive 2014/104/EU of the European Parliament and of the Council of 26 November 2014 on certain rules governing actions for damages under national law for infringements of the competition law provisions of the Member States and of the European Union Text with EEA relevance // OJ L 349, 05.12.2014. P. 1–19. Art. 1.

поставляющих сырье или комплектующие нарушителю. Так, при сокращении объема производства субъектом, устанавливающим необоснованно завышенную цену на свой товар, изменяется и уровень его потребности в сырье, используемом при производстве. Соответственно, уменьшается спрос на такое сырье, что позволяет констатировать распространение неблагоприятных последствий правонарушения на поставщиков сырья. Можно проследить влияние осуществления согласованных действий также и на рынки взаимосвязанных товаров, спрос на которые в значительной мере зависит от спроса на рынке, охваченном правонарушением. Тем не менее, представляется, что факт совершения правонарушения и факт возникновения обозначенных убытков не связаны между собой прямой причинно-следственной связью, вследствие чего взыскание таких убытков в российской правоприменительной маловероятно.

- Подход к установлению причинно-следственной связи влияет также и на возможность/невозможность предъявления исков о взыскании убытков со стороны косвенных покупателей, не являющихся прямыми контрагентами продавца-правонарушителя. Е.Ю. Борзило, например, выражает сомнение в том, что отечественная правовая система позволяет удовлетворять иски, инициированные данной категорией лиц[404].

Постановление Пленума ВС РФ на данный счет указывает обратное и относит к кругу возможных заявителей по рассматриваемой категории дел также лиц, не являющихся непосредственными приобретателями товара по завышенной цене[405]. Обозначенную правовую позицию высшей судебной инстанции диссертант оценивает крайне положительно и не исключает полностью возможность удовлетворения иска, поданного косвенным покупателем. Однако необходимо отметить, что в силу достаточно жесткого подхода российских судов к установлению причинно-следственной связи такие заявители могут столкнуться со значительными трудностями.

---

[404] Борзило Е.Ю. Антимонопольные риски предпринимательской деятельности… С. 329.
[405] Пункт 62 Постановления Пленума ВС РФ № 2.

Допустим, в суд с иском о взыскании убытков обратился прямой (непосредственный) покупатель правонарушителя. Его требование было удовлетворено: размер понесенного ущерба суд определил как разницу между завышенной ценой, уплаченной истцом за товар, и издержками, которые заявитель переложил на последующих приобретателей товара. Тем самым суд констатировал, что лица, находящиеся ниже в цепочке реализации товара, также понесли убытки вследствие действий ответчика. Но при этом важно другое – если такие лица (косвенные покупатели), в свою очередь, также обратятся в суд с исками о взыскании убытков, то решение суда, вынесенное в отношении прямого приобретателя товара, для них преюдициальной силы иметь не будет. Согласно части 2 статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса РФ, преюдиция имеет место только при рассмотрении дела, в котором участвуют те же лица[406]. Соответственно, истцу надлежит самостоятельно доказать, что он понес убытки, обосновать их размер (а именно указать, какая именно часть издержек была переложена на него непосредственным покупателем), а также доказать наличие причинно-следственной связи между нарушением антимонопольного законодательства и понесенными убытками. В данных условиях удовлетворение иска возможно, однако достаточно затруднительно.

- Еще один дискуссионный вопрос связан с коллективным характером согласованных действий, ограничивающих конкуренцию. В частности, если в осуществлении согласованных действий участвуют несколько хозяйствующих субъектов, то кто из них является надлежащим ответчиком при том, что истец приобрел товар по завышенной цене только у одного из них?

Так, Д.А. Гаврилов указывает: «Представляется, что в делах указанной категории выбор надлежащего ответчика среди лиц, совершивших правонарушение, должен делаться на основе того, с кем именно из

[406] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Российская газета. 2002. № 137.

правонарушителей у пострадавшего лица возникли правоотношения по купле-продаже товаров»[407].

Тем не менее, действующим гражданским законодательством предусматривается возможность солидарной ответственности лиц, совместно причинивших вред (ст. 1080 ГК РФ). Это фактически означает, что истец имеет право требовать возмещения убытков как от одного из лиц, совершивших коллективное правонарушение, так и от всех одновременно как полностью, так и в части.

М.А. Егорова полагает, что практика привлечения соучастников коллективного нарушения антимонопольного законодательства к солидарной ответственности «окажет позитивное воздействие на национальный правопорядок»[408]. С данной позицией согласен В.Г. Истомин, который указывает на наличие причинно-следственной связи между картельным соглашением и действиями фактического характера или сделками, впоследствии заключенными/осуществленными каждым из участников картеля самостоятельно[409].

В данном отношении хотелось бы отметить следующее. Во-первых, мы поддерживаем приведенную точку зрения, поскольку уже из формулировки части 1 статьи 11 ФЗ «О защите конкуренции» усматривается, что законодатель видит в установлении/поддержании цен, сокращении производства товаров и т.д. последствия картеля. Однако реализоваться данные последствия фактически могут только через осуществление нарушителями фактических действий (например, сокращение производства) либо через заключение сделок с

---

[407] Гаврилов Д.А. Некоторые вопросы взыскания убытков вследствие нарушения антимонопольного законодательства: текущая практика и перспективы с учетом зарубежного опыта [Электронный ресурс] // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2015. № 3. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.11.2025).

[408] Егорова М.А. Особенности зарубежного опыта применения солидарной ответственности при коллективном нарушении антимонопольного законодательства // Предпринимательское право. 2024. № 1. С. 25.

[409] Истомин В.Г. Гражданско-правовые последствия заключения и исполнения ограничивающих конкуренцию соглашений // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 7. С. 65.

контрагентами по завышенным ценам. Таким образом, между антиконкурентным соглашением и такими фактическими действиями или сделками объективно есть причинно-следственная связь. Более того, позиция В.Г. Истомина актуальна и по отношению к хозяйствующим субъектам – участникам согласованных действий, поскольку данное правонарушение имеет исключительно фактический характер. Без продажи товара по завышенной стоимости, раздела товарного рынка или сокращения/прекращения производства товара данная форма монополистической деятельности не может быть осуществлена в принципе. Соответственно, идея о возможности привлечения хозяйствующих субъектов, совершивших коллективное правонарушение, к солидарной ответственности обоснованна.

Также, на наш взгляд, привлечение в дело о взыскании убытков нескольких ответчиков в случае удовлетворения иска в значительной степени способствует последующему исполнению судебного акта. Если же вся сумма убытков была в полном объеме возмещена одним субъектом, то он имеет право требовать с других правонарушителей долю выплаченного потерпевшему возмещения[410].

Однако, с учетом жесткого подхода к установлению причинно-следственной связи, принятого в российской правоприменительной практике, возникают сомнения относительно того, может ли быть удовлетворен иск, предусматривающий требование пострадавшего лица к участнику согласованных действий, который не является его контрагентом.

Таким образом, сложившийся в отечественном правоприменении подход к установлению причинно-следственной связи в ряде аспектов препятствует защите прав лиц, пострадавших в результате нарушения антимонопольного законодательства. В этой связи изменение указанного подхода может стать одним из подспорьев для развития частноправовых средств защиты в антимонопольной сфере. Более активное применение мер гражданско-правовой ответственности в рассматриваемой области, в свою очередь, будет способствовать гармоничному

[410] Сулименко А.Д. Взыскание убытков, причиненных нарушением антимонопольного законодательства // Юрист. 2019. № 7. С. 62.

сочетанию карательной и компенсационной (восстановительной) функций юридической ответственности в целом.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что за более чем тридцатилетнюю историю развития отечественного антимонопольного законодательства категория согласованных действий претерпела ряд значительных изменений. Не будучи закрепленным нормативно, содержание соответствующего понятия долгое время оставалось достаточно размытым. Если одни исследователи рассматривали согласованные действия как самостоятельную форму монополистической деятельности, то другие видели в них устное антиконкурентное соглашение.

Принятие ФЗ «О защите конкуренции» и последующее его реформирование привнесло бóльшую ясность в вопрос соотношения двух рассматриваемых форм монополистической деятельности: была выделена самостоятельная легальная категория согласованных действий, был предусмотрен отдельный запрет на их осуществление. О том, что взаимодействие хозяйствующих субъектов к общей выгоде может осуществляться не только посредством достижения договоренности, но и путем молчаливого понимания рыночной ситуации, говорит и экономическая наука.

В результате анализа содержания категории согласованных действий диссертант пришел к выводу, что они могут представлять собой исключительно поведение конкурирующих хозяйствующих субъектов, приводящее к установлению или поддержанию цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат) и (или) наценок; к сокращению или прекращению производства товаров; к разделу товарного рынка по объему продажи или покупки товаров либо по территориальному принципу.

При этом сохраняет свою актуальность проблема отграничения согласованных действий от смежных правовых категорий. В этой связи настоящее диссертационное исследование было нацелено именно на определение места рассматриваемого института в конкурентном праве России.

Полученные результаты показывают, что антиконкурентные согласованные действия и соглашения могут быть отграничены по нескольким критериям: по

содержанию, форме и соответствующим различиям в процессе доказывания. На этом основании соискатель делает вывод о самостоятельности двух рассматриваемых категорий и необходимости сохранения в российском праве отдельного запрета на осуществление согласованных действий. Также автор отмечает, что две рассматриваемые категории дополняют друг друга и в совокупности направлены на пресечение поведения конкурирующих хозяйствующих субъектов, приводящего к монополизации товарных рынков.

Еще одной формой монополистической деятельности, соотношение согласованных действий с которой вызывает значительный интерес среди исследователей, является злоупотребление коллективным доминирующим положением. Диссертант пришел к выводу, что отдельные формы указанного коллективного антимонопольного правонарушения (пункты 1, 4 части 1 статьи 10 ФЗ «О защите конкуренции») и запрет на согласованные действия применимы к одним и тем же общественным отношениям. Предложено использовать категорию согласованных действий для пресечения неправомерного поведения хозяйствующих субъектов на товарных рынках, поскольку она позволяет учесть в процессе антимонопольного расследования взаимосвязь поведения нескольких участников товарного рынка.

Механизмами превенции согласованных действий являются выдача предостережения антимонопольного органа о недопустимости нарушения антимонопольного законодательства, осуществление государственного контроля за экономической концентрацией, а также внедрение хозяйствующими субъектами «антимонопольного комплаенса». В работе предложены меры по дальнейшему совершенствованию перечисленных механизмов.

Система противодействия антиконкурентным согласованным действиям также предусматривает элемент пресечения соответствующего поведения. В диссертации отмечены особенности выявления согласованных действий по сравнению с антиконкурентными соглашениями. В частности, основное внимание правоприменительных органов в процессе доказывания должно быть уделено анализу обоснованности и обусловленности поведения хозяйствующих субъектов,

поскольку согласованные действия носят фактический характер. Соглашения участников товарных рынков, напротив, предполагают согласование воль участников и соответствующую форму волеизъявления. Следовательно, при их доказывании основные усилия должны быть направлены на сбор доказательств, свидетельствующих о достижении сторонами договоренности.

Последующее привлечение виновных лиц к публично-правовой юридической ответственности за осуществление согласованных действий предполагает наложение санкций, которые на законодательном уровне дифференцированы от мер наказания, предусмотренных за нарушение запрета на заключение картельного соглашения. Данный факт в совокупности с доводами, приведенными в основной части диссертации, свидетельствует о том, что общественная опасность согласованных действий ниже общественной опасности картелей.

Применение мер гражданско-правовой ответственности к лицам, совершившим антимонопольные правонарушения, в российском праве развито в недостаточной степени. Одну из основных причин тому диссертант видит в излишне жестком подходе к установлению причинно-следственной связи, выработанной в рамках отечественной правоприменительной практики. Изменение указанного подхода может стать одним из подспорьев для развития частноправовых средств защиты в антимонопольной сфере.

Таким образом, в настоящем диссертационном исследовании описаны основные признаки согласованных действий, раскрыт вопрос их соотношения с другими категориями конкурентного права, а также выделены и охарактеризованы основные механизмы предупреждения и пресечения соответствующего неправомерного поведения. Результаты проведенного исследования соответствуют поставленной цели – определение места и роли института запрета на антиконкурентные согласованные действия в конкурентном праве России, а также решение правовых вопросов, возникающих в процессе предупреждения и пресечения соответствующей формы монополистической деятельности. Содержащиеся в тексте диссертации выводы могут быть полезны

для дальнейшего развития юридической науки. Так, перспективными для дальнейшего изучения остаются вопросы соотношения различных форм монополистической деятельности, применения положений относительно допустимости антиконкурентного поведения хозяйствующих субъектов, использования концепции коллективного доминирующего положения в целях предупреждения антимонопольных правонарушений, развития гражданско-правовых способов защиты в антимонопольной сфере и др. Результаты проведенного исследования также имеют практическую значимость и могут быть использованы для совершенствования отечественного антимонопольного законодательства и практики его применения.

Список использованных источников

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. – 1993. – № 237.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. – 2001. – № 256.

6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Российская газета. – 2002. – № 137.

7. Закон РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 16. – Ст. 499.

8. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. – 1992. – № 39.

9. Федеральный закон от 03 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 15. – Ст. 1269.

10. Федеральный закон от 25 мая 1995 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 22.

11. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Российская газета. – 1995. – № 248.

12. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Российская газета. 2006. № 126.

13. Федеральный закон от 06 декабря 2011 г. № 401-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // http://www.pravo.gov.ru

14. Федеральный закон от 13 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // http://www.pravo.gov.ru

15. Федеральный закон от 17 апреля 2017 г. № 74-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // http://www.pravo.gov.ru

16. Федеральный закон от 01 марта 2020 г. № 33-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» // http://www.pravo.gov.ru

17. Федеральный закон от 14 октября 2024 г. № 344-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» // http://www.pravo.gov.ru

18. Постановление Правительства РФ от 15 июля 2010 г. № 530 «Об утверждении Правил установления предельно допустимых розничных цен на отдельные виды социально значимых продовольственных товаров первой необходимости, перечня отдельных видов социально значимых продовольственных товаров первой необходимости, в отношении которых могут устанавливаться предельно допустимые розничные цены, и перечня отдельных видов социально значимых продовольственных товаров, за приобретение определенного количества которых хозяйствующему субъекту, осуществляющему торговую деятельность, не допускается выплата вознаграждения» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 30. – Ст. 4103.

19. Постановление Правительства от 26 апреля 2023 г. № 662 «О случаях допустимости соглашений, заключаемых органами государственной власти субъектов Российской Федерации с хозяйствующими субъектами в целях стабилизации цен на товары» // http://pravo.gov.ru

20. Постановление Правительства РФ от 23 ноября 2024 г. № 1612 «О внесении изменения в общие исключения в отношении соглашений, заключаемых органами государственной власти субъектов Российской Федерации с хозяйствующими субъектами в целях стабилизации цен на товары» // http://www.pravo.gov.ru

21. Приказ ФАС России от 28 апреля 2010 г. № 220 «Об утверждении порядка анализа состояния конкуренции на товарном рынке» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2010. – № 34.

22. Приказ ФАС России от 12 апреля 2022 г. № 285/22 «Об утверждении порядка направления предостережения о недопустимости совершения действий, которые могут привести к нарушению антимонопольного законодательства, и его формы» (зарег. в Минюсте России 21 июля 2022 г. № 69331) // http://pravo.gov.ru

Иные акты государственных органов

1. Распоряжение Правительства от 02 сентября 2021 г. № 2424-р «Об утверждении Национального плана («дорожной карты») развития конкуренции в Российской Федерации на 2021–2025 годы» // http://pravo.gov.ru

2. Распоряжение Правительства РФ от 08 октября 2025 г. № 2816-р «Об утверждении Национального плана («дорожной карты») развития конкуренции в Российской Федерации на 2026–2030 годы» // http://pravo.gov.ru

3. Разъяснение Президиума ФАС России от 17 февраля 2016 г. № 3 «Доказывание недопустимых соглашений (в том числе картелей) и согласованных действий на товарных рынках, в том числе на торгах» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАС России. – Режим доступа: https://fas.gov.ru/documents/562597

4. Разъяснение Президиума ФАС России от от 25 мая 2016 г. № 6 «Доказывание и расчет убытков, причиненных нарушением антимонопольного законодательства» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАС России. – Режим доступа: https://fas.gov.ru/documents/562227

5. Разъяснение Президиума ФАС России от июня 2017 г. № 8 «О применении положений статьи 10 Закона о защите конкуренции» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАС России. – Режим доступа: https://fas.gov.ru/documents/611491

6. Разъяснение Президиума ФАС России от 14 июня 2017 г. № 9 «О порядке публикации международными морскими контейнерными перевозчиками стоимости перевозки» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАС России. – Режим доступа: https://fas.gov.ru/documents/611492

7. Разъяснение Президиума ФАС России от 11 октября 2017 г. № 11 «По определению размера убытков, причиненных в результате нарушения антимонопольного законодательства» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАС России. – Режим доступа: https://fas.gov.ru/documents/587995

8. Разъяснение Президиума ФАС России от 24 октября 2018 г. № 15 «О привлечении к ответственности за злоупотребление доминирующим положением хозяйствующих субъектов, признанных коллективно доминирующими» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАС России. – Режим доступа: https://fas.gov.ru/documents/668095

9. Разъяснение Президиума ФАС России от 13 марта 2019 г. № 16 «О применении частей 7, 8 статьи 11 Закона о защите конкуренции» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАС России. – Режим доступа: https://fas.gov.ru/documents/684870

10. Разъяснение Президиума ФАС России от 11 июня 2021 г. № 19 «Об особенностях осуществления государственного антимонопольного контроля за экономической концентрацией» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАС России. – Режим доступа: https://fas.gov.ru/documents/687797

11. Рекомендации «О практиках в сфере использования информационных технологий в торговле, в том числе связанных с использованием ценовых алгоритмов», одобренные Президиумом ФАС России [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАС России. – Режим доступа: https://fas.gov.ru/documents/1-16fb9764-b5c1-48fe-8088-9f3f02144aea

12. Письмо ФАС России от 27 декабря 2011 г. № ИА/48801 «О применении «третьего антимонопольного пакета» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

Акты наднационального права Европейского Союза и нормативные правовые акты зарубежных государств (в т.ч. утратившие силу)

1. An Act to Protect Trade and Commerce Against Unlawful Restraints and Monopolies // 15 United States Code. § 1–7. 1890.

2. An Act to create a Federal Trade Commission, to define its power and duties, and for other purposes // 15 United States Code. § 41–58. 1914.

3. Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union // OJ C 326, 26.10.2012. P. 47–390.

4. Directive 2014/104/EU of the European Parliament and of the Council of 26 November 2014 on certain rules governing actions for damages under national law for infringements of the competition law provisions of the Member States and of the European Union Text with EEA relevance // OJ L 349, 05.12.2014. P. 1–19.

5. Practical guide on the quantification of harm in actions for damages based on breaches of Article 101 or 102 TFEU.

6. Council Regulation (EEC) № 4064/89 of 21 December 1989 on the control of concentrations between undertakings // OJ L 395. 1989. P. 1–12 (утр. силу).

Материалы правоприменительной практики судов и антимонопольных органов Российской Федерации

1. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июня 2008 г. № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением

арбитражными судами антимонопольного законодательства» // Вестник ВАС РФ. – 2008. – № 8.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04 марта 2021 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2021. – № 5.

3. Постановление Президиума ВАС РФ от 21 апреля 2009 г. № 15956/08 по делу № А65-3185/2008-СА1-23.

4. Постановление Президиума ВАС РФ от 21 декабря 2010 года № 9966/10 по делу № А27-12323/2009 // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 4.

5. Обзор по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере, утв. Президиумом ВС РФ 16.03.2016 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 9.

6. Определение Верховного Суда РФ от 05 августа 2015 г. № 307-КГ15-8870 по делу № А21-7325/2014.

7. Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 20 января 2003 г. по делу № А09-6610/02-15.

8. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 29 октября 2003 г. по делу № А13-2760/03-14.

9. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 25 ноября 2003 г. № Ф09-3376/2003-ГК по делу № А71-230/2003.

10. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 09 июня 2005 г. № Ф08-2145/2005.

11. Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 29 июня 2005 г. № А74-5042/04-Ф02-2906/05-С1.

12. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 22 декабря 2008 г. по делу № А21-7367/2007.

13. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 10 июля 2009 г. № Ф03-3116/2009 по делу № А73-10542/2008.

14. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 11 ноября 2009 г. по делу № А06-5286/2008.

15. Постановлением Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 14 декабря 2009 г. по делу № А21-1714/2009.

16. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 27 февраля 2010 г. по делу № А72-7039/2009.

17. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 30 апреля 2010 г. по делу № А13-4029/2009.

18. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 13 июля 2010 г. № КА-А40/6864-10 по делу № А40-3524/10-94-30.

19. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 07 сентября 2010 г. по делу № А29-2392/2010.

20. Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 19 октября 2010 г. по делу № А69-485/2010.

21. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26 декабря 2011 г. по делу № А38-231/2011.

22. Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28 августа 2012 г. по делу № А27-12329/2009.

23. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26 марта 2013 г. по делу № А43-1717/2012.

24. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 30 января 2014 г. по делу № А53-22012/2012.

25. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 15 мая 2014 г. по делу № А63-4667/2013.

26. Постановлением Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 25 июня 2014 г. по делу № А65-20578/2013.

27. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 09 июля 2014 г. по делу № А53-35635/2012.

28. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26 августа 2014 г. по делу № А40-14219/13-94-135.

29. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 03 сентября 2014 г. по делу № А19-12889/2013.

30. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 02 декабря 2014 г. № Ф06-17806/2013 по делу № А65-6321/2014.

31. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 20 апреля 2015 г. по делу № А53-4275/2014.

32. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 07 мая 2015 г. по делу № А21-7325/2014.

33. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01 декабря 2015 № Ф05-11080/2015 по делу № А40-22931/14.

34. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31 августа 2016 г. № Ф05-11600/2016 по делу № А40-203574/2015.

35. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 14 августа 2017г. № Ф06-12918/2016 по делу № А65-20903/2015.

36. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 29 мая 2018 г. № Ф06-32334/2018 по делу № 65-19383/2017.

37. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15 ноября 2019 № Ф09-6635/19 по делу № А07-30554/2018.

38. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 22 января 2021 г. № Ф06-69396/2020 по делу № А57-2265/2020.

39. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18 марта 2020 г. № 09АП-3964/2020 по делу № А40-185816/19.

40. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22 декабря 2021 г. по делу № А40-70134/2020-147-508.

41. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 июля 2022 г. № Ф05-16370/2022 по делу № А40-63512/2021.

42. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18 июля 2022 г. № Ф05-16709/2022 по делу № А40-60353/2021.

43. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 сентября 2022 г. № Ф05-20471/2022 по делу № А40-152921/2021.

44. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 9 января 2008 г. по делу № А-74-1523/2007.

45. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 26 августа 2009 г. по делу № А21-1714/2009.

46. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 09 февраля 2015 г. по делу № А21-7325/2014.

47. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 05 мая 2016 г. № 09АП-9610/2016 по делу № А40-203574/15.

48. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 27 мая 2004 г. по делу № А40-11699/04-2-77.

49. Решение Арбитражного суда города Москвы от 28 декабря 2021 г. по делу № А40-63512/2021.

50. Решение Арбитражного суда города Москвы от 09 февраля 2022 г. по делу № А40-60353/2021.

51. Решение Арбитражного суда города Москвы от 18 февраля 2022 г. по делу № А40-152921/2021.

52. Постановление Арбитражного суда Калининградской области от 13 октября 2014 г. по делу № А21-7325/2014.

53. Решение ФАС России от 23 апреля 2007 года по делу № 1 10/11-07.

54. Решение ФАС России от 26 сентября 2008 г. по делу № 1 10/61-08.

55. Решение ФАС России от 26 сентября 2008 г. по делу № 1 10/63-08.

56. Решение ФАС России от 27 октября 2008 г. по делу № 1 10/64-08.

57. Решение ФАС России от 28 октября 2008 г. по делу № 1 10/62-08.

58. Решение ФАС России от 21 декабря 2009 года по делу № 1 10/158-09.

59. Решение ФАС России от 23 ноября 2010 года по делу № 1 10/21-10.

60. Решение ФАС России от 18 сентября 2012 г. по делу № 111-98-12.

61. Решение ФАС России от 15 декабря 2015 г. по делу № 1-11-313/00-22-13.

62. Решение ФАС России от 11 мая 2016 г. по делу № 1-11/188-11.

63. Решение ФАС России от 27 мая 2019 г. по делу № 1-10-120/00-11-18.

64. Решение ФАС России от 02 ноября 2020 г. по делу № 11/01/10-46/2020.

65. Решение ФАС России от 20 сентября 2021 г. по делу № 11/01/10-7/2021.

66. Решение ФАС России от 25 октября 2022 г. по делу № 11/01/10-37/2021.

67. Решение ФАС России от 16 января 2023 г. по делу № 11/01/10-16/2022.

68. Решение Кемеровского УФАС России от 02 июня 2009 г. по делу № 2/А-11-2009.

69. Решение Управления ФАС России по Нижегородской области от 07 октября 2011 г. № 1277-ФАС52-ТР-10-04/12-10.

70. Решение Управления ФАС России по Ростовской области от 24 октября 2012 г. по делу № 575/05.

71. Решение Управления ФАС России по Ставропольскому краю от 12 апреля 2013 г. № 110.

72. Предостережение ФАС России от 25 мая 2020 г. № ИА/43667/20.

73. Предостережение ФАС России от 25 мая 2020 г. № ИА/43669/20.

74. Предостережение ФАС России от 26 мая 2020 г. № ИА/44066/20.

75. Предостережение ФАС России от 07 августа 2020 г. № АЦ/67653/20.

76. Предостережение ФАС России от 17 марта 2022 г. № МШ/21935/22.

77. Предостережение ФАС России от 17 марта 2022 г. № МШ/21937/22.

78. Предостережение ФАС России от 25 августа 2023 г. № МШ/68614/23.

79. Предостережение ФАС России от 30 августа 2023 г. № МШ/70121/23.

Материалы правоприменительной практики зарубежных судов и антимонопольных органов

1. Interstate Circuit, Inc. v. United States, 306 U.S. 208 (1939).

2. American Tobacco Co. v. United States, 328 U.S. 781 (1946).

3. Theatre Enterprise v. Paramount Distributing, 346 U.S. 537 (1953).

4. Monsanto Co. v. Spray-Rite Svc. Corp., 465 U.S. 752 (1984).

5. Matsushita Electrical Industrial Co., Ltd. v. Zenith Radio Corp., 475 U.S. 574 (1986).

6. Bell Atlantic Corp. v. Twombly, 550 U.S. 544 (2007).

7. Boise Cascade Corp. v. Federal Trade Commission, 637 F.2d 537 (1980).

8. E.I. Du Pont De Nemours & Co. and Ethyl Corp. v. Federal Trade Commission, 729 F.2d 128 (1984).

9. Case 48/69, Imperial Chemical Industries Ltd v Commission of the European Communities // ECR. – 1972. – 619.

10. Joint cases 40 to 48, 50, 54 to 56, 111, 113 and 114-73, Coöperatieve Vereniging «Suiker Unie» UA and others v Commission of the European Communities // ECR. – 1975-01663.

11. Case 27/76, United Brands Company and United Brands Continentaal BV v Commission of the European Communities // ECR. 1978-00207.

12. Case 85/76, Hoffmann-La Roche & Co. AG v Commission of the European Communities // ECR. 1979-00461.

13. Joined cases T-68/89, T-77/89 and T-78/89, Società Italiana Vetro SpA, Fabbrica Pisana SpA and PPG Vernante Pennitalia SpA v Commission of the European Communities // ECR. 1992. II-01403.

14. Joined cases C-89/85, C-104/85, C-114/85, C-116/85, C-117/85 and C-125/85 to C-129/85, A. Ahlström Osakeyhtiö and others v Commission of the European Communities // ECR. – 1993 I-1307.

15. Joined cases C-68/94 and C-30/95, French Republic and Société commerciale des potasses et de l'azote (SCPA) and Entreprise minière et chimique (EMC) v Commission of the European Communities // ECR. 1998. I-01375.

16. Case C-235/92 P, Montecatini SpA v Commission of the European Communities // ECR. – 1999 I-4539.

17. Case C-199/92 P, Hüls AG v Commission of the European Communities // ECR. – 1999 I-4287.

18. Case C-49/92 P, Commission of the European Communities v Anic Partecipazioni SpA // ECR. – 1999 I-4125.

19. Case C-49/92 P, Commission of the European Communities v Anic Partecipazioni SpA // ECR. – 1999 I-4125.

20. Case T-228/97, Irish Sugar plc v Commission of the European Communities // ECR. 1999. II-2969.

21. Joint cases C-395/96 P and C-396/96 P, Compagnie Maritime Belge Transports SA, Compagnie Maritime Belge SA and Dafra-Lines A/S v Commission of the European Communities // ECR. 2000. I-01365.

22. Case T-342/99 DEP, Airtours v Commission of the European Communities // ECR. 2002. II-02585.

23. Case T-193/02, Laurent Piau v Commission of the European Communities // ECR. 2005. II-00209.

24. Case C-8/08, T-Mobile Netherlands BV, KPN Mobile NV, Orange Nederland NV and Vodafone Libertel NV v Raad van bestuur van de Nederlandse Mededingingsautoriteit // ECR. – 2009 I-4529.

25. Case C–74/14, ‘Eturas’ UAB and Others v Lietuvos Respublikos konkurencijos taryba // ECR. – 2016.

Диссертации и авторефераты диссертаций

1. Ашфа, Д.М. Корпоративные механизмы предупреждения нарушений антимонопольного законодательства : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.07 / Даниэль Мохамадович Ашфа. – Москва, 2021. – 30 с.

2. Бекленищева, И.В. Понятие гражданско-правового договора: сравнительно-правовое исследование : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Илона Валерьевна Бекленищева. – Екатеринбург, 2004. – 207 с.

3. Варламова, А.Н. Правовое содействие развитию конкуренции на товарных рынках : дис. … докт. юрид. наук : 12.00.03 / Алла Николаевна Варламова – Москва, 2008. – 618 с.

4. Верещагин, А.А. Экономическое поведение хозяйствующих субъектов в условиях олигополистической структуры рынка : дис. … канд. экон. наук : 08.00.01 / Андрей Александрович Верещагин. – Ярославль, 2010. – 160 с.

5. Громова, М.Н. Субъекты и содержание права на занятие предпринимательской деятельностью : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Марина Николаевна Громова. – Казань, 2005. – 26 с.

6. Молчанов, А.В. Антимонопольные требования к торгам: правовой аспект : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.07 / Артем Владимирович Молчанов. – Москва, 2019. – 188 с.

7. Овакимян, К.Б. Правовое регулирование государственного контроля за экономической концентрацией : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.07 / Карин Бениаминович Овакимян. – Москва, 2021. – 30 с.

8. Плеханов, Д.А. Защита конкуренции от антиконкурентных актов, действий и соглашений органов государственной власти и местного самоуправления (правовой аспект) : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.07 / Денис Александрович Плеханов. – Москва, 2019. – 215 с.

9. Розанова, Н.М. Взаимодействие фирм на товарных рынках в переходной экономике России : дис. … докт. экон. наук : 08.00.01 / Надежда Михайловна Розанова. – Москва, 1998. – 282 с.

10. Сулакшина, А.С. Соглашения и согласованные действия хозяйствующих субъектов, ограничивающие конкуренцию на товарных рынках в Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Сулакшина Алена Степановна. – Москва, 2007. – 189 с.

11. Суменков, С.Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ : автореф. дис. … докт. юрид. наук : 12.00.01 / Суменков Сергей Юрьевич. – Саратов, 2016. – 200 с.

12. Ульянов, И.А. Влияние законодательства о защите конкуренции на гражданско-правовые сделки : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Илья Александрович Ульянов. – Москва, 2010. – 159 с.

13. Хохлов, Е.С. Доминирующее положение хозяйствующего субъекта в конкурентном праве : дис. … канд. юрид. наук : 5.1.3 / Евгений Сергеевич Хохлов. – Москва, 2022. – 298 с.

Монографии, пособия, учебники, комментарии, словари

1. Агарков, М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву. – М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. – 192 с.

2. Антиконкурентные соглашения и недобросовестная конкуренция : учебное пособие / отв. ред. С.А. Пузыревский. – Москва : Проспект, 2016. – 287 с.

3. Антимонопольно-конкурентное право : учебник / под. ред. К.А. Писенко, И.А. Цинделиани. – Москва : Проспект, 2022. – 608 с.

4. Архипов, А.И., Багудина, Е.Г., Балашов, С.А. и др. Экономический словарь / отв. ред. А.И. Архипов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2017. – 672 с.

5. Башлаков-Николаев, И.В. Коллективное доминирование: вопросы теории и практики : монография / науч. ред. С.В. Максимов. – Москва : Проспект, 2021. – 168 с.

6. Башлаков-Николаев, И.В., Максимов, С.В. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации о применении судами антимонопольного законодательства : научно-практический комментарий [Электронный ресурс]. Москва : Проспект, 2022. – 184 с. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

7. Белов, В.Е., Соменков, С.А. Гражданское право: общие положения о договорах : учебное пособие для бакалавров / отв. ред. В.В. Долинская, В.Л. Слесарев. – Москва : Проспект, 2017. – 92 с.

8. Бойцова, Е.Ю. Экономическая теория: макроэкономика и микроэкономика. Актуальные проблемы : учебник и практикум для вузов / Е.Ю. Бойцова, Н.К. Вощикова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 339 с.

9. Боннер, А.Т. Избранные труды : в 7 т. Т. V. Проблемы теории судебных доказательств. – Москва : Проспект, 2017. – 560 с.

10. Борзило, Е.Ю. Антимонопольные риски предпринимательской деятельности: научно-практическое руководство. – М. : Статут, 2014. – 335 с.

11. Варламова, А.Н. Правовое обеспечение развития конкуренции : учебное пособие. – М. : Статут, 2010. – 301 с.

12. Гражданский процесс : учебник / под ред. М.К. Треушникова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2014. – 960 с.

13. Гражданское право. В 4 т. Том II. Общая часть. В 2 кн. Книга 2. Факты : учебник для бакалавриата и магистратуры / В.А. Белов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2019. – 497 с.

14. Гражданское право: общие положения об обязательствах : учебное пособие для бакалавров / отв. ред. В.В. Долинская, В.Л. Слесарев. – Москва : Проспект, 2017. – 161 с.

15. Гражданское право : учебник: в 2 т. / Е.Е. Богданова, Д.Е. Богданов, Л.Ю. Василевская и др. ; под ред. Е.Е. Богдановой. Т. 2. – Москва : Проспект, 2020. – 446 с.

16. Гражданское право : учебник. В 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. Т. 2 – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2017. – 543 с.

17. Гражданское право : учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. Т. 3 – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2020. – 480 с.

18. Дианов, В. Комментарий к «третьему антимонопольному пакету» / В. Дианов, А. Егорушкин, Е. Хохлов. – М. : Статут, 2012. – 253 с.

19. Егорова, М.А. Гражданско-правовые последствия нарушений антимонопольного законодательства : монография / М.А. Егорова. – М. : Юстицинформ, 2020. – 408 с.

20. Егорова, М.А. Правовые режимы антиконкурентных действий : монография / М.А. Егорова. – М. : Юстицинформ, 2021. – 244 с.

21. Иоффе, О.С. Обязательственное право. – М. : Юрид. лит., 1975. – 880 с.

22. Кинев, А.Ю. Картель и другие антиконкурентные соглашения [Электронный ресурс] / А.Ю. Кинев // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

23. Князева, И.В., Чирихин, С.Н. Актуальные вопросы проведения анализа состояния конкуренции на товарных рынках (методологический комментарий) : монография. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2020. – 291 с.

24. Конкурентное право России : учебник / Д.А. Гаврилов, С.В. Максимов, О.В. Мильчакова и др. ; отв. ред. С.А. Пузыревский. – Москва : Проспект, 2021. – 640 с.

25. Конкурентное право : учебник / под общ. ред. М.А. Егоровой, А.Ю. Кинева. – М. : Юстицинформ, 2018. – 628 с.

26. Конкурентное право : учебник для вузов / Д.А. Петров, В.Ф. Попондопуло. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Изд. Юрайт, 2025. – 292 с.

27. Корпоративное право : учебный курс. В 2 т. / отв. ред. И.С. Шиткина. – Т. 2. – М. : Статут, 2018. – 990 с.

28. Красавчиков, О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. – Москва : Государственное изд-во юрид. литературы, 1958. – 183 с.

29. Лаптев, Д.Б. Уголовная ответственность за ограничение конкуренции: монография / Д.Б. Лаптев. – М. : РГУП, 2019. – 132 с.

30. Лафитский, В.И. Практическое пособие по сравнительному правоведению: ступени познания зарубежного права для чиновников, предпринимателей и юристов. – Москва : Проспект, 2019. – 392 с.

31. Лунц, Л.А., Новицкий, И.Б. Общее учение об обязательстве. – М. : Государственное издательство юридической литературы, 1950. – 412 с.

32. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О защите конкуренции» / отв. ред. И.Ю. Артемьев. – М. : Статут, 2015. – 718 с.

33. Николаева, И.П. Экономический словарь. – Москва : Проспект, 2015. – 160 с.

34. Обзор административной и судебной практики рассмотрения дел о нарушениях антимонопольного законодательства Российской Федерации о

защите конкуренции / Сближение норм конкуренции в Российской Федерации ; сост. и авт. коммент. Н.Е. Фонарева. – М. : [б.и.], 2007. – 126 с.

35. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: около 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов ; под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – Москва : Издательство АСТ; Издательство «Мир и Образование», 2022. – 1360 с.

36. Ойгензихт, В.А. Воля и волеизъявление. Очерки теории, философии и психологии права. – Душанбе : Донищ, 1983. – 256 с.

37. Ответственность за нарушения антимонопольного законодательства: проблемы теории и практики : монография / отв. ред. С.В. Максимов, С.А. Пузыревский. – М. : Норма. –114 с.

38. Паращук, С.А. Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции и монополии) / С.А. Паращук. – М. : Городец-издат, 2002. – 413 с.

39. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права. – Спб. : Изд. юрид. книжного склада «Право», 1917. – 328 с.

40. Попов, Л.Л., Мигачев, Ю.И. Административное право Российской Федерации : учебник : в 2 т. Т.1 / отв. ред. С.М. Зубарев, Л.Л. Попов. – Москва : Проспект, 2024. – 469 с.

41. Процедуры в конкурентном праве : учебное пособие / отв. ред. С.А. Пузыревский. – Москва : Проспект, 2019. – 296 с.

42. Решетникова, И.В. Доказывание в гражданском процессе : учебно-практическое пособие для вузов / И.В. Решетникова. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 388 с.

43. Радько, Т.Н. Проблемы теории государства и права : учебник. – Москва : Проспект, 2015. – 603 с.

44. Райзберг, Б.А., Лозовский, Л.Ш., Стародубцева, Е.Б. Современный экономический словарь / под общ. ред. Б.А. Райзберга. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : ИНФРА-М, 2023. – 512 с.

45. Розанова Н.М. Теория отраслевых рынков: продвинутый уровень : учебник для вузов / Н.М. Розанова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 407 с.

46. Российское гражданское право : Учебник: В 2 т. Т. I : Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. – 4-е изд., стереотип. – М. : Статут, 2016. – 958 с.

47. Российское уголовное право : в 2 т. Т. 1. Общая часть : учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2015. – 608 с.

48. Рыженков, А.Я. Право и монополии в современной России : монография / А.Я. Рыженков. – М. : Юстицинформ, 2017. – 208 с.

49. Скловский, К.И. Сделка и ее действие (2-е изд.). Комментарий главы 9 ГК РФ (Понятие, виды и форма сделок. Недействительность сделок). – М. : Статут, 2015. – 176 с.

50. Тотьев, К.Ю. Конкурентное право (правовое регулирование деятельности субъектов конкуренции и монополий) : учебник для вузов. – 2 изд., перераб. и доп. – М. : Издательство РДЛ, 2003. – 476 с.

51. Хайман, Давид Н. Современная микроэкономика: анализ и применение: [в 2 т.] / Хайман Давид ; [пер. с англ.] под ред., с предисл. и послесл. С.В. Вайдайцева. Т.2. – Москва : Финансы и статистика, 1992. – 371 с.

52. Халфина, Р.О. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве. – М. : Изд. Академии наук СССР, 1954. – 238 с.

53. Хохлов, Е.С. Злоупотребление доминирующим положением : учебное пособие / Е.С. Хохлов. – Москва : Статут, 2024. – 462 с.

54. Чернявский, А.Г. Юридическая ответственность : учебное пособие / А.Г. Чернявский. – М. : ИНФРА-М, 2019. – 545 с.

55. Шаститко, А.Е. Коллективное доминирование на рынке: экономика и право. – М. : МАКС Пресс, 2011. – 76 с.

56. Шеллинг, Т. Стратегия конфликта / Томас Шеллинг; пер. с англ. Т. Даниловой под ред. Ю. Кузнецова, К. Сонина. – М. : ИРИСЭН, 2007. – 366 с.

57. Шерер, Ф., Росс, Д. Структура отраслевых рынков : пер. с англ. – М. : ИНФРА-М, 1997. – 698 с.

58. Шершеневич, Г.Ф. Курс торгового права. Т. 1: Введение, Торговые деятели – 4-е изд. – СПб. : Типография товарищества печати и изд. дела Труд, 1908. – 515 с.

59. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Том 2. – М. : Изд. бр. Башмаковых, 1915. – 551 с.

60. Экономика отраслевых рынков : учебник и практикум для вузов / А.В. Заздравных, Е.Ю. Бойцова. – 2-е изд. Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 359 с.

Научные и научно-практические статьи

1. Абдульменов, А., Пружанский, В. Процедура комплаенса при установлении цен: случай из практики / А. Абдульменов, В. Пружанский // Конкуренция и право. – 2015. – № 5. – С. 47–52.

2. Авдашева, С.Б. Незаконность молчаливого сговора в российском антимонопольном законодательстве: могут ли экономисты быть полезны при выработке юридических норм? / С.Б. Авдашева // Вопросы экономики. – 2011. – № 5. – С. 89–102.

3. Авдашева, С.Б., Антонова, Т.В. Бензин ваш, идеи наши: согласование сделок слияний в российском секторе моторного топлива / С.Б. Авдашева, Т.В. Антонова // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2017. – № 6. – С. 42–64.

4. Авдашева, С.Б., Макаров, А.В. Оценка эффектов при запрете антиконкурентных соглашений: решения арбитражных судов / С.Б. Авдашева, А.В. Макаров // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2017. – № 3. – С. 51–71.

5. Авдашева, С.Б. Розанова, Н.М. Доминирующее положение и антиконкурентные соглашения / С.Б. Авдашева, Н.М. Розанова // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2004. –Том 2. – № 2. – С. 112–127.

6. Авдашева, С.Б., Шаститко, А.Е., Калмычкова, Е.Н. Экономические основы антимонопольной политики: российская практика в контексте мирового опыта / С.Б. Авдашева, А.Е. Шаститко, Е.Н. Калмычкова // Экономический журнал ВШЭ. – 2007. – № 2. – С. 234–270.

7. Алексеев, С.С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования // Антология уральской цивилистики. 1925–1989: сборник статей. – М. : Статут, 2001. – С. 54–68.

8. Бабенко, Т. Интервью со статс-секретарем – заместителем руководителя ФАС России Андреем Юрьевичем Цариковским // Юрист. – 2017. – № 1. – С. 4–6.

9. Бащлаков-Николаев, И.В. Антимонопольный орган как орган предупредительного контроля [Электронный ресурс] / И.В. Башлаков-Николаев // Современный юрист. – 2014. – № 4. – С. 43–55. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

10. Башлаков-Николаев, И.В. Новый антикартельный пакет и вероятные последствия его принятия / И.В. Башлаков-Николаев // Закон. – 2020. – № 10. – С. 109–119.

11. Башлаков-Николаев, И.В., Максимов, С.В., Чепурнова, Н.М. Правовой институт коллективного доминирования: от осознания проблем толкования к поиску законодательной формы / И.В. Башлаков-Николаев, С.В. Максимов, Н.М. Чепурнова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 12. – С. 96–102.

12. Белов, В.А. Антимонопольная компенсация (юридические аспекты новой инициативы ФАС России) / В.А. Белов // Законодательство. – 2014. – № 12. – С. 32–43.

13. Белов, В.А. Дело о согласованных действиях, которые не согласовывали (догматический и политико-правовой аспекты) / В.А. Белов // Законодательство. – 2005. – № 7. – С. 28–45.

14. Биленко, А.И. Проблемы разграничения картельных соглашений и согласованных действий, запрещенных антимонопольным законодательством Российской Федерации [Электронный ресурс] / А.И. Биленко // Законодательство. – 2022. – № 5. – С. 24–29. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

15. Бодренков, В.А., Прохорова, Ю.Г. Антимонопольный комплаенс: конкурентное преимущество и гарант развития бизнеса // Антимонопольный комплаенс как эффективный инструмент профилактики нарушений / под общ. ред. С.А. Пузыревского : монография. – М. : ИГ Юрист, 2019. – С. 112–122.

16. Бондарь, Н.С. Правовая определенность – универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) / Н.С. Бондарь // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 10. – С. 4–10.

17. Борзило, Е.Ю. Новое в российском антимонопольном законодательстве [Электронный ресурс] / Е.Ю. Борзило // Вестник гражданского права. – 2006. – № 2. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

18. Борзило, Е.Ю. Предупреждения и предостережения антимонопольного органа как инструмент правового регулирования в России /Е.Ю. Борзило // Бизнес. Образование. Право. – 2016. – № 1 (34). – С. 192–195.

19. Бузин, М.А. Картель или не картель: проблемы доказывания соглашений между конкурентами после принятия постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 марта 2021 года № 2 / М.А. Бузин // Российское конкурентное право и экономика. – 2022. Спец. выпуск. – С. 70–76.

20. Варламова, А.Н. Правовые средства осуществления антимонопольного комплаенса [Электронный ресурс] / А.Н. Варламова // Конкурентное право. – 2019. – № 1. – С. 5–9. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

21. Варламова, А.Н. Совместное доминирование и согласованные действия / А.Н. Варламова // Корпоративный юрист. – 2007. – № 5. – С. 41–43.

22. Войченко, С., Елаев, А., Рябов, А., Шаститко, А. Мартовский Пленум ВС. Палитра мнений / С. Войченко, А. Елаев, А. Рябов, А. Шаститко // Конкуренция и право. – 2021. – № 2. – С. 27–34.

23. Вялых, С.В., Денисова, А.В. Разграничение антиконкурентных согласованных действий и соглашений (картелей) / С.В. Вялых, А.В. Денисова // Российское конкурентное право и экономика. – 2015. – № 4 (4). – С. 33–42.

24. Гаврилов, Д.А. Некоторые вопросы взыскания убытков вследствие нарушения антимонопольного законодательства: текущая практика и перспективы с учетом зарубежного опыта [Электронный ресурс] / Д.А. Гаврилов // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2015. – № 3. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

25. Гаврилов, Д.А. Предписания как ключевой правовой инструмент для эффективного антимонопольного контроля / Д.А. Гаврилов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 7. – С. 23–28.

26. Гаджиев, Г.А. Конституционные основы юридической ответственности и конституционно-правовая ответственность / Г.А. Гаджиев // Журнал российского права. – 2014. – № 1. – С. 7–15.

27. Горейко, Н.А. Норма о коллективном доминировании в российской антимонопольной практике / Н.А. Горейко // Современная конкуренция. – 2011. – № 6. – С. 33–49.

28. Грищенкова, А.В. Комментарий к Постановлению Пленума ВАС РФ от 30.06.2008 № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства» [Электронный документ] / А.В. Грищенкова // Налоговый вестник: комментарии к нормативным документам для бухгалтеров. – 2008. – № 10. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

29. Гузеева, О.С. Общественная опасность преступления: конституционно-правовой и уголовно-правовой анализ / О.С. Гузеева // Lex russica. – 2021. – Т. 74. – № 3. – С. 95–106.

30. Даурова, Т.Г. Эволюция российского антимонопольного законодательства [Электронный ресурс] / Т.Г. Даурова // Законодательство и экономика. – 2004. – № 1. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

31. Демин, А.А. Договор и соглашение: соотношение понятий / А.А. Демин // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2013. – № 2 (78). – С. 25–34.

32. Денченкова, О.Е., Нумерова, А.А. Антитраст после принятия антимонопольного Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации / О.Е. Денченкова, А.А. Нумерова // Российское конкурентное право и экономика. – 2022. – № 4. – С. 10–17.

33. Дугенец, А.С., Тищенко Ю.Ю. К вопросу о возможностях уголовно-правового воздействия на предупреждение преступлений / А.С. Дугенец, Ю.Ю. Тищенко // Российский следователь. – 2022. – № 4. – С. 58–60.

34. Егоров, А.В. Упущенная выгода: проблемы теории и противоречия практики / А.В. Егоров // Убытки и практика их возмещения. Сборник статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. – М. : Статут, 2006. – С. 68–137.

35. Егорова, М.А. Картель как разновидность сделки / М.А. Егорова // Сборник научных статей V международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом» / под ред. С.Д. Могилевского, М.А. Егоровой. – М. : Юстицинформ, 2017. – С. 328–347.

36. Егорова, М.А. Категория «контроль юридического лица» как основной критерий формирования группы лиц / М.А. Егорова // Конкурентное право. – 2014. – № 1. – С. 8–13.

37. Егорова, М.А. Особенности зарубежного опыта применения солидарной ответственности при коллективном нарушении антимонопольного

законодательства / М.А. Егорова // Предпринимательское право. – 2024. – № 1. – С. 25–27.

38. Егорова, М.А. Презумпции ограничения конкуренции / М.А. Егорова // Юрист. – 2017. – № 17. –С. 8–10.

39. Егорова, М.А. Современные подходы к правовому регулированию согласованных действий хозяйствующих субъектов товарных рынков / М.А. Егорова // Конкурентное право. – 2012. – № 2. – С. 28–30.

40. Егорова, М.А. Современные подходы к правовому регулированию согласованных действий хозяйствующих субъектов товарных рынков / М.А. Егорова // Конкурентное право. – 2012. – № 3. – С. 9–14.

41. Егорова, М.А. Форма антиконкурентных действий как критерий их систематизации и определения правовых последствий их совершения / М.А. Егорова // Конкурентное право. – 2018. – № 1. – С. 21–24.

42. Егорова, М.А., Кинев, А.Ю. Восстановительная антимонопольная компенсация / М.А. Егорова, А.Ю. Кинев // Предпринимательское право. – 2015. – № 2. – С. 30–35.

43. Егорова, М.А., Кинев, А.Ю. К вопросу о связи частноправовых убытков с нарушением антимонопольного законодательства / М.А. Егорова, А.Ю. Кинев // Сборник научных статей III Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом» / Е.А. Абросимова, В.К. Андреев, Л.В. Андреева и др. ; под общ. ред. С.Д. Могилевского, М.А. Егоровой. – М. : Юстицинформ, 2016. – С. 270–292.

44. Егорова, М.А., Кинев, А.Ю. Правовые критерии картеля [Электронный ресурс] / М.А. Егорова, А.Ю. Кинев // Право и экономика. – 2016. – № 4. – С. 4–11. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

45. Еременко, В.И. Реформирование российского антимонопольного законодательства / В.И. Еременко // Законодательство и экономика. – 2012. – № 4. – С. 5–20.

46. Жеребцов, А.Н., Вертинская А.Н. Дифференциация административной ответственности: понятие, критерии, значение [Электронный ресурс] / А.Н. Жеребцов, А.Н. Вертинская // Современное право. –2018. – № 9. – С. 24–29. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

47. Заграевский, С. Антимонопольный пакет: версия 3.0 / С. Заграевский // Конкуренция и право. – 2012. – № 2. – С. 41–44.

48. Интервью с Аллой Николаевной Варламовой, доктором юридических наук, профессором кафедры коммерческого права и основ правоведения юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова [Электронный ресурс] // Конкурентное право. – 2012. – № 2. – С. 36–41. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

49. Истомин, В.Г. Гражданско-правовые последствия заключения и исполнения ограничивающих конкуренцию соглашений / В.Г. Истомин // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25. – № 7. – С. 54–68.

50. Истомин, В.Г. Конструкция антиконкурентных согласованных действий в российском антимонопольном законодательстве / В.Г. Истомин // Актуальные проблемы российского права. –2021. – Т. 16. – № 8 (129). – С. 89–102.

51. Истомин, В.Г. Правовая характеристика антиконкурентных согласованных действий по современному российскому антимонопольному законодательству / В.Г. Истомин // Проблемы гармонизации экономических отношений и права в цифровой экономике : монография / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. – М. : Юстицинформ, 2020. – С. 208–220.

52. Истомин, В.Г. Современное состояние и перспективы развития гражданско-правовых способов защиты прав участников отношений, регулируемых антимонопольным законодательством / В.Г. Истомин // Журнал российского права. 2025. № 6. С. 104–117.

53. Кабанова, И.Е. К вопросу о понятии «действия по соглашению» / И.Е. Кабанова // Конкурентное право. – 2012. – № 3. – С. 21–24.

54. Кванина, В.В. Антимонопольный комплаенс: что нового? [Электронный ресурс] / В.В. Кванина // Конкурентное право. – 2019. – № 4. – С. 45–48. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

55. Кинев, А.Ю. Система противодействия картелям / А.Ю. Кинев // Закон. – 2012. – № 9. – С. 179–186.

56. Кинев, А.Ю. Третий антимонопольный пакет и борьба с картелями [Электронный ресурс] / А.Ю. Кинев // Закон. – 2012. № 2. – С. 139–147. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

57. Кинев, А.Ю., Егорычев, Н.Н., Самолысов, П.В., Тенишев, А.П. Картели. Система доказывания и судебная практика // Закон. – 2013. – № 4. – С. 131–139.

58. Кинев, А.Ю., Тенишев, А.П. Об уголовной ответственности за картели [Электронный ресурс] / А.Ю. Кинев, А.П. Тенишев // Юрист. – 2017. – № 1. – С. 7–13. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

59. Кирюшина, И.В. Понятия «соглашения», «согласованные действия» и «параллельное поведение» в доктрине и законодательстве России / И.В. Кирюшина // Известия Алтайского государственного университета. – 2018. – № 6 (104). – С. 157–161.

60. Клейн, Н.И. Антимонопольное законодательство и законодательство о естественных монополиях: проблемы применения и дальнейшего совершенствования [Электронный ресурс] / Н.И. Клейн // Право и экономика. – 1998. – № 1. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

61. Князева, И.В., Дозмаров, К.В. Антимонопольный комплаенс – профилактика компаниями рисков нарушения конкурентного законодательства / И.В. Князева, К.В. Дозмаров // ЭКО. – 2020. – № 4. – С. 110–129.

62. Комплаенс – стимул, принуждение или инструмент контроля? Интервью с Андреем Геннадьевичем Цыгановым [Электронный ресурс] // Конкуренция и право. – 2016. – № 2. – С. 5–9. Режим доступа: https://cljournal.ru/interview/150/

63. Корнеев, В.А. Комментарий к Постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июня 2008 г. № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства» / В.А. Корнеев // Вестник ВАС РФ. – 2008. – № 10. – С. 62–69.

64. Липинский, Д.А. Взаимодействие функций гражданско-правовой ответственности в предупреждении правонарушений: общетеоретический аспект / Д.А. Липинский // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – № 1. – С. 30–40.

65. Лопашенко, Н.А., Голикова, А.В., Кобзева, Е.В., Ковлагина, Д.А., Лапунин, М.М., Хутов, К.М. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Правоприменение. – 2020. – Т. 4. – № 4. – С. 124–140.

66. Лысенкова, Е.Н. Вопросы квалификации и доказывания соглашений (действий) хозяйствующих субъектов в соответствии с частями 1 и 2 статьи 11 Федерального закона «О защите конкуренции» (на основании материалов судебной практики ФАС СЗО) [Электронный ресурс] / Е.Н. Лысенкова // Арбитражные споры. – 2012. – № 2. – С. 77–95. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

67. Макаров, А.В. Переход к правилу взвешенного подхода (ROR): преимущества и риски / А.В. Макаров // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2018. – № 1. – С. 65–81.

68. Малько, А.В., Липинский, Д.А., Маркунин, Р.С. Юридическая ответственность как средство предупреждения правонарушений: актуальные проблемы / А.В. Малько, Д.А. Липинский, Р.С. Маркунин // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 4. – С. 4–24.

69. Мигитко, О.В. Коллективное доминирование: недоказанность и недосказанность / О.В. Мигитко // Конкуренция и право. – 2010. – № 1. – С. 8–14.

70. Молчанов, А.В. Антимонопольный комплаенс: значение и перспективы правового регулирования / А.В. Молчанов // Юрист. – 2017. – № 17. – С. 11–14.

71. Молчанов, А.В. Предостережения как механизм антимонопольного контроля / А.В. Молчанов // Российское конкурентное право и экономика. – 2016. – № 4 (8). – С. 24–27.

72. Молчанов, А.В., Лобанов Р.М. Возмещение убытков, причиненных нарушением антимонопольного законодательства [Электронный ресурс] / А.В. Молчанов, Р.М. Лобанов // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2018. – № 4. – С. 42–47. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

73. Мосунова, Н.Н. Картели в России: per se или эффект? / Н.Н. Мосунова // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – № 2. – С. 95–109.

74. Наумов, А.В. Законодательные основы реализации в уголовном судопроизводстве принципа определенности уголовно-правовых запретов [Электронный ресурс] / А.В. Наумов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2022. – № 3. – С. 5–15. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

75. Оводов, А.А. Интервью с членом Экспертного совета по применению антимонопольного законодательства при ФАС России, адвокатом, доцентом юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидатом юридических наук, автором книги «Конкурентное право» С.А. Паращуком // Юрист. – 2011. – № 5. – С. 3–9.

76. Осипова, В.Л. Антиконкурентные согласованные действия: понятие и квалификация / В.Л. Осипова // Конкурентное право. – 2018. – № 3. – С. 17–20.

77. Павлова, Н.С., Шаститко, А.Е. Антиконкурентные последствия антимонопольной политики: кейс мобильных операторов / Н.С. Павлова, А.Е. Шаститко // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2021. – № 2. – С. 7–33.

78. Паращук, С.А. Доминирующее положение хозяйствующего субъекта как базовая категория законодательства о защите конкуренции / С.А. Паращук // Предпринимательское право. – 2014. – № 2. – С. 46–53.

79. Паращук, С.А. Право на свободную конкуренцию как правовой принцип и субъективное право // Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности: монография / В.К. Андреев, Л.В. Андреева, К.М. Арсланов и др. ; отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М. : Юстицинформ, 2016. – С. 188–189.

80. Пестриков, В. Развитие судебной практики по антимонопольным делам [Электронный ресурс] / В. Пестриков // Корпоративный юрист. – 2008. – № 11. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

81. Петров, Д.А. Координация экономической деятельности и деятельность саморегулируемых организаций: проблемы соотношения понятий [Электронный ресурс] / Д.А. Петров // Арбитражные споры. – 2012. – № 1. – С. 121–134. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

82. Попондопуло, В.Ф. Антимонопольное регулирование и защита конкуренции: общий обзор [Электронный ресурс] / В.Ф. Попондопуло // Конкурентное право. – 2011. – № 1. – С. 3–14. – Режим достура: СПС «КонсультантПлюс».

83. Попондопуло, В.Ф. Рыночная власть производителей и потребителей товаров, формы ее проявления и законодательное регулирование / В.Ф. Попондопуло // Конкурентное право. – 2021. – № 4. – С. 2–9.

84. Попондопуло, В.Ф., Петров, Д.А. Комплаенс как система управления рисками в сфере предпринимательства / В.Ф. Попондопуло, Д.А. Петров // Антимонопольный комплаенс как эффективный инструмент профилактики нарушений / под общ. ред. С.А. Пузыревского : монография. – М. : ИГ Юрист, 2019. – С. 15–32.

85. Пружанский, В. Анализ допустимости сделок экономической концентрации: анализ лучших практик / В. Пружанский // Российское конкурентное право и экономика. – 2019. – № 3 (19). – С. 60–67.

86. Пузыревский, С.А. Антиконкурентные соглашения и согласованные действия: основные тенденции / С.А. Пузыревский // Конкуренция и право. – 2011. – № 3. – С. 6–14.

87. Пузыревский, С.А. Комплаенс как способ предупреждения нарушений антимонопольного законодательства / С.А. Пузыревский // Конкуренция и право. – 2014. – № 5. – С. 5–9.

88. Пузыревский, С.А. Развитие антимонопольного законодательства: третий антимонопольный пакет [Электронный ресурс] / С.А. Пузыревский // СПС «КонсультантПлюс». 2012. – Режим доступа СПС «КонсультантПлюс».

89. Пузыревский, С.А. Третий антимонопольный пакет: общая характеристика планируемых изменений антимонопольного законодательства [Электронный ресурс] / С.А. Пузыревский // СПС «КонсультантПлюс». 2011. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

90. Пузыревский, С.А., Груничев, А.С. Некоторые итоги реформы антимонопольного регулирования [Электронный ресурс] / С.А. Пузыревский, А.С. Груничев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 3. – С. 3–9. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

91. Редькина, А. Использование предписаний в российском контроле экономической концентрации: модели дискретного выбора / А. Редькина // Современная конкуренция. – 2015. – Том 9. – № 5 (53). – С. 5–24.

92. Репьев, А.Г., Васильков, К.А. «Превенция» как правовая категория: в порядке научной дискуссии / А.Г. Репьев, К.А. Васильков // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2020. –№ 2 (133). – С. 35–42.

93. Росляков, А.В. Коллективное доминирование, группа лиц, согласованные действия и свобода договора / А.В. Росляков // Закон. – 2019. – № 1. – С. 171–187.

94. Рубцова, Н.В. Картель как элемент системы нормативного регулирования предпринимательской деятельности / Н.В. Рубцова // Конкурентное право. – 2020. – № 2. – С. 21–24.

95. Рыженков, А.Я. Антимонопольное законодательство: соглашения и согласованные действия / А.Я. Рыженков // Экономико-правовые аспекты реализации стратегии модернизации России: поиск модели эффективного социохозяйственного развития : сборник статей междунар. научно-практической

конференции / отв. ред. В.В. Сорокожердьев. – М. : Изд-во АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права», 2016. – С. 167–171.

96. Самолысов, П.В. Принципы государственного антимонопольного контроля [Электронный ресурс] / П.В. Самолысов // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2019. – № 2. – С. 42–48. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

97. Символоков, О.А. Применение арбитражными судами антимонопольного законодательства по делам об антиконкурентных соглашениях / О.А. Символоков // Журнал российского права. –2021. – Т. 25. – № 11. – С. 133–149.

98. Смирнов, Г.К. Об общей проблеме модернизации государственной политики в области противодействия экономической преступности / Г.К. Смирнов // Государственная власть и местное самоуправление. – 2011. – № 2. – С. 35–39.

99. Смирнов, Л.В. Типичные дефекты дефиниций в законодательстве Российской Федерации / Л.В. Смирнов // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы : материалы Международного «круглого стола». – Нижний Новгород : Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. – С. 327–339.

100. Сойфер, Т.В. Запрет на согласованные действия как основание ограничения свободы договора / Т.В. Сойфер // Журнал российского права. – 2017. – № 1. – С. 29–38.

101. Спиридонова, А.В. Координация экономической деятельности хозяйствующих субъектов в условиях цифровизации / А.В. Спиридонова // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России : монография : в 4 т. Т. 1 / отв. ред. С.Д. Могилевский, Ю.Г. Лескова, С.А. Карелина, В.Д. Рузанова, О.В. Шмалий, О.А. Золотова, О.В. Сушкова. – Москва : Проспект, 2020. – 728 с.

102. Сулакшина, А.С. Правовые критерии определения согласованных действий и соглашений, ограничивающих конкуренцию / А.С. Сулакшина // Власть. – 2007. – № 8. – С. 74–84.

103. Сулименко, А.Д. Взыскание убытков, причиненных нарушением антимонопольного законодательства / А.Д. Сулименко // Юрист. – 2019. – № 7. – С. 61–69.

104. Сулименко, А.Д. Законодательная модель согласованных действий и ее применение к молчаливому сговору hub-and-spoke / А.Д. Сулименко // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2022. – №1. – С. 55–58.

105. Сулименко, А.Д. К вопросу о возможности осуществления антиконкурентных согласованных действий на торгах / А.Д. Сулименко // Юридическая наука. – 2025. – № 9. – С. 327–329.

106. Сулименко, А.Д. Нужен ли в российском антимонопольном законодательстве отдельный запрет на согласованные действия? / А.Д. Сулименко // Межотраслевой подход в юридической науке: Экономика. Право. Суд : сборник материалов II Международной научно-практической аспирантской конференции памяти В.Ф. Яковлева (г. Москва, 2 декабря 2022 г.) / под науч. ред. О.В. Зайцева, А.И. Сурдиной ; РАНХиГС, Ин-т гос. службы и управления, Высшая школа правоведения. – Москва : Статут, 2023. – С. 277–281.

107. Сулименко, А.Д. Отдельные аспекты разграничения согласованных действий и соглашений в конкурентном праве России / А.Д. Сулименко // Конкурентное право. – 2021. – № 3. – С. 10–12.

108. Сулименко, А.Д. Согласованные действия и коллективное доминирование: есть ли разница? / А.Д. Сулименко // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 7 (95). – С. 132–138.

109. Суменков, С.Ю. К вопросу о необходимости института коллективного доминирования / С.Ю. Суменков // Конкуренция и право. – 2015. – № 1. – С. 39–42.

110. Сушкевич, А.Г. Антиконкурентные соглашения: запреты, исключения из запретов и их пределы в новом Федеральном законе «О защите конкуренции» /

А.Г. Сушкевич // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. – № 6. – С. 34–40.

111. Сушкевич, А.Г. Правовая квалификация доминирующего положения в новом антимонопольном законодательстве / А.Г. Сушкевич // Закон. – 2008. – № 2. – С. 25–29.

112. Тенишев, А.П., Хамуков, М.А. Новый "антикартельный пакет": защита общественных интересов или мифы о давлении на бизнес? / А.П. Тенишев, М.А. Хамуков// Закон. – 2020. – № 2. – С. 65–73.

113. Тесленко. А.В. Долгий путь к эффективной уголовно-правовой защите конкуренции в современной России: 30 лет реформ [Электронный ресурс] / А.В. Тесленко // Закон. – 2021. – № 5. – С. 101–124. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

114. Тотьев, К.Ю. Легитимация субъектов предпринимательской деятельности [Электронный ресурс] / К.Ю. Тотьев // Законность. – 2002. – № 12. – С. 10–15. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

115. Усенко, Е.В. О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства. Комментарий к Постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.06.2008 № 30 / Е.В. Усенко // Закон. – 2008. – № 8. – С. 121–129.

116. Федоров, А.В. Уголовная ответственность юридических лиц [Электронный ресурс] / А.В. Федоров // Закон. – 2017. – № 6. – С. 62–69. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

117. Хамуков, М.А. Экономические методы идентификации картелей и иных антиконкурентных соглашений / М.А. Хамуков // Государственный аудит. Право. Экономика. – 2016. – № 2. – С. 49–55.

118. Хилюта, В.В. Преступление и его признаки: проблемы доктринальной оценки / В.В. Хилюта // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 3 (124). – С. 110–123.

119. Хохлов, Е.С. Коллективное доминирование в антимонопольном праве / Е.С. Хохлов // Законодательство. – 2011. – № 12. – С. 20–32.

120. Хохлов, Е.С. Меры предупредительного воздействия на хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение [Электронный ресурс] / Е.С. Хохлов // Закон. – 2017. – № 4. – С. 132–140. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

121. Хохлов, Е.С. Некоторые вопросы совершенствования понятия согласованных действий в российском конкурентном праве / Е.С. Хохлов // Актуальные вопросы современного конкурентного права : сборник научных трудов. Выпуск 1. – М. : Юстицинформ, 2017. – С. 75–94.

122. Хохлов, Е.С. Правовые позиции Верховного Суда РФ применительно к определению доминирующего положения на товарном рынке / Е.С. Хохлов // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2021. – № 4. – С. 32–44.

123. Хохлов, Е.С. Разъяснения ВАС РФ нового антимонопольного законодательства [Электронный ресурс] / Е.С. Хохлов // Корпоративный юрист. – 2008. – № 12. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

124. Цепелев, В.Ф. Конъюнктура в контексте оснований криминализации деяний и ее отражение в российском уголовном законе / В.Ф. Цепелев // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 12. – С. 18–22.

125. Шайхутдинов, Е.М. Комментарий Закона «О защите конкуренции» / Е.М. Шайхутдинов // Закон. – 2007. – № 1. – С. 141–146.

126. Шаститко, А.Е. Картель: организация, стимулы, политика противодействия / А.Е. Шаститко // Российский журнал менеджмента. – 2013. – Т. 11. – № 4. – С. 31–56.

127. Шаститко, А.Е. Ошибки I и II рода в сфере антимонопольного контроля сделок экономической концентрации / А.Е. Шаститко // Экономическая политика. – 2012. – № 1. – С. 95–117.

128. Шаститко, А.Е. Рыночная власть коллективно доминирующих компаний в контексте применения антимонопольного законодательства / А.Е. Шаститко // Научные исследования экономического факультета. – Электронный журнал. – 2010. – № 2. – С. 54–71.

129. Шаститко, А.Е. Экономико-правовые аспекты коллективного доминирования / А.Е. Шаститко // Экономическая политика. – 2011. – № 3. – С. 167–190.

130. Шаститко, А.Е., Ионкина, К.А. Химера отечественного антитраста: институт коллективного доминирования в России / А.Е. Шаститко, К.А. Ионкина // Вопросы экономики. – 2021. – № 7. – С. 68–88.

131. Шаститко, А.Е., Ионкина, К.А., Павлова, Н.С. Индивидуальное злоупотребление коллективным доминированием в сфере сотовой связи: проблемы определения / А.Е. Шаститко, К.А. Ионкина // Современная конкуренция. – 2021. – Т. 15. – № 3. – С. 50–70.

132. Южанов, И.А. Практика применения антимонопольного законодательства [Электронный ресурс] / И.А. Южанов // Российская юстиция. – 2000. – №5. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

Литература на иностранных языках

1. Connor John M. Global Cartels Redux: The Lysine Antitrust Litigation [Электронный ресурс] / M. John Connor // Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2520151

2. Filippelli, M. Collective Dominance and Collusion. Parallelism in EU and US Competition Law. – Cheltenham : Edward Elgar Publishing Limited, 2013. – 342 c.

3. Harrington, Jr. J. E. How Do Hub-and-Spoke Cartels Operate? Lessons from Nine Case Studies [Электронный ресурс] / Jr. J. E. Harrington // SSRN Electronic Journal. – 2018. – Режим доступа: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3238244

4. Ivaldi, M., Jullien, B., Rey, P., Seabright, P., Tirole, J. The Economics of Tacit Collusion : Final Report for DG Competition, European Commission. 2003 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.bateswhite.com/assets/htmldocuments/media.730.pdf

5. Jones, A. Woodpulp: concerted practice and/or conscious parallelism? / A. Jones // European Competition Law Review. – 1993. – Vol. 14. – № 6. – P. 273–279.

6. Hay, G.A. Oligopoly, Shared Monopoly, and Antitrust Law / G.A. Hay // Cornell Law Review. –1982. – Vol. 67. – P. 439–481.

7. Korah, V. Concerted practices / V/ Korah // The Modern Law Review. – 1973. – Vol. 36. – № 2. –P. 220–226.

8. Marchisio, E. From Concerted Practices to “Invitations to Collude” / E. Marchisio // European Competition Law Review. – 2017. – Vol. 38. – № 12. – P. 555–566.

9. Odudu, O. Indirect Information Exchange: The Constituent Elements of Hub and Spoke Collusion / O. Odudu // European Competition Journal. – 2011. – Vol. 7. – № 2. – P. 205–242.

10. Soames, T., Rose, N. An analysis of the principles of concerted practice and collective dominance: a distinction without a difference? / T. Soames, N. Rose // European Competition Law Review. – 1996. – Vol. 17. – № 1. – P. 24–39.

11. Steuer, R. M. Plausible Pleading: Bell Atlantic Corp. v. Twombly / R.M. Steuer // St. John’s Law Review. – 2008. – Vol. 82. – №. 3. – P. 861–876.

12. Whish, R., Bailey, D. Competition Law. – 9 ed. Oxford : Oxford University Press, 2018. – 1056 p.

Иные источники

1. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2019 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАС России. – Режим доступа: https://fas.gov.ru/documents/687048

2. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2021 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАС России. – Режим доступа: https://fas.gov.ru/documents/688431

3. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2023 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАС России. – Режим доступа: https://fas.gov.ru/documents/689569

4. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2024 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФАС России. – Режим доступа: https://fas.gov.ru/documents/689965

5. Особое мнение судьи КС РФ А.Н. Кокотова к Постановлению КС РФ от 17 января 2013 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения части 5 статьи 19.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Маслянский хлебоприемный пункт» // Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru

6. Пояснительная записка к законопроекту № 186242-4 [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/186242-4

7. Сайт Большой российской энциклопедии [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://bigenc.ru/